

Николай Молчанов

НЕИЗВЕСТНЫЙ

ДЕ ГОЛЛЬ

ПОСЛЕДНИЙ ВЕЛИКИЙ
ФРАНЦУЗ

Николай Молчанов

**Неизвестный Де Голль.
Последний великий француз**

«Алгоритм»

2011

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Молчанов Н. Н.

Неизвестный Де Голль. Последний великий француз /
Н. Н. Молчанов — «Алгоритм», 2011

ISBN 978-5-699-53020-5

Один из самых своеобразных, оригинальных и деятельных людей, вошедших в историю XX века, — генерал де Голль был выдающимся государственным деятелем и самым любимым президентом Франции. Он успел дважды возглавить страну, оба раза принимая руководство на пике национальной катастрофы и оставляя государство в состоянии экономического подъема и роста международного престижа. Книга профессора Н.Н. Молчанова — самая полная биография легендарного француза, одной из величайших личностей XX столетия.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-53020-5

© Молчанов Н. Н., 2011
© Алгоритм, 2011

Содержание

«Орленок»	6
Сен-Сир	15
Капитан	34
Шпага	46
Танки	57
Разгром	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Николай Молчанов
Неизвестный Де Голль.
Последний великий француз

© Молчанов Н.Н., наследники, 2011

© ООО «Алгоритм-Издат», 2011

© ООО «Издательство Эксмо», 2011

«Орленок»

Поздней осенью 1900 года по одной из аллей Люксембургского сада мимо холодных статуй и уже потерявших листву деревьев проходил высокий, немного сутулый, сидящий мужчина, весь в черном. Преподаватель философии коллежа иезуитов на улице Вожиар Анри де Голль время от времени бросал то суровый, то мягкий взгляд на шагавшего рядом с ним сына Шарля, которому в этот день исполнилось десять лет. Они возвращались из театра Сары Бернар. Мальчик дождался, наконец, обещанного подарка, в руке он держал программу «Орленка», спектакля Эдмона Ростана. В последние месяцы Шарль столько слышал о нем! О Ростане говорили, что стоит ему захотеть, и завтра он будет королем Франции, так велика его слава!

Она засияла еще три года назад, после постановки знаменитой героической комедии «Сирано де Бержерак». Ростан воскресил старинное искусство стихотворной романтической драмы. Его главный герой Сирано заставлял плакать и смеяться одновременно. Отважный, благородный, остроумный гасконец, со смешным огромным носом, казалось, воплощал самые лучшие качества типичного француза. Новая пьеса «Орленок» была несравненно слабее. Злосчастная судьба сына Наполеона, так называемого Римского короля, оказавшегося после падения императора фактическим пленником австрийского королевского двора, вообще мало походила на ее изображение в пьесе. Ростан невольно подтвердил справедливость слов Наполеона о том, что от великого до смешного – один шаг. В «Орленке» трагедия смешалась с дешевой опереттой и, несмотря на блестящие александрийские стихи, великолепную игру актеров, пышное оформление пьесы, получилась банальная мелодрама. И все же «Орленок» затмевал успех действительно замечательной пьесы «Сирано де Бержерак» и производил Фурор. Впрочем, пьесы, как и книги, имеют свою судьбу в зависимости от головы читателя или зрителя!

А французы в дни, когда начинался новый век, оказались необычайно восприимчивы к напыщенной риторике на тему о Родине, Величии, Франции. Если речь заходила об унижении национальной святыни, об имени Наполеона, а об этом и напоминал Ростан в «Орленке», возмущенное патриотическое чувство доходило до экстаза. Уже тридцать лет французы болезненно переживали позор поражения во франкопрусской войне 1870–1871 годов. Франция познала тяжкое горе побежденных: у нее отняли Эльзас и часть Лотарингии, заставили платить огромную пятимиллиардную контрибуцию. Франции, как заявил Бисмарк, оставили лишь глаза, чтобы оплакивать свои несчастья...

Три десятка лет не только не ослабили чувства унижения, но превратили его в жажду отмщения. Франция вновь стала сильной. На Всемирной парижской выставке 1900 года она демонстрировала свои богатства, достижения и таланты. Теперь боль от старых ран стала невыносимой. Французы ничего не забыли, статуя захваченного врагом Страсбурга на площади Согласия неизменно покрывалась траурным крепом, а ее подножие утопало в цветах. Дух реванша, грозно созревая, выражался в самых неожиданных вещах. В моду вошли матросские береты для мальчиков с надписями вроде «Мститель», «Бесстрашный», «Неукротимый». Такая золотая надпись украшала и голову десятилетнего Шарля де Голля, возвращавшегося с представления «Орленка» как во сне: настолько его потрясла пьеса. Взгляд блуждал по сторонам, а в ушах не умолкали великолепные, звенящие стихи Ростана. Тирады старого наполеоновского солдата Фламбо, страдания несчастного «белокурого Бонапарта», игравшего на сцене в солдатики, любимое занятие маленького Шарля, – все волновало его. Слова сына Наполеона отдавались в сознании ребенка звучным эхом: «О царственная слава! Имперский трон, порфира и орлы!» Глаза наполнялись слезами, когда он вспоминал ран-

нюю смерть Римского короля, покидавшего мир с очередной звонкой фразой: «Скорей коня, к отцу спешить я должен...»

Словом, Ростан безраздельно и надолго завоевал сердце Шарля. Видно, не зря мать еще раньше завивала и причесывала ему локоны под Римского короля, а вокруг его тонкой шеи обычно лежал туго накрахмаленный воротничок, подобный тому, в каком великий актер Коклен исполнял роль Сирано.

Правда, тогда все французские дети, выраставшие в атмосфере националистического психоза, легко поддавались обаянию барабанного боя, пушечной канонады, сверкания оружия и трепета боевых знамен. Но юный Шарль де Голль оказался особенно восприимчивым ко всей этой патриотической бутафории. Культ восторженного патриотизма, давних традиций, страстной национальной гордости безраздельно царил в семье, где он воспитывался. Здесь часто с грустью говорили о поражении Франции во франкопрусской войне. На всю жизнь запомнится Шарлю де Голлю рассказ матери об отчаянии, которое она испытала однажды в детстве, увидев своих родителей, горько плакавших при известии о капитуляции в 1870 году армии маршала Базена. О горестных днях поражения особенно часто напоминал отец Шарля, участник злосчастной войны. Лейтенант мобильной гвардии Анри де Голль сражался против пруссаков, осадивших Париж, был ранен в бою около местечка Стен. Он не раз возил своих детей на бывшее поле битвы и показывал им памятник погибшим с изображением сломанного меча и эпитафией, которую они с волнением читали: «Меч Франции, разбитый в доблестных руках павших, будет снова выкован их потомками».

Анри де Голль часто водил детей на прогулки по историческим местам Парижа и его окрестностей, рассказывая по пути о самых славных эпизодах истории Франции. Юный Шарль де Голль восторженно проникается чувством патриотической гордости. О самых сильных впечатлениях своего детства он напишет много лет спустя: «Ничто так не поражало меня, ребенком попавшего в Париж, как символы нашей славы: Собор Парижской богородицы, окутанный ночным сумраком, Версаль в его вечернем великолепии, залитая солнцем Триумфальная арка, трофейные знамена, колышущиеся под сводами Дворца инвалидов».

Анри де Голль показывал детям исторические памятники с таким же видом, с каким он давал им потрогать свою военную медаль 1870 года. Ведь эти памятники тоже были своего рода семейной гордостью. Уже в раннем детстве Шарль де Голль узнал о своих предках, на протяжении веков помогавших королям «создавать» Францию.

Далеко не каждый из его сверстников, происходивших из старинной французской знати, мог похвастаться тем, что еще в 1210 году славный король Филипп Август пожаловал Ришару де Голлю ленное владение в Эльбеже.

Особенно заметный след оставил участник Столетней войны храбрый шевалье мессир Жан де Голль, правитель Орлеана. В 1406 году с отрядом арбалетчиков он переправляется через Сену и штурмует Шарантон, в 1413 году король поручает ему защиту ворот Сен-Дени, которые осаждал герцог Бургундский, а через два года он участвует в знаменитом сражении при Азенкуре, окончившемся поражением французов. Когда англичане захватывают Нормандию, Жану де Голлю предлагают перейти на службу к английскому королю. Подобно своему далекому потомку, он отказывается стать коллаборационистом, теряет свои владения и обосновывается в Бургундии; король Франции вознаграждает его за верность и наделяет владением в Кюзери...

Генеалогическое древо де Голлей дает новые ветви, и на страницах истории упоминается то один, то другой представитель рода, носившего имя, столь созвучное с названием древней Галлии, на земле которой возникла Франция. К началу XVIII века предки Шарля де Голля превращаются из представителей «дворянства шпаги» в «знать мантии». Наместники, советники парламентов, судебных учреждений, адвокаты, прокуроры сменяют друг друга в семейном списке.

Но вот наступает Великая французская революция, и советник парижского парламента ЖанБатистФилипп де Голль, как и все дворяне Франции, ощущает на себе ее железную руку. Он разорен, а при Конвенте посажен в тюрьму. Контрреволюционный переворот 9 термидора спасает его; на другой день он уже на свободе, а затем постепенно приспосабливается к новым временам. К концу правления Наполеона он становится директором военной почты Великой армии. А его сын ЖюльенФилипп де Голль соединяет уже порядком высохшую ветвь дворянского рода с промышленной буржуазией севера. Он женится на Жозефине Мэйо из семьи владельцев табачной фабрики в Дюнкерке. И у нее был хотя и более скромный, но приличный список предков. Один из Мэйо в XVIII веке строил по приказу Вобана укрепление Лилля.

Два полуразрушенных рода – один аристократический, другой буржуазный – дали не совсем обычную поросль, которую можно назвать консервативной интеллигенцией. ЖюльенФилипп де Голль оставил после себя несколько исторических сочинений, например «Новую историю Парижа и его окрестностей» или «Жизнеописание пейзажиста гна Бидо». Но особенно активную духовную деятельность развила бабушка Шарля – Жозефина Мэйо. Она написала немало книг, в частности биографию Шатобриана, поклонником которого станет ее знаменитый внук. Она издавала также журнал «Семейная переписка». Ревностная католичка, она тем не менее проявляла необычную широту взглядов. В своем журнале Жозефина напечатала одобрительные комментарии к некоторым сочинениям социалиста Прудона и даже произведения будущего коммунара Жюля Валлеса.

В этой семье было три сына. Шарль стал историком, написавшим труд «Кельты в XIX веке». Второй сын – Ж. юль тоже пошел в науку, но совсем иную. Он приобрел известность как энтомолог своим «Каталогом перепончатокрылых Франции», в котором описал пять тысяч видов ос и пчел. Судьба третьего сына – Анри, родившегося в 1848 году, сначала была неопределенной. Участник войны с Пруссией, допущенный в военноминженерную Политехническую школу, он отказался от карьеры офицера, предпочел должность мелкого чиновника в префектуре департамента Сена. Здесь он тоже не задержался, подав в отставку в знак протеста против несправедливости по отношению к одному из его коллег. В конце концов, он стал преподавателем «свободной», то есть религиозной, школы. Он обучал литературе, философии, математике учеников иезуитского коллежа Непорочного зачатия на улице Вожирар.

В 1886 году Анри де Голль женился на своей кузине Жанне Мэйо: так род де Голля еще раз породнился с промышленной буржуазией севера. 22 ноября 1890 года у супругов родился второй сын. Если первого они называли Ксавье, то второму удачно досталось звучное имя Шарль, очень подходящее для будущего политического деятеля. Он появился на свет в строгом двухэтажном особняке солидного буржуазного квартала города Лилля, вдали от его шумных промышленных районов. Но нет нужды особенно останавливаться на описании Лилля; семья жила в Париже, и двое старших сыновей родились здесь только потому, что мадам де Голль хотела родить в доме своей матери.

Многие считали, что Шарль де Голль по своему характеру был вылитым портретом матери: та же чувствительность, скрытая под ледяной маской невозмутимости, тот же темперамент, в котором смешивались уравновешенность и нервозность, та же внезапная вспыльчивость. Что же касается мировоззрения, культуры, манеры мышления, то он – явно сын своего отца. Разумеется, все эти проявления врожденной наследственности – дело темное и напоминают извечные разговоры о том, от кого из родителей сын унаследовал цвет глаз, форму носа или походку. Важнее восстановить духовную атмосферу, в которой рос и воспитывался человек, вступавший в жизнь.

Север Франции, откуда ведет свое происхождение семья Шарля де Голля, всегда считался центром национализма в сочетании с католицизмом. Однако церковь выражает здесь

несколько иной дух, чем, например, в западных районах Франции, где многое застыло в формах феодальных времен. На севере католики склонны больше прислушиваться к новым веяниям. Это в какойто степени свойственно и части промышленной буржуазии северных департаментов. Здесь, вблизи скрещения главных европейских торговых путей и промышленных районов, нельзя было выдержать конкуренции без особой предприимчивости, без умения приспосабливаться к новым обстоятельствам и требованиям рынка и, конечно, без экономии и неустанного труда. Север – главное средоточие деловой энергии тогдашней французской буржуазии, что отражалось во всем ее пуританском облике, в образе жизни и нравах. Дворянство здесь тоже, в отличие от юга и запада, более современное, особенно близкое к новой буржуазии. К тому же среди населения севера росло число рабочих, которые посвоему вынуждали местную буржуазию понимать требования времени. Что касается национализма, то его сильное влияние объясняется тем, что на протяжении веков этот район Франции был полем битв и путем вражеских вторжений.

Вообще, атмосфера человеческих отношений, быт, нравы на севере отличались значительно более суровым колоритом, чем на средиземноморском юге, в Лангедоке или Провансе. Еще Бальзак писал, что весь характер уроженцев этих мест «в двух словах: терпение и добросовестность... которые делают нравы страны столь же скучными, как ее широкие равнины, как ее пасмурное небо». Но оставим север, поскольку Шарля де Голля еще ребенком увезли в Париж, а несколько поколений его предков по линии отца были парижанами.

Жанна де Голль, женщина набожная, создавала в доме жизнь, полную благочестия. Хорошая жена и заботливая мать, она была властной и непримиримой в отношении религии и нравов. Под стать ей был и муж; не зря же он преподавал в религиозном учебном заведении.

Не говоря уже об обязательном посещении мессы, ничего не делалось без молитвы. Тоска по прошлому, и особенно по монархии, надежды на восстановление которой безнадежно рухнули, создавала в семье настроение некоторой отчужденности от окружающей жизни. 14 июля – день взятия Бастилии – почти не признавался законным торжеством. Национальным праздником считали больше день памяти Жанны д'Арк.

События политической жизни встречали одобрение только в том случае, если речь шла о какомлибо намеке на возрождение «истинного величия» Франции. С восторгом отнеслись родители Шарля к приезду в Париж в 1896 году русского императора Николая II. Союз с Россией обещал успех в назревавшей войне с Германией. В Париже хотя бы внешне возродилась видимость монархической атмосферы в ходе разных официальных церемоний вроде торжественной закладки первого камня в мост Александра III. Семья непременно отправлялась на военные парады на ипподром в Лоншане, чтобы любоваться стройными рядами солдат, своим видом напоминавших о былой воинской славе. Правда, Анри де Голль, называвший себя «тоскующим монархистом», предпочел бы видеть не трехцветные республиканские знамена, а королевские лилии на белых стягах. Только два института французского общества считались в семье Анри де Голля достойными всяческого уважения и доверия – армия и церковь. Но с тем большей горечью следили здесь за ожесточенной борьбой против этих столпов тысячелетней истории Франции. Последнее десятилетие XIX века было наполнено непримиримыми распрями, в центре которых оказалось знаменитое «дело Дрейфуса». Судьба невинно осужденного за мнимый шпионаж офицераеврея возмутила совесть Франции. Страна оказалась на грани гражданской войны. Раскрылась гнусная цепь подлогов, лжи, мошенничества, к которым прибегала верхушка французской армии, чтобы спасти свое лицо в позорном для нее «деле Дрейфуса».

Родители Шарля де Голля были уязвлены в своих сокровенных чувствах: обожаемая ими армия, эта национальная святыня, покрыла себя грязью невиданного позора. Оказалась запачканной и сама святая апостольская Церковь, выступавшая на стороне клики, столь нелепо состряпавшей «дело Дрейфуса», чтобы сокрушить ненавистную Республику. Пре-

ступные махинации военщины и клерикалов убедительно и бесстрашно разоблачали Жан Жорес и Эмиль Золя. Но люди консервативных убеждений вопреки очевидным фактам обычно становились все же на сторону антидрейфусаров. И здесьто проявилось благородство, интеллектуальная честность Анри де Голля. Он не только считал Дрейфуса невиновным, но даже открыто заявил об этом на службе. И где? В иезуитском коллеже! Это серьезно повредило его карьеру.

Впрочем, консервативные убеждения, националистическая гордость, монархические мечты и клерикальные симпатии родителей Шарля оставались вопреки всему непоколебимыми. Они лишь замыкались в одиночестве, еще раз убеждаясь, что все, чем может гордиться семья, связано с прошлым Франции, с ее историей.

С раннего детства Шарлю внушали, что по воле счастливого случая он – продолжатель столь славного в прошлом, хотя ныне увядшего генеалогического древа рода де Голлей. Естественно, каждый раз речь заходила о Столетней войне и событиях, ей подобных. Детям говорили, что людям такого происхождения никогда не следует изменять своей исторической миссии, состоящей в том, чтобы хранить высокий духовный облик нации, быть опорой патриотизма и католической веры. Вот к чему сводилось семейное воспитание будущего генерала! Он рано осознал свою принадлежность к подлинной элите, призванной самим богом быть солью земли и составлять когорту избранных носителей французского духа. Конечно, признавались и заслуги промышленной и коммерческой буржуазии, однако подчеркивалось неизмеримое превосходство над этим разрядом людей, обреченных на вечную низменную погоню за деньгами.

Видимо, здесь и лежат истоки того, что де Голль никогда, до конца своих дней, не признавал своей принадлежности к буржуазии. Забегая вперед, приведем слова, сказанные им в 1962 году: «Буржуа? Я им никогда не был. Буржуазия – это богатство, стремление к доходам, к собственности. Моя семья и я, мы всегда были бедны... Я никогда не чувствовал себя связанным с интересами и стремлениями этого класса».

Как мы еще будем иметь возможность убедиться, генерал де Голль имел весьма своеобразное представление о классовой структуре общества.

Вернемся, однако, к дням его нежного детства, когда ему внушали убеждение в его принадлежности не столько к буржуазному классу, сколько к самой выдающейся, самой высшей общественной группе – к дворянству, причем к его особой, избранной касте, той, которая не просто сражалась за короля, но обладала знаниями, правом судить, управлять, просвещать, поучать людей. Он приобретал не обычное гордое сознание дворянина, но особое патрицианское чувство. Им всегда отличались представители наследственной магистратуры, дворянства «мантии», к которому принадлежали многие предки Шарля де Голля.

Конечно, сама по себе дворянская приставка «де» уже практически мало что значила. Тем более, как говорили в старину во Франции, «нет сеньора без земли». А земли, как и богатства, не было, если не считать маленького семейного владения Ла Лижери в Дордони, где дети проводили лето. Однако сознание своего благородного происхождения психологически ведет к тому, что человек хочет быть знатным и стремится к власти. Он проникается чувством отличия от других и инстинктивно приобретает некоторую чопорность языка и манер, даже, как это было с де Голлем, если он и не кичится открыто своей знатностью. Ведь родители наряду со всем прочим воспитывали в нем на свой лад хорошие манеры, хороший вкус, хороший тон.

Уже в раннем детстве в его поведении порой проявлялись признаки веры в свою особую судьбу. Однажды десятилетний Шарль по обычаю мальчиков его возраста, забавляясь, съезжал по перилам лестницы, но, не удержав равновесия, упал и больно ушибся. Его подняли и участливо спросили: «Ты не испугался?» – «Испугался? – гордо ответил он. – Разве я родился не под счастливой звездой?»

Мальчик очень рано обнаружил отнюдь не покладистый характер. Никто не называл его простодушным или тем более послушным. С опущенными глазами его лицо выражало какуюто надменность, а когда он смотрел вперед, его взгляд исподлобья одним казался отважным, другим – заносчивым. Иногда он погружался в долгое мрачное молчание. Но гораздо чаще он был непоседливым и задиристым, горячим и резким. С азартным увлечением Шарль устраивал игру в войну вместе с сельскими мальчишками. В комнате мальчиков именно он подымал невыносимый шум, устраивая из книг, тетрадей и игрушек беспорядочную свалку. «Если появляется Шарль, – говорили в семье, – покой исчезает».

Мать надеялась на школу; в 1900 году Шарль начал учиться в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Иезуиты славилась искусством внушать уважение к священному принципу власти и воспитывать беспрекословное послушание. Пассивное повиновение – высшая из всех христианских добродетелей и величайшая заслуга перед богом. Развитию этой добродетели и посвящали иезуиты свои главные усилия. Руководствуясь учением Святого Бернарда, они требовали беспрекословного повиновения любым приказам свыше, даже если эти приказы покажутся отвратительными и ужасными. Рассуждать о целесообразности или справедливости приказа – тяжкий грех. «Как труп в руках начальства» – таким должен быть христианин согласно учению основателя Ордена иезуитов Игнатия Лойолы.

Все, что отдавало противоположными идеями и духом, естественно, решительно отвергалось. Преподаватели в коллеже Непорочного зачатия сурово поносили Реформацию во всех ее проявлениях, и особенно XVIII век – век французского Просвещения. Руссо, Вольтер, энциклопедисты безоговорочно осуждались. Да и как могло быть иначе, если, например, Монтескье в знаменитой книге «Дух законов» в корне подрывал доктрину пассивного повиновения? «Абсолютное повиновение, – писал великий мыслитель, – предполагает невежество того, кто подчиняется, оно предполагает также невежество и того, кто повелевает».

Особенно яростные проклятия иезуиты обрушивали на Великую французскую революцию и ее деятелей. Вот что могли прочесть дети в своих учебниках: «Дантон был очень уродлив. Он напоминал разъяренного бульдога. Он был очень жесток. Он был бесчестен»; «Марат был ужасной личностью. Говорят, он напоминал жабу...»; «Робеспьер страдал безумной гордостью. Он считал себя всегда правым и хотел казнить всех, кто думал иначе, чем он». Понятно, почему как раз в те годы, когда Шарль де Голль учился в иезуитском коллеже, республиканцы, демократы и социалисты Франции упорно добивались принятия закона, который запретил бы религиозным конгрегациям, особенно иезуитам, заниматься обучением детей, запретил бы воспитывать их врагами Республики, демократии и прогресса.

Но все это происходит в ином мире, от которого юного Шарля де Голля прочно ограждают идеи, усвоенные в семье и в школе. Очень многое за стенами дома и коллежа для него совершенно непонятно, чуждо и необъяснимо. И хотя юный ум развивается и познает, а духовный горизонт расширяется, так остается надолго. Устойчивость, незыблемость однажды приобретенных представлений – одна из важных особенностей его личности. Тем более важно проследить процесс формирования мировоззрения юного де Голля.

Отцы иезуиты не преуспели в обуздании характера Шарля. Надежды на то, что коллеж упорядочит, смирит, дисциплинирует его, не оправдались. Мальчик обнаружил весьма неподатливую натуру. Речь не идет о том, что он отвергал глубоко консервативную, а точнее, реакционную идейную сущность образования, даваемого иезуитским коллежем. Иного идейного мира он просто не знал и не мог даже вообразить возможной альтернативы тому изощренному мракобесию, которое иезуиты выдавали за божественное откровение. Не вызвала протеста и религиозная сторона – обязательные мессы, молитвы до и после занятий, занятие апологетикой, катехизисом, духовным чтением и прочими благочестивыми «науками»

и Церемониями. Религия уже стала для него привычкой; и, отнюдь не обладая фанатизмом в вере, он выполнял все положенное, подобно умыванию по утрам.

Дело состояло в том, что система мелочной дотошной регламентации, не обоснованной никакой логикой, необходимость безропотного подчинения всему, что предписано, оказались для него непереносимыми.

Стать «трупом в руках начальства» Шарль де Голль не мог. Его натура отвергала необходимость пассивного повиновения, во всяком случае для него самого. И он сохранил свой характер, побуждавший его в наиболее значительные моменты жизни проявлять именно активное неповиновение, что и сделает его человеком выдающимся.

Шарль возмущался принудительными школьными порядками. Часто ему указывали на его недисциплинированность, на небрежность в занятиях. Много лет спустя, будучи президентом Республики, генерал неожиданно признался своим внукам и внучатым племянникам: «В начальных классах школы я никогда не учил уроков. Но этому примеру не следует подражать!»

Он отнюдь не был ленивым и проявлял исключительное прилежание, но лишь тогда, когда делал то, что ему нравилось, что волновало его воображение. Но вот, например, уроки немецкого языка вызывали у него отвращение. Родители пытались всеми способами утихомирить его причудливую натуру. Так, мать настояла, чтобы он брал уроки фортепьяно у мадемуазель Монтей. Но результаты оказались более чем посредственными. «Шарль очень беспокоит меня, – говорил его отец, – он весьма способный и далеко пойдет, но ему так не хватает умеренности и здравого смысла... Боже! Сделай так, чтобы все было хорошо...»

Впрочем, родительские опасения оказались напрасными. Вскоре Шарль начинает соперничать со старшим братом Ксавье, успехи которого ему постоянно ставили в пример. Природная одаренность брала свое. К тому же семья воспитала в нем вкус к культуре. Он с удовольствием слушает по вечерам отца, читавшего Расина или Сенеку, хотя в те годы он отдавал предпочтение Ростану. Он выучил наизусть всю пьесу «Сирано де Бержерак».

Трон и алтарь, сабля и кропило – вот идеалы, стоявшие в центре обучения в коллеже Непорочного зачатия. Однако воспитанникам давали основательные знания античной и классической французской литературы. Разумеется, усвоение латинской культуры мало способствовало пониманию окружающей действительности. Но несомненно, что Шарль де Голль получил серьезную литературную подготовку на традиционной классической базе. На всю жизнь он сохранил тот стиль речи, языка, который он приобрел в детстве. Его выступления всегда будут отличаться цicerоновским стилем, своеобразным эпическим характером, так же как и краткостью, ясностью, четкостью терминов. В сочетании со смелостью лексикона, образностью мышления все это поможет ему выработать эффектное и одновременно доходчивое красноречие.

Вкус к литературе не только пробуждает в нем не ослабевавшую никогда страсть к чтению, но и стремление испытать свои силы на соблазнительном литературном поприще. Увидев в одном журнале объявления о литературном конкурсе, он пишет, естественно в стиле Ростана, небольшую пьесу в стихах «Дурные встречи». Говорили, что ее довольно банальное содержание заимствовано у известного шансонье Гюстава Надо. Во всяком случае, ему присуждают первую премию: он мог по своему выбору либо получить 25 франков, либо опубликовать свое произведение. Юный литератор предпочел публикацию. К чести начинающего автора следует отметить, что в дальнейшем он не пытался писать стихи.

Навсегда сохранившиеся у него литературные наклонности все же отступают на второй план перед рано пробудившимся интересом к истории. Если литература способствовала приобретению де Голлем формы, манеры, стиля в выражении мыслей и взглядов, то его мировоззрение формировалось главным образом изучением истории. Французы вообще очень любят историю и гордятся не без основания великим прошлым своей страны. Шарль

де Голль отдавался изучению истории самозабвенно, забывая даже в праздничные дни ради чтения исторических книг игры, забавы и развлечения. Эта страсть зародилась еще в кругу семьи. В школе история становится любимым предметом Шарля де Голля, и он приобретает обширные исторические познания, хотя и довольно односторонние. Ведь историю в коллеже иезуитов преподавали так, что она состояла исключительно из перечисления войн, сражений, описания деяний полководцев и королей. «Сорок королей создали Францию» – этот знаменитый принцип определял сущность той философии истории, которую внушали воспитанникам коллежа. В этой истории не оставалось места для народных масс, для борьбы классов. Над всем царили божественное провидение и гений властителей.

Но даже из такого архаичного и консервативного изложения истории Шарль де Голль постепенно извлекает идею, которая помогает ему выработать цельное мировоззрение, основанное на абсолютном приоритете национального фактора. Нация в его представлении служит извечным элементом жизни, сохраняющимся в неприкосновенности под покровом меняющейся действительности.

В представлении де Голля время как бы течет обратно, к прошлому. Конечно, это странное понимание истории, хотя иногда возвращение к прошлому может означать движение вперед. Он проникался сознанием, что высшей целью истории, ее смыслом и содержанием является существование и укрепление французской нации. Все должно служить величию Франции. Молодой де Голль приходит к твердому убеждению, что этому должна быть подчинена и его собственная жизнь. «Еще в коллеже он знал, – скажет через много лет его младший брат Пьер, – что ему предстоит спасти Францию...»

Вот так молодой человек XX века осваивал культуру, состоявшую из понятий и представлений XVIII столетия. Франция, к которой устремлялись все его помыслы, в его сознании была застывшей социальной формой, тогда как в действительности она в эти годы представляла собой бурно клокочущий, кипящий котел ожесточенных политических страстей. В первом десятилетии XX века снова усилилась классовая борьба между буржуазией и пролетариатом. Забастовки не прекращались. Мостовые промышленных городов Франции все чаще обливались кровью пролетариев. Каждые выборы неизменно увеличивали число социалистических депутатов в парламенте. Левобуржуазные партии, и прежде всего радикалы, завоевывали большинство мест в парламенте. Правые, клерикалы и монархисты теряли влияние. Эти три главных политических течения сталкивались в ожесточенной борьбе за власть. Правительства быстро сменяли одно другое. Парламент превратился в арену непрерывных политических схваток. Ни одна из политических партий не была единой, и внутри них соперничали левые, правые, умеренные и крайние. Это была одна из самых драматических страниц политической истории Франции, раздираемой непримиримыми классовыми противоречиями.

Вспоминая годы юности, Шарль де Голль писал об этом времени: «Меня интересовала и вместе с тем возмущала драма, непрерывно разыгрывавшаяся на арене политической борьбы. Я восторгался умом, энтузиазмом и красноречием участников этой драмы. В то же время меня удручало, что столько талантов бессмысленно растрачивалось в результате политического хаоса и внутренних распрей, тем более что в начале XX века стали появляться первые предвестники войны».

Бурная политическая жизнь Франции казалась молодому де Голлю бессмысленной, поскольку для него смысл политики сводился лишь к идее единства нации, которая в действительности совершенно не соответствовала реальной структуре общества. Как ни благоприятна эта идея в исключительные моменты внешней опасности, она не могла, конечно, отменить суровую неизбежность глубокого раскола французской нации на антагонистические социальные классы и группы. Де Голль всегда с возмущением, притом совершенно искренним, думал о том, как все было бы ясно и просто, если бы «демоны» яростных внут-

ренных раздоров и «злой дух» раскола не ослабляли Францию! Он до конца своих дней будет возмущаться таким противоестественным, по его мнению, положением. Его негодование вызывают все проявления «раскола», кто бы ни был их инициатором: правые или левые. Ему казалось, что он сохраняет политический нейтралитет и стоит выше распрей. Это была лишь иллюзия. Под знаменем национализма неизменно выступали правые. И это столь близкое сердцу де Голля знамя влекло его к ним. Между тем социалисты провозглашали идею интернационализма, представлявшуюся де Голлю уже в юные годы чемто граничащим с национальной изменой. Так крайняя приверженность к патриотическому идеалу нации, прочно усвоенному де Голлем с детства, неизменно вела его в правый, консервативный, реакционный лагерь. Однако она не заводила его настолько далеко, чтобы утратить чувство реальности. Он не симпатизировал крайним клерикалам и монархистам, все еще слепо надеявшимся на восстановление монархии и всевластия церкви. Однажды мать де Голля, слушая, как хвалят ее сыновей, с грустью заметила: «По правде говоря, я сама нахожу у них прекрасные качества... Несмотря на это, они заставляют меня страдать... Они республиканцы...» Молодой де Голль рано понял иллюзорный характер монархических надежд своих родителей и поверил в прочность республиканского строя. Правда, ему хотелось, чтобы Республика была иной: единой, сохраняющей традиционные устои в виде церкви и армии; словом, Республика, в которой царил бы «порядок». Поэтому его отнюдь не радовали успехи демократов и республиканцев в борьбе с клерикальной реакцией. Тем более что события такого рода непосредственно затрагивали его личную судьбу.

Сен-Сир

Уныние воцарилось в семье Анри де Голля в один из июльских дней 1904 года. Случилось то, чего здесь с тревогой ждали уже несколько лет: парламент принял закон, запрещающий религиозным конгрегациям преподавание в школах. До сих пор еще была какая-то надежда, что сопротивление церкви антиклерикальному законодательству увенчается успехом. Святые отцы разжигали яростный фанатизм и поднимали шумное движение в защиту «свободной» школы. В самых отсталых департаментах, вроде Финистера, дело доходило до вооруженных схваток между одурманенными католиками и полицией, изгонявшей монахов из школ. Но основная масса населения не поддержала «черную партию». И вот теперь закрытие иезуитского коллежа Непорочного зачатия, как и других заведений подобного рода, было лишь вопросом времени. Где же будут учиться Шарль и его три брата? Более того, благополучие всей семьи оказалось в опасности: ведь ее глава в это время заведовал учебной частью коллежа на улице Вожирар.

Между тем Шарль уже успешно закончил класс риторики. Но он еще слишком молод, и ему рано сдавать экзамены на бакалавра; чтобы не терять времени, его записывают и в класс философии. Однако закончить учебу в Париже ему так и не удалось. Республика неумолима: преподавательская деятельность иезуитов отныне запрещена. Разумеется, Шарль де Голль мог бы продолжать учебу в каком-нибудь светском коллеже. Однако его родители презируют эти республиканские заведения. Отец посылает сына в 1907 году учиться за границу, в Бельгию. Сюда перебрались парижские иезуиты и основали коллеж Святого Сердца. Он разместился в Антуане, вблизи Турнэ, совсем рядом с французской границей. Шарль де Голль продолжает учебу недалеко от знаменитого поля сражения при Фонтенуа, ныне засаженного свеклой. Не так далеко отсюда и легендарные холмы Ватерлоо. Это снова привилегированное учебное заведение; многие из его учеников носят имена с дворянской приставкой и обращаются друг к другу только на «вы». Не зря коллеж занял бывший замок принца де Линя, кирпичный фасад которого возвышается над рекой Эско.

Шарль де Голль занимается в специальном математическом классе и обнаруживает большие способности к математике. Преподаватели советуют ему поступить после окончания коллежа в Политехническую школу. Но юноша, который одно время мечтал стать миссионером, уже сделал окончательный выбор своего пути. Он хочет быть офицером и намерен поступить в военное училище Сен-Сир. Отнюдь не случайно появилось у него стремление к карьере профессионального военного. Сказалось прежде всего обычное для молодого человека дворянского происхождения, воспитанного в иезуитском коллеже и в консервативной семье, предубеждение против всех республиканских институтов, кроме традиционных «устоев общества»: церкви и армии. Но такое простое объяснение далеко не исчерпывает мотивов, побудивших молодого де Голля избрать военное поприще. Этот выбор является результатом длительных размышлений о судьбе родины и своем жизненном пути, закономерным плодом его духовного развития, завершавшегося в сложной, напряженной и противоречивой интеллектуальной атмосфере Франции начала нынешнего века.

Позднее сам де Голль опишет эту атмосферу, как она представлялась ему в годы юности: «Появление Бутру и Бергсона в области философии, обновивших французскую духовную жизнь, таинственное очарование Пеги, ранняя зрелость молодежи, чувствовавшей приближение кровавой жатвы, влияние Барреса в литературе, прививавшего элите сознание вечных национальных ценностей, объединявших ее с предками...»

Собственно, в этом кратком перечислении имен, течений, явлений — ключ к пониманию духовного мира молодого де Голля, тех влияний, которым он подвергался в возрасте 15–20 лет, того образа мыслей и мироощущения, который он в основном сохранит на всю

жизнь. В окружавшей его духовной среде чувствовались страх, замешательство перед крушением многих представлений: интеллектуальный кризис охватил буржуазную интеллигенцию, отражая кризис всего общества. Укоренившиеся за предшествующие десятилетия взгляды механистического материализма, особенно ярко отразившиеся в различных течениях философии позитивизма, терпели банкротство перед лицом новейших открытий в физике, биологии, психологии и других науках. Прежнее почтение перед ними сменилось глубоким разочарованием, скептицизмом, бегством в мир иррационального, мистического, теологического представления о жизни, обращением к самым отсталым, устаревшим, реакционным политическим идеям. Только марксистский диалектический материализм оказался способным объяснить сущность мнимого «всеобщего» духовного кризиса и показать, что это кризис лишь буржуазной мысли, отражающий загнивание капитализма, вступившего в эпоху своего окончательного распада. Но идеи марксистов для той среды, где воспитывался де Голль, оставались книгой за семью печатями. Здесь выхода из кризиса искали не путем более глубокого познания действительности, а удалением от нее, вернее извращением этой действительности в интересах господствующих социальных сил. Классовый страх выражался в клевете на науку.

Эмиль Бутру, первый, кого упомянул де Голль среди своих духовных наставников, развивал теории о случайности, несовершенстве, недолговечности законов природы. Бутру пытался согласовать развитие науки с идеализмом, с решающим значением духовного начала.

Однако несравненно большее воздействие на де Голля имела философская теория Анри Бергсона, считавшегося одно время учеником Бутру, но ушедшего значительно дальше своего учителя. Очень трудно ответить на вопрос: куда он ушел, в каком направлении? Теории Бергсона крайне сложны и противоречивы. В них есть положения, близкие к пониманию объективной диалектики жизни. Но еще больше у Бергсона идеалистических взглядов. Эклектичность бергсонизма позволяла интерпретировать его поразному в зависимости от интеллектуальных и социальных склонностей.

Несомненно все же, что знакомство с Бергсоном помогло Шарлю де Голлю укрепить некоторые сильные особенности его мышления. Бергсон понимал универсальность изменчивости и трактовал процесс развития как постоянное возникновение качественно нового. Он призывал к пониманию необходимости действия, к проявлению творческой энергии. И это весьма импонировало де Голлю, который не раз цитировал, например, такое положение Бергсона: «...ни одна из категорий нашего мышления не применяется в точности к явлениям жизни. Напрасно мы стараемся втиснуть живое в ту или иную из наших рамок; все они трещат, они слишком тесны, слишком негибки, особенно для того, что мы хотели бы туда заключить. Наше рассуждение, столь уверенное, когда оно касается инертных явлений, стеснено на этой почве». Мы увидим в дальнейшем, как Шарль де Голль, не доверяя ценности каких-то старых, привычных идей, будет часто выдвигать неожиданные, смелые, оригинальные решения.

Но чем же они должны быть продиктованы? Для ответа на этот вопрос надо сказать о бергсоновской теории интуиции и разума. Бергсон считал, что интуиция намного превосходит интеллект. Де Голль всегда будет руководствоваться интуицией, принимая практические решения в ситуациях, содержащих в себе много неясного. При этом де Голль, в отличие от Бергсона, отнюдь не умалял значения интеллекта. «Нужно, – писал он, – чтобы человеческий разум приобрел интуицию, сочетая инстинкт с умом».

Склонность к бергсоновскому интуитивизму хорошо сочеталась у де Голля с его основной, генеральной идеей: с приматом понятия нации, ее величия как высшей ценности. В самом деле, разве патриотизм, как и национализм (категории отнюдь не однозначные, но все

же родственные), не является порождением не только рассудка, интеллекта, но и врожденного инстинкта, чувства, интуиции?

Де Голль подпал под обаяние Бергсона – причем на всю жизнь – не в последнюю очередь, видимо, из-за великолепной литературной формы произведений этого философа. Не случайно позже Бергсону присудили Нобелевскую премию по литературе. А склонность именно к литературному, образному восприятию идей – характерная черта де Голля.

Наконец, следует сказать, что Шарль де Голль не получил какого-либо специального философского образования. Ведь нельзя же принимать всерьез класс философии в коллеже иезуитов! Что касается впечатления, производимого Бергсоном на читателей, особенно в годы юности нашего героя, то нельзя не учитывать, что весь стиль философии Бергсона с ее декларациями о свободе Духа и необходимости творчества оказался ближе всего к уровню людей, склонных «философствовать», не утруждая себя серьезным изучением философии. Возможно, именно так и обстояло дело с Шарлем де Голлем.

Однако его духовный горизонт еще далеко не очерчен. Другой звездой, излучавшей на него «таинственное очарование», было творчество знаменитого поэта и публициста Шарля Пеги. Это очень яркая, талантливая, противоречивая и сложная фигура. Пеги родился в простой крестьянской семье, фанатично преданной католической церкви, но уже в молодости оказался среди крупнейших представителей прогрессивной интеллигенции. В эпоху «дела Дрейфуса» он выступал в рядах республиканцев и социалистов против милитаристов, клерикалов и шовинистов. Пеги некоторое время был близок к Жану Жоресу и Ромену Роллану. Но затем он стал жертвой духовного кризиса, поразившего буржуазную интеллигенцию, и одним из проповедников национализма и католицизма. Если в 90х годах прошлого века он яростно выступал против Бергсона, отвергая его сомнения в ценности разума и науки, то теперь он становится страстным поклонником этого философа.

Пеги был талантливым поэтом, и под его пером даже реакционный национализм представлялся в облагороженной форме. Он страстно романтизировал прошлое Франции, особенно Жанну д'Арк, преклонялся перед солдатами Великой французской революции и гвардейцами Наполеона. Он создавал мистический, окутанный религиозным экстазом облик матери-родины, романтический образ Франции с ее особой, возвышенной судьбой. Естественно, что его произведения не могли не встретить отклика в душе молодого Шарля де Голля, который был подготовлен к этому с детства, озаренного патриотической романтикой Эдмона Ростана.

Влияние Шарля Пеги ясно чувствуется во многих произведениях и выступлениях де Голля, не говоря уже о тех случаях, когда он прямо цитировал стихи любимого поэта юности. Его образы, его мысли он пронесет через всю жизнь. Их отзвук ясно слышится в первых строчках «Военных мемуаров» де Голля, которые появятся почти через полвека после описываемых лет: «За годы моей жизни я составил себе собственное представление о Франции. Оно порождено как разумом, так и чувствами. В моем воображении Франция предстает как страна, которой, подобно сказочной принцессе или мадонне на старинных фресках, уготована необычайная судьба. Инстинктивно у меня создалось впечатление, что провидение предназначило Францию для великих свершений или тяжких невзгод. А если тем не менее случается, что на ее действиях лежит печать посредственности, то я вижу в этом нечто противоестественное, в чем повинны заблуждающиеся французы, но не гений нации».

Поскольку сейчас речь идет о годах юности, когда де Голль определял свой жизненный путь, нельзя пройти мимо одной из сторон творчества Пеги – его страстного преклонения перед армией, воинской честью, военной славой Франции. Облик солдата в произведениях Пеги связан с самыми высокими идеалами и чувствами. Не зря Андре Моруа писал, что Пеги «надо читать в темпе марша его проза напоминает полковые песни». Война не только не пугала его; он мечтал о ней как о средстве возвеличения Франции.

Но еще более громким барабанным боем отдавались в сознании де Голля произведения другого талантливого писателя националистического направления – Мориса Барреса. В отличие от Пегги, он уже в период «дела Дрейфуса» прочно стоял в строю крайней реакции. Но, подобно первому, он в изощренной литературной форме придавал понятию нации мистический характер и разрабатывал националистическую доктрину воспитания патриотического духа путем бережного сохранения исторических традиций отдельных областей Франции, особенно Лотарингии, откуда Баррес был родом. Националистический дух произведений Барреса приобретал шовинистический характер, когда он отстаивал идею реваншистской войны против наследственного врага – Германии.

Идейное влияние Барреса на де Голля оказалось не менее сильным и в сфере внутренней политики, в которой Баррес, будучи депутатом, активно участвовал. Он беспощадно и справедливо бичевал разлагавшийся парламентский строй Третьей республики, коррупцию, политиканство и цинизм правящей элиты. Но его антипарламентаризм носил реакционный характер, поскольку он мечтал заменить тогдашний строй хотя и не монархией, но какой-либо формой республиканской «сильной власти», националистической диктатурой.

Позднее один из самых компетентных биографов де Голля, Жан-Раймон Турну, приводя высказывание Барреса, в котором концентрируется его политическая философия, о том, что «национализм правит вселенной», подчеркнет: «Это очень точно соответствует мыслям генерала».

В дни молодости де Голля кроме Бергсона, Пегги, Барреса и другие духовные кумиры кружили головы буржуазной молодежи. Среди них надо назвать хотя бы Шарля Морраса, шумно и претенциозно рекламировавшего свой «интегральный национализм». Многие взгляды Морраса совпадали с идеалами, уже приобретенными тогда де Голлем. Однако он совсем не разделял, хотя и не без сожаления, убеждения Морраса в жизненной необходимости для интересов Франции восстановления монархии. Де Голль понимал, что этот архаичный роялизм еще больше углубит внутренние конфликты французского общества. К тому же в своей ненависти к демократии Моррас доходил до крайних эксцессов мракобесия, которое компрометировало националистическую идею. В будущем Моррас закономерно окажется официальным философом Петэна, то есть во враждебном де Голлю лагере. Тогда же генерал и бросит фразу: «Моррас имел столько ума, что стал сумасшедшим». Но как бы там ни было, нельзя не отметить сходства некоторых политических идей де Голля со взглядами Морраса, с его предпочтением политики и волюнтаризма.

Между прочим, позднее, выпустив свою первую книгу «Раздор в стане врага», де Голль пошлет ему экземпляр с дарственной надписью: «Шарлю Моррасу с почтительным уважением—24 марта 1924 – Ш. де Голль».

В связи с влиянием Шарля Пегги, Мориса Барреса и других писателей, вдохновлявшихся патриотическими идеалами, говорят, что на военное поприще де Голля звала поэзия, а не военная труба грубого шовинизма. Действительно, де Голль далек от вульгарношовинистических, расистских взглядов «Лиги патриотов», возглавлявшейся полупомешанным фанатиком Полем Деруледом, самым крайним из всех поборников реваншистской войны. Нет, его идея нации, родины посвоему возвышенна и поэтична. И он искренне верит в нее, как и в то, что во Франции именно армия больше всего хранит и культивирует столь дорогие его сердцу традиции прошлого. Но все это не только не исключает, но, напротив, подчеркивает социальную обусловленность его позиции, определяющуюся происхождением, средой, воспитанием. Националисты всегда очень умело присваивали себе монополию на благородство, бескорыстие, героические доблести. Тому, что в действительности было корыстным и низким соперничеством капиталистических государств, они придавали вид сентиментальных идеологических конфликтов.

Конечно, де Голль по своим взглядам стоит выше примитивного шовинизма «Лиги патриотов». Но не заключается ли вся разница в уровне образованности, в том, что он принадлежал лишь к интеллигентной части буржуазии, обладавшей более или менее высокой культурой? К тому же он воспринял исключительно консервативный, реакционный ее аспект. А ведь в годы молодости Шарля де Голля французскую культуру блестяще представляли, например, и такие люди прогресса, как Жан Жорес в политике, Ромен Роллан и Анатоль Франс в литературе. Они были ничуть не меньшими патриотами, чем Пеги или Баррес. Однако их патриотизм носил прогрессивный, гуманный, народный характер. Он сочетался с действительно благородными стремлениями к справедливому социальному переустройству французского общества. Не поэтому ли они и оказались бесконечно далекими от того пути духовного развития, каким шел де Голль и многие молодые люди его возраста, выросшие и воспитанные в буржуазном окружении? А среди них уже глубоко укоренились настроения и взгляды, неуклонно развивавшиеся после франкопрусской войны и теперь резко усилившиеся в связи с возрождением мощи Франции и угрозой новой войны в Европе, особенно ощутимой на фоне непрерывных конфликтов во франкогерманских отношениях.

Ромен Роллан в знаменитом романе «Жан Кристоф» прекрасно показал развитие националистических и милитаристских настроений среди тогдашней буржуазной молодежи Франции. Он пишет: «Этим детям, знавшим войну только по книгам, ничего не стоило приписать ей несвойственную красоту. Они стали агрессивными. Пресытившись миром и отвлеченными идеями, они прославляли «наковальню сражений», на которой им предстояло окровавленным кулаком выковать когданибудь французское могущество».

Ромен Роллан был великим реалистом и в своих произведениях создавал типичные образы и ситуации. И это подтверждает, в частности, пример де Голля. Вот что он пишет в мемуарах, вспоминая молодость: «Должен сказать, что в ранней юности война не внушала мне никакого ужаса и я превозносил то, чего мне еще не пришлось испытать. Я был уверен, что Франции суждено пройти через горнило величайших испытаний. Я считал, что интерес жизни состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг, и что наступит день, когда мне представится такая возможность».

...Летом 1908 года, успешно закончив в Бельгии коллеж Святого Сердца, Шарль де Голль возвращается в Париж. Его решение стать офицером было одобрено родителями, так же как и выбор военного учебного заведения. Специальная военная школа СенСир, наравне с Политехнической школой, открывала свои двери далеко не всем. Здесь, как и раньше, воспитываются сыновья «приличных семейств», прежде всего дворянских. Другие военные школы, вроде СенМексанской и Сомюрской, предназначались для выходцев из мелкой буржуазии. Молодому человеку, окончившему СенСир, уже одно только это обстоятельство открывало путь к успешной карьере. Поэтому поступить туда было не такто просто. Но отец Шарля де Голля был спокоен за своего сына. Иезуиты издавна контролировали набор в СенСир; туда попадали почти исключительно их воспитанники, составлявшие потом элиту армии. Правда, сейчас иезуиты официально изгнаны. Но тайно, обходными путями они сохраняли свое влияние. Поэтому Шарль де Голль не удивился, когда, войдя в подготовительный для поступления в СенСир класс коллежа Святого Станислава, он встретил среди преподавателей людей, хорошо знакомых ему по учебе в иезуитском коллеже на улице Вожирар. Здесь и его отец заведует учебной частью.

А через год, в августе 1909 года, Шарль де Голль успешно сдает вступительные экзамены в СенСир. Для него эти экзамены, о трудности которых ходили легенды, оказались легкими. Но не потому, что у него была хорошая учебная подготовка. Дело здесь заключалось кое в чем другом. Еще до экзаменов надо было пройти специальную комиссию, составленную из офицеров и, как правило, бывших воспитанников иезуитов. Комиссия определяла «общую пригодность», которая зависела от происхождения, семейных связей, репутации.

Только «благонадежные», только «благонамеренные» могли успешно пройти испытание. Это был хорошо налаженный механизм социального отбора, который обеспечивал безупречную реакционность офицерской касты. Данные Шарля де Голля позволяли без труда обнаружить «общую пригодность», и его приняли.

Итак, мечта сбылась! Открыт путь в армию – великую носительницу национальной чести и славы!

Так и думали многие из тех счастливых, которые, подобно де Голлю, оказались принятыми в СенСир. Все это была отборная молодежь, с точки зрения шовинистовреакционеров. Среди них раздавались речи, подобные тем, которые вкладывал в уста одного своего литературного героя, молодого офицерадворянина Поль Бурже, писателяшовинист, подобно Морису Барресу, прославлявший войну: «В настоящее время во Франции для человека нашего положения существует только одна достойная карьера: военная... До тех пор пока наша страна будет в руках всякой сволочи и пока остается задача побить Германию, наше место в единственном незапятнанном уголке, который еще остался: в армии...»

В действительности в «незапятнанном уголке» просто уже не было места для пятен; то была сплошная грязь. Почти век после Наполеона французская армия не одерживала каких-либо действительно славных побед. Зато бессмысленных кровавых преступлений и авантюр накопилось на ее счету немало. Несмываемым пятном лежало на ней позорное поражение в войне 1870 года, символизируемое словом «Седан». А потом кровавая чудовищная расправа над парижскими патриотамикоммунарами сделала армию палачом народа. Правда, было захвачено немало колоний в результате «побед» над безоружными туземцами. «Дело Дрейфуса» раскрыло гнусную картину разложения военной верхушки. Армия брала реванш лишь в уличных столкновениях с французскими рабочими. Традиционное для Франции обожание армии, мундира, знамени сменилось недоверием и презрением. Не случайно в конце века ежегодное число кандидатов в СенСир составляло около 2000, а в 1908 году их было только 700. Немногие, подобно Шарлю де Голлю, сохранили веру и надежду. «Когда я поступил на военную службу, – вспоминает он, – армия занимала очень большое место в жизни народов. Подвергаясь нападкам и оскорблениям, она спокойно и с тайной надеждой ждала, что настанут дни, когда все будет зависеть от нее».

А в ожидании этих дней ему второй раз в жизни пришлось на своей личной судьбе почувствовать неудобства республиканской демократии. В первый раз из-за изгнания иезуитов ему пришлось заканчивать коллеж в Бельгии. Теперь предстояло новое неприятное испытание. В марте 1905 года республиканцы, чтобы както заполнить пропасть, разделявшую во французской армии офицерскую касту и массу рядовых солдат, добились принятия закона, по которому каждый молодой человек, принятый в СенСир, обязан в течение года служить рядовым солдатом.

Де Голль считает весьма сомнительной систему, согласно которой, чтобы научиться командовать, надо научиться подчиняться. Он более склонен к мысли о том, что судьба наделяет каждого достойной его участью. Поэтому он ненавидит предстоящее испытание и отрицает его разумность. Но у него есть и сознание необходимости подчиняться неизбежному.

И вот Шарль де Голль снова на севере, в старинном городке Аррасе, ныне центре департамента ПадеКале, служит солдатом в 33м пехотном полку. Этот долговязый пехотинец, затянутый в форму, с тяжелой винтовкой Лебеля в руках, безропотно, но угрюмо выполняет свой долг. Караулы, учения, строевая подготовка, подметание обширного двора и тяжелая, непривычная обстановка мрачной казармы. Незнакомые, грубые и простые люди, с их мечтами о воскресном отпуске и бутылке картофельной водки, сальные шутки, брань, грубость сержантов, непривычная солдатская еда; словом, все, что полагается в провинциальном гарнизоне.

В немногие свободные минуты досуга рядовой Шарль де Голль мог утешаться чтением одного из своих любимых авторов – знаменитого Альфреда де Виньи, так проникновенно писавшего об участии солдата. Ведь произведения этого страстного проповедника любви к воинской славе, воспевавшего высокие понятия чести и доблести, оказали немалое влияние на решение Шарля де Голля пойти в армию. Но сейчас внимание молодого пехотинца привлекают больше те места в книге де Виньи «Неволя и величие солдата», где он, человек военный до глубины души, высказывает суровые истины о солдатском ремесле: «Армия есть нация в Нации: это одно из зол нашего времени... это как бы живое существо, отторгнутое от большого тела Нации, а существо это похоже на ребенка, до такой степени не развит его ум, до такой степени ему запрещено развиваться. Современная армия, стоит ей вернуться с войны, считается чемто вроде жандармерии. Она как бы стыдится собственного существования и не ведаёт ни того, что творит, ни того, чем она является в действительности».

Разве это могло не зародить семена сомнений, которые неизбежно прорастут в будущем? Молодой человек со смешанным чувством соглашается с тем, что солдат – «самый горестный пережиток варварства среди людей, но что вместе с тем нет ничего более достойного заботы и любви со стороны Нации, чем эта семья обреченных, приносящая ей порою такую славу».

Но вот и место, которое больше всего необходимо ему было в его положении: «Все то возвышенное, что может внести благоразумный человек в ремесло солдата, заключается, как мне кажется, не столько в ратной славе, сколько в умении достойно и безропотно переносить лишения и неуклонно выполнять свои обязанности, подчас ненавистные».

Альфред де Виньи надолго останется одним из любимых авторов де Голля, и он будет его цитировать, если даже и не учиться у него... Но в тот момент речь шла лишь о том, чтобы пройти через испытание, что ему и удастся. К тому же его участь в конце концов оказалась не такой уж тяжелой. Ведь на рукаве у него была особая нашивка, свидетельствующая, что он – кандидат в офицеры и в казарме временный гость. Таких, как он, во многом приравнивали к унтер-офицерам, поэтому служилось им значительно легче, чем простым солдатам. А главное, впереди желанное будущее. И хотя Шарль де Голль держится еще более отчужденно и надменно, чем всегда, свои скромные обязанности он выполняет подчеркнуто безупречно. Его начальство спрашивали, почему образцовое поведение солдата не отметят повышением? На это капитан Тюньи отвечал: «Неужели вы хотите, чтобы я назначил сержантом парня, который находит для себя подходящей роль главнокомандующего?»

Капитан знал, о чем говорил. Хотя его солдат, а вернее стажер, старательно нес службу рядового, вряд ли он мечтал лишь о сержантских нашивках. В Аррасе Шарль де Голль вновь ощутил столь опьянявшее его дуновение истории. Когдато этот город осаждал Ришелье. Потом Тюренн победил здесь великого Конде, воевавшего тогда вместе с испанцами против французского короля. Многие другие напоминали в Аррасе о прошлом и давали де Голлю пищу для размышлений. Он значительно меньше думал о жизни современной Франции, чем о ее истории. Да и как могло быть иначе, если стены казармы прочно ограждали солдат Республики от всего, что волновало страну. Им не рекомендовалось читать газеты. Если бы офицер увидел в руках у рядового социалистическую «Юманите» Жореса, это произвело бы эффект разорвавшейся бомбы. Правда, чтение шовинистической «Аксон франсэз» Морраса, конечно, не запрещалось.

А как же жила Франция? Еще в конце 1905 года окончательно прошел закон об отделении церкви от государства. Постепенно затихал шум схваток вокруг изгнания религиозных конгрегаций. По выражению одного из красноречивых министров, небесные огни, отвлекавшие внимание тружеников от земных дел, окончательно погасли.

Но зато огонь битвы между рабочим классом и капитализмом полыхал все ярче. Только в 1909 году, в том самом, когда Шарль де Голль поступал в Сен-Сир, во Франции произошло

1025 забастовок. Классовая борьба превращалась в гражданскую войну. Солдат все чаще выводили из казарм, заставляя стрелять в рабочих. Правда, летом 1907 года солдаты одного из полков французской армии повернули оружие в другую сторону. Но об этом в казармах не осмеливались говорить даже шепотом. Здесь многое представлялось иначе, чем в жизни. Забастовки рабочих почт или железных дорог солдатам объясняли происками иностранных шпионов. Кстати, в начале октября 1910 года, когда Шарль де Голль, окончив свою солдатскую службу, отправлялся в СенСир, разразилась всеобщая забастовка железнодорожников. Началась она именно на северных дорогах, которые связывали Аррас с Парижем. Не хватало только того, чтобы он опоздал явиться к указанному сроку! Судьба уберегла его от этой неприятности; ведь в далеком будущем на его долю и так выпадет много злоключений изза этих «бессмысленных» забастовок.

Итак, в октябре 1910 года он уже полноправный «сирар»: так на военном жаргоне называли сенсирцев. В то время, как свидетельствует его портрет, Шарль де Голль в свои без малого 20 лет был великолепен. Красивый мундир с блестящими пуговицами и бляхой на поясе облегал его длинное и тогда еще очень стройное тело. На плечах роскошные красные эполеты. Шея стянута высоким воротником с золотым шитьем. На голове (как полагалось, остриженной под машинку) блестящая каска с пышным белокрасным плюмажем. Руки в белых перчатках уверенно опираются на эфес сабли. В его прямом взгляде уверенность и твердость.

А вот он в строю с винтовкой на плече. Он стоит в первом ряду первого взвода, первый справа. Ведь мальчик, который десять лет назад был маленьким восторженным зрителем «Орленка», теперь достигает почти двух метров роста! Когда раздается команда «Равняйся!», только он остается неподвижным; все остальные в шеренге мгновенно поворачивают головы и устремляют глаза на его профиль. Когда строй марширует, от него – правофлангового – зависит четкость и точность движения. Не вспомнил ли он опять о своей особой, «счастливой звезде»?

Впрочем, «двухметровый Шарль», как его сразу прозвали, совсем свой парень, не правда ли? Так говорили его товарищи. В самом деле, спрятав свою холодную гордость, он безропотно подчиняется цуканью, или, как говорят французы, «бизютажу». Эту процедуру «старики» проделывают с каждым новичком в любом учебном заведении Франции до сих пор. Что они придумали для него? Стоило взглянуть на его весьма выдающийся нос...

Конечно, его заставили забраться на стол и декламировать знаменитый монолог о носах из «Сирано де Бержерака». Зная Ростана наизусть, он, ни разу не споткнувшись, прочитал этот длинный текст. Изпод самого потолка раздавалось: «Пик, мыс, утес – нет, полуостров целый...»

Теперь он получает еще и прозвище Сирано. Неужели он меняется и обнаруживает веселый и открытый характер знаменитого героя Ростана? Иногда казалось, что это так, поскольку он не отставал от других в мальчишеских проделках. В одном из самостоятельных спектаклей он с успехом играет роль жениха на деревенской свадьбе, что и зафиксировал сохранившийся снимок. В другой раз ему поручают роль клоуна. Что ж, в дальнейшей жизни ему придется играть и не такие роли... В конце концов, многие скоро поняли, что это лишь сознательная дань товариществу. Его надменный характер, замкнутый и заносчивый, не мог не проявиться, чем он и заслужил еще одно прозвище: Петух.

Учебная программа и распорядок дня в сенсирской школе были довольно напряженными. Аудиторные занятия по военной истории, географии, топографии, администрации и праву, фортификации и артиллерии сочетались с практикой в поле, с усиленной физической подготовкой, фехтование, гимнастика, верховая езда, стрельба в тире, конечно, неизменные (а кое для кого и «низменные») обязанности по чистке оружия, обмундирования, обуви, уборке. От утренней трубы до отбоя все рассчитано. Правда, были и «окна»: сво-

бодные часдва. Шарль де Голль, как всегда, много читает или отправляется на прогулку с друзьями. Вернее, это не друзья, а собеседники. С юности и до конца дней своих он будет близок только с самим собой. У него не было какихлибо особых контактов с учившимися вместе с ним будущими маршалом Жуэном и генералом Бетуаром, судьба которых соприкоснется через много лет с его жизнью. Более или менее постоянными его спутниками оказались Сийес, Меннера и Дит. Рассуждая и споря, молодые люди гуляют под кленами и вязами около СенСирЭколь, как называлось местечко, расположенное недалеко от Версаля. Они идут мимо старинного павильона, где некогда Людовик XIV встречался со своей фавориткой маркизой де Ментенон, основавшей в 1686 году в СенСире школу для дворянских девиц, в помещении которой при Наполеоне разместилось военное училище.

Поводов для бесед было достаточно. Не оченьто подготовленные к тому, чтобы понять существо новых политических конфликтов, раздиравших Францию, они с горечью осуждали республиканских политиков, суетившихся вокруг формирования без конца сменявших друг друга кабинетов. Они негодовали по поводу антимилитаристской пропаганды социалистов, о которой могли иметь лишь весьма искаженное представление под влиянием националистических газет, приравнивавших интернационализм к национальной измене.

Разумеется, военные вопросы оказались особенно близки будущим офицерам. Угроза войны становилась все ощутимее. Европа уже раскололась на враждебные военные коалиции – страны Антанты, то есть Франция, Англия, Россия, с одной стороны, Германия, АвстроВенгрия, Италия – с другой. Оба лагеря усиленно вооружались, готовясь к войне за передел мира. Особенно громко бряцала оружием кайзеровская Германия. Считая себя обделенным при разделе колоний, германский империализм алчно взирал на соседнюю Францию, сумевшую, несмотря на разгром 1870 года, создать огромную колониальную империю. Как раз в первое десятилетие XX века Франция боролась за господство над Марокко.

1 июля 1911 года в гавань марокканского порта Агадир внезапно вошла германская канонерская лодка «Пантера», а вскоре вместо маленького судна появилась грозная тень крейсера «Берлин». Германская пресса горячо приветствовала эту операцию. «Ура! Мы действуем!» – писала одна из газет. В воздухе запахло порохом. Однако до войны дело не дошло, поскольку еще не все державы Антанты подготовились к ней. Но все понимали, что это лишь отсрочка. Агадирский кризис раскрыл глаза на близость войны даже крайним оптимистам.

Шарль де Голль, как и большинство его товарищей по СенСиру, не испытывал страха перед войной. Эти молодые националисты мечтали о том времени, когда победоносная Франция отвоюет Эльзас и Лотарингию, расширит свою территорию до естественной границы – Рейна, увеличит свое колониальное могущество, превратится силой своего оружия в самую могущественную державу Европы. Вопрос для них заключался главным образом в том, каким должно быть это оружие, как должна быть организована и оснащена французская армия. Будущие офицеры спорили в первую очередь о роли тех или иных родов войск, о новой военной технике, о разных проектах реформы французской армии. Горячие дебаты вызвало, например, утверждение генерала Жоффра: «Авиация? Это спорт. Для армии она представляет ноль!»

1 октября 1912 года Шарль де Голль закончил СенСир, получив звание младшего лейтенанта. Своими успехами он завоевал 15е место в выпуске, состоявшем из 211 человек, что было весьма почетно. Но изза своего характера он уже приобрел недоброжелателей. Один из преподавателей дал ему такую характеристику: «Отличается средними данными во всех отношениях, за исключением роста». По иронии судьбы будущий крупнейший политический деятель Франции XX века при получении офицерского звания дал традиционную клятву, что он никогда не будет заниматься политикой.

Лучшим выпускникам СенСира предоставлялось право выбора назначения. Шарль де Голль также получил это право, и перед ним встал вопрос: где начать свою службу? Наи-

большим престижем традиционно пользовалась кавалерия, а на самом последнем месте, как и везде, стояла многострадальная пехота. И вот, как ни странно на первый взгляд, наш младший лейтенант выбрал именно неблагодарную участь пехотинца. Более того, он решил служить в том же 33м пехотном полку в Аррасе, где он проходил солдатскую муштровку. Но неожиданностью своих поступков Шарль де Голль будет удивлять всегда. Однако его решение было не таким необдуманным, как это могло показаться на первый взгляд. Эффектная кавалерия в эпоху массового применения пулеметов неизбежно теряла свою былую славу, артиллерия же считалась во Франции своего рода вспомогательным родом войск, а пехота оставалась главной ударной силой, призванной свершать те действительно великие подвиги, о которых мечтал Шарль де Голль. Были, правда, еще и особенно модные флот и зарождавшаяся авиация. Но для службы в них требовалась специальная сложная подготовка.

Уроженца Лилля, связанного с севером происхождением матери и бабки, тянуло к местам, где он решил служить. По своему характеру, темпераменту он близок традициям, духу жителей северных провинций, резко отличавшихся от южан. Шарль де Голль жил под обаянием истории Франции, в основном истории военной, а ведь именно на севере происходили великие сражения, которые он знал так, будто сам в них участвовал. Он был убежден, что предстоящие вскоре битвы неизбежно развернутся здесь.

Наконец, Шарль де Голль не мог не знать, что командиром 33го полка назначен полковник Филипп Петэн, известный в армии не только строптивым характером и трениями с начальством, что сказывалось на его карьере, но также критическим отношением к официальной военной доктрине. Петэн был крайне консервативен. Не считаясь с новым законом отделения церкви от государства, он открыто поощрял офицеров, регулярно посещавших мессу. Во всяком случае он сумел приобрести репутацию умного, энергичного, требовательного командира, у которого можно научиться воинскому ремеслу.

И вот свежеиспеченный юный офицер, блестя новенькими эполетами, докладывает своему полковнику о прибытии к месту службы. 22летний младший лейтенант очень высокого роста с черными глазами и 56летний полковник, встретивший его ироническим взглядом блеклоголубых глаз, впервые стоят лицом к лицу. Люди столь разные по чинам и возрасту тем не менее обнаружили взаимную склонность. Судьба де Голля долгое время будет связана с Петэном...

Молодой офицер, которому предстояло многие годы служить под началом тогда полковника, а потом и маршала Петэна, будет испытывать большое уважение к своему патрону. Интересно, что даже после позорного конца Петэна, ставшего предателем Франции, де Голль сохранит что-то от этого чувства. В своих мемуарах он напишет: «Моим первым полковым командиром был Петэн, который открыл для меня все значение таланта и искусства военачальника».

Итак, де Голль вступил в самостоятельную жизнь. Однако нельзя сказать, чтобы его воспитание закончилось. Офицерская служба усиливает и углубляет некоторые черты его характера. Профессиональные военные составляют особый мир не только по отношению к нации, но даже по отношению переменного состава армии: призывников – солдат и офицеров резерва. В то время кастовый дух был исключительно силен во французской армии, сохранившей в основных чертах структуру и традиции монархической армии, несмотря на многократные попытки Республики демократизировать ее. Если роль церкви удалось резко ограничить, то этот институт старого режима оказался непоколебимым. Армия официально строила свою жизнь на основе закона 1832 года, принятого при ЛуиФилиппе. Даже после разоблачений в ходе «дела Дрейфуса» ничего не изменилось: армия оставалась государством в государстве. Офицерам внушалось презрение к штатским вообще, к депутатам, парламенту, правительству в особенности. Это презрение странным образом усиливалось оттого, что военные не имели избирательных прав и формально были вне политики. Но это лишь

укрепляло своеобразную оппозицию офицеров ко всему гражданскому. Нетрудно заметить, насколько эта тенденция совпадала с антипарламентаризмом молодого де Голля.

Само положение профессионального командира, отдающего приказы, решающего в крайних обстоятельствах даже вопрос о жизни и смерти подчиненных, прерогативы дисциплины, не допускающей обсуждения приказов, исключаяющей право на дискуссию со стороны нижестоящих, – все это не может не усилить авторитарных сторон характера человека. А у де Голля они и без того уже были весьма заметны. Если и раньше он с трудом шел на сближение с людьми, то офицерская служба способствовала дальнейшему признанию одиночества как явления естественного. Военная служба особенно сильно деформирует человека, усиливая спесь, надменность, гордость, если он и до этого, как было в данном случае, предрасположен к проявлению подобных качеств.

Маленький чин и маленькая должность не мешали де Голлю относиться к службе с исключительным рвением и серьезностью. Унтер-офицеры невзлюбили педантичного молодого командира. Они находили, что Шарль де Голль своей дотошностью только мешает им. Зато начальству нравилась такая преданность служебному долгу. В 1913 году полковник Петэн дал ему такую аттестацию: «С самого начала проявил себя в качестве действительно достойного офицера, внушающего самые большие надежды на будущее». Петэн писал тогда же: «Очень способный. Блестяще показал себя как в огневой подготовке, так и в учебных занятиях». В октябре 1913 года де Голль получает звание лейтенанта.

При этом он, как тогда, так и позже, не проявлял угодливости по отношению к начальству. Напротив, он попрежнему обнаруживает свой характер. Правда, речь не идет о какой-то безрассудной строптивости. Стоит упомянуть об одном любопытном эпизоде. Однажды полковник Петэн проводил занятия с молодыми офицерами. Он рассказывал им об осаде Арраса в 1654 году, о маневрах Конде, теснившего королевские войска, обходя Рокакур. Неожиданно юный лейтенант де Голль прервал полковника: «Но Тюренн был там и дал знать о себе громом своих пушек. Аррас был спасен!» Внешне это выглядело, конечно, бестактно, но дело в том, что Петэн давно выступал против официальной доктрины, основанной на преобладании движения, штыка и атаки, и отстаивал первостепенное значение артиллерийского огня. Поклоннику артиллерии поэтому не показалось неприятным замечание (каким бы оно ни было по форме) о решающей роли пушек. Молодой офицер обнаруживал таким образом не только самоуверенность, но и ловкость, не говоря уже об отличном знании военной истории.

Размеренная, однообразная полковая жизнь не уменьшает интеллектуальной любознательности де Голля. В его полевой сумке можно увидеть экземпляры журнала Пеги «Двухнедельные тетради». У одних это вызывает недоумение, у других – подозрительность. Ведь Пеги, даже превратившись в ярого националиста, сохраняет репутацию чужого и опасного для армии человека. Ему не могут простить близости с социалистами и особенно участия в «деле Дрейфуса» на стороне противников армии. Даже сейчас он продолжает в своем журнале печатать огромный роман антимилитариста Ромена Роллана «Жан Кристоф». В буржуазных домах Арраса, где иногда бывал лейтенант де Голль, хозяев шокирует, когда они видят в руках офицера газету «Тан», вполне умеренную и весьма буржуазную. Но здесь и эту газету считают «слишком» республиканской. В выборе чтения де Голль проявляет широту взглядов, явно необычную для людей его круга. Но они могут быть спокойны. Ведь прочитав «Новую армию» Жана Жореса, великого антимилитариста и вождя социалистической партии, он остался совершенно чужд к содержащимся в этой книге планам создания подлинно народной армии, которая могла быть мыслима только в социалистической Франции. Кстати, многое в оригинальной книге социалиста Жореса, там где он обращается к истории, совпадает с мыслями нашего непоколебимого молодого консерватора. Жорес с восхищением писал о любимых героях де Голля, о легендарных полководцах Конде, Тюренне, Карно.

Появление книги Жореса «Новая армия» в 1911 году было далеко не случайным. Великий пацифист взялся за, казалось бы, неожиданную для него военную тему, потому что эта тема прочно встала в центре всей жизни Франции. Хотя конфликт между Францией и Германией изза Марокко был как будто улажен, напряженность в отношениях двух стран не только не ослабла, но время от времени еще более усиливалась. Балканы, где одна за другой вспыхивали, как говорят теперь, локальные войны, превратились в пороховой погреб Европы. Здесь каждую минуту мог произойти взрыв.

Так, в декабре 1912 года Европа оказалась на грани всеобщей войны. В это время война Сербии, Болгарии, Греции против Турции как будто шла к концу. Константинополь оказался под угрозой, и турки согласились на перемирие. Но АвстроВенгрия продолжала проводить мобилизацию. В связи с этим Россия держала на границе с Австрией огромные силы. Русские задержали в войсках солдат, отслуживших срок, запретили экспорт лошадей. Франция еще недавно сдержанно относилась к балканским конфликтам, но возглавлявший в этот момент французское правительство Раймон Пуанкарэ, представитель тех кругов, которые решительно вели дело к войне, испытывал сильное искушение. Французские генералы внушали ему, что если Австрия выступит против России, в защиту Турции, а русские обрушатся на Берлин, то откроется дорога на Эльзас и Лотарингию. Однако на этот раз здравый смысл взял верх. Россия твердила, что она еще не готова. Не готова была и сама Франция.

Она имела в это время под ружьем 480 тысяч человек. Но германская армия насчитывала 830 тысяч. Разница составляла 350 тысяч! Что касается подготовленных резервов, то и здесь сравнение было не в пользу Франции. И все же ее правящие круги вели дело к войне. «Сорок лет мира – это слишком много!» – кричали шовинисты. Главный политический выразитель этого курса Пуанкарэ в январе 1913 года был избран президентом Республики. А его невозможно было заподозрить в миролюбии. Когда уходивший в отставку президент Фальер покидал Елисейский дворец, некоторые слышали, как он пробормотал: «Я уступил место войне».

В марте 1913 года принимается закон об увеличении срока военной службы во Франции с двух до трех лет. Таким путем надеялись сократить разрыв в численности французской и германской армий. Однако применение нового закона увеличило бы французскую армию лишь на 157 тысяч человек. Разрыв все равно оставался очень большим. Разумеется, рассчитывали на союзников, на знаменитый британский флот и особенно на неисчислимые людские ресурсы России, на прославленную стойкость и доблесть русского солдата.

Но главным образом уповали на французскую армию, вернее, слепо верили заверениям стоявших во главе ее генералов, твердивших, что это лучшая армия, полностью подготовленная к войне вплоть до последней пуговицы у последнего солдата. Словом, происходило как раз то, что уже наблюдалось накануне франкопрусской войны. Все было забыто. И генеральская каста, полностью унаследовавшая самые архаичные из королевских и бонапартистских традиций, ревниво оберегая свои привилегии на невмешательство гражданских властей в ее дела, пользовалась слепым доверием. Порочность основных принципов ведения близкой войны бросалась в глаза многим, но любая критика только укрепляла самоуверенность верхушки армии.

Что же представляла собой французская военная доктрина, объявленная абсолютно непогрешимой? Она была основана на решающей роли кадровой армии и пренебрежении по отношению к резервам, которые должна была дать мобилизация, то есть к основной части войск. Совершенно не учитывалось, что предстояла война небывало массовых армий. В 1913 году председатель комитета пехотных войск заявил: «Идеал состроит в том, чтобы начать кампанию без резервистов». В отношении тактики все основывалось на теории наступления любой ценой, в любых условиях. В регламенте полевой службы 1913 года сознательно игнорировалась техника траншей и вообще использование местности для создания прочных

позиций. Что касается военной техники, то французская доктрина открыто пренебрегала ее новинками, считая их слишком сложными. В 1909 году представитель генерального штаба заявил, что отсутствие тяжелой артиллерии – благо для армии. Накануне войны артиллерийские технические службы решительно сопротивлялись осуществлению программы организации тяжелой артиллерии. В 1910 году командующий пехотными войсками заявил, что пулеметы – пустое дело. О пренебрежении к авиации уже упоминалось...

Лейтенант Шарль де Голль и сам видел отдельные пороки в политике Генерального штаба. К тому же и полковник Петэн, авторитет которого был для него в то время непрерываем, критиковал Генеральный штаб за пренебрежение артиллерией. Даже при столь скромном положении младшего офицера де Голль смог понять коекакие тревожные обстоятельства. Он видел, что боевая подготовка солдат почти весь год ведется на казарменном плацу и только две недели в году войска учатся в поле, на маневрах. Сами по себе очень эффектные внешне, стройные колонны французских войск напоминали картину далекого прошлого. Солдаты и офицеры носили форму, почти не изменившуюся со времен второй империи; знаменитые яркокрасные штаны окажутся вскоре великолепной мишенью для немцев и их догадаются сменить уже во время войны. И ему не могла не прийти в голову крылатая фраза о том, что снова самая лучшая французская армия отстает на одну войну!

Но что стоили эти тревожные сомнения молодого лейтенанта по сравнению с воспитанной в нем твердой верой в мудрость генералитета? Возможно, он просто многого не знает? А главное – выполнить свой долг при любых обстоятельствах. В то время он вкладывал совершенно определенный смысл в это дорогое его сердцу понятие. Сущность воинского долга – дисциплина, повиновение, слепая вера. Поэтому он попрежнему не только не боится войны, но ждет ее с интуитивной надеждой на созданную его воображением особую, необычайную судьбу Франции, на ее национальный гений, на всемогущее провидение, которое пробудит у всех французов единую, всеокрушающую волю к победе.

Увы, здесь его и терзали особенно тяжкие сомнения. Хотя националистическое движение не ослабевает и, например, похороны главаря «Лиги патриотов» Поля Деруледа, умершего в январе 1914 года, превратились в огромную шовинистическую манифестацию, происходят события совсем иного рода. Закон о трехлетней военной службе вызвал сильное движение протеста. В нескольких городах на демонстрации вышли даже солдаты, недовольные тем, что по новому закону им придется служить лишний год. Могучий голос Жореса, протестовавшего против войны, гремел над всей Францией. И это не только не подрывало позиций социалистов, но, напротив, укрепляло их. На выборах весной 1914 года социалисты получили 1,5 миллиона голосов и число их представителей в парламенте возросло с 72 до 102. Социалисты решили ответить на войну всеобщей забастовкой, при условии если Интернационал примет решение о такой забастовке и в других странах, в первую очередь в Германии.

Шарль де Голль с тревогой следит за этими событиями. Неужели перед лицом смертельной национальной угрозы Франция окажется расколотой? Ведь это будет означать, что его твердое убеждение в неизмеримом превосходстве национальной идеи, интересов нации над всеми классовыми, идеологическими, политическими, религиозными разногласиями – убеждение, лежавшее в основе всего мировоззрения де Голля, ошибочно! Неужели нация не реальная движущая сила истории, как считал де Голль, а просто наследие или пережиток истории?

Но вот наступают события, которые одни лишь и могли дать ответ на вопросы, волновавшие молодого поборника абсолютного превосходства и силы национальной идеи. После убийства 28 июня 1914 года австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда возник небывалый общеевропейский кризис, завершившийся 3 августа началом Первой мировой войны. Произошло то, что де Голль истолковал как полное подтверждение правильности его идеи о

нации как решающем и все определяющем факторе истории. Франция, которую вот уже 40 лет терзали внутренние конфликты, буквально в несколько дней и даже часов оказалась единой! Даже социалисты, после того как Жорес, единственный честный человек среди всех их лидеров, был 31 июля подло убит, немедленно стали патриотами. Возник «священный союз» всех французских политических партий. Не пришлось даже, как предполагалось, арестовывать противников войны, включенных заранее в секретный «список Б». Впрочем, социалисты других стран, и прежде всего Германии и Австрии, поступили так же и поддерживали свои империалистические правительства.

Сам де Голль так описывал возникновение «священного союза»: «Франции достаточно обнажить свой меч, чтобы все противоречивые страсти слились в единстве. Из толпы индивидуумов Франция превращается в единый всепоглощающий порыв. Все, что способствует объединению – патриотизм, религиозная вера, ненависть к врагу, – сразу вдохновляется всеобщим энтузиазмом. Одновременно обнаруживается безжизненность теорий, которые, казалось, воспрепятствуют этому объединению. Не нашлось ни одной группировки, выступавшей против мобилизации. Ни один профсоюз и не подумал помешать национальному делу забастовкой. В парламенте ни один голос не был подан против кредитов на войну. Доля уклоняющихся от военной службы, которая, как официально предполагалось, составит 13 процентов призывников, не достигла и 1,5 процента. 350 000 добровольцев осаждали мобилизационные пункты. Французы, живущие за границей, брали штурмом поезда и пароходы, чтобы присоединиться к родине. Подозрительные, включенные в «список Б», умоляли направить их в огонь. Побуждаемые чувством долга к участию в войне, изза границы явились 3000 лиц, дезертировавших в мирное время».

Да, именно так выглядела Франция в начале августа 1914 года. Наконецто ее облик оказался именно таким, каким его всегда видел в своем воображении Шарль де Голль! Несколько дней и даже, быть может, несколько недель искренний патриотический подъем действительно волновал страну. Но его вызвал не столько поистине мистический порыв, ярко описанный де Голлем, сколько многие вполне реальные причины. Присоединение социалистов к «священному союзу» явилось логическим итогом оппортунистического перерождения II Интернационала, а массовый патриотический психоз – естественным следствием многолетней националистической пропаганды, подогревавшей воспоминания о национальном унижении 1870 года. К тому же война на первый взгляд, казалось, носила оборонительный характер, поскольку непосредственно нападающей стороной в августе 1914 года была все же Германия. При этом Германия монархическая, юнкерскопрусская, что давало повод говорить о возобновлении революционной войны против феодализма. Французы тем более охотно верили в высокие и благородные цели войны, что им обещали быструю и легкую победу в результате прогулки на Берлин под звуки «Марсельезы». Словом, в первые дни августа 1914 года французы действительно с легким сердцем шли на войну и солдатские ранцы были до отказа набиты патриотической романтикой, а у Шарля де Голля был в нем еще и маршалский жезл: ведь он не забывал о своей «счастливой звезде».

Но доказывает ли национальный подъем августа 1914 года, что идея нации является движущей силой истории, что она отодвигает на второй план все социальные и политические конфликты и противоречия? В действительности война в небывалой степени обострила и углубила их. Сам де Голль позднее признал в своих мемуарах, что Франция вышла из войны «потрясенная до основания в своей социальной структуре». Конечно, мысли и чувства молодого де Голля, вызванные войной, его убеждения в высшей ценности нации отнюдь не были совершенно беспочвенными иллюзиями. Родина, нация, патриотизм – все эти понятия соответствуют реальным явлениям. Идея родины – не ложная идея. Но это идея ограниченная, далеко не охватывающая всю сложность Жизни. Кроме нее есть и другие, не менее

реальные и осязаемые факторы истории. Однако Шарль де Голль предпочитал не замечать их гораздо более значительной роли.

Быть может, трагические перипетии мировой войны, перевернувшие многие привычные представления и понятия в сознании сотен миллионов людей, повлияют и на взгляды Шарля де Голля? Попробуем проследить его путь по дорогам войны, который он прошел с честью и достоинством настоящего солдата, приняв на себя нелегкую долю бедствий великой трагедии. Спустя тридцать лет, слушая рассказ своей племянницы Женевьевы о ее пребывании в одном из гитлеровских лагерей смерти, он заметил, что испытания Первой мировой войны означали для него нечто подобное...

Уже в первые дни войны лейтенант де Голль, которому не минуло еще 24 лет, принял боевое крещение. Французское командование, не очень считаясь с силами и намерениями противника, как и со своими возможностями, предприняло в соответствии с заранее разработанным «планом XVII» наступление сразу на нескольких участках фронта: в направлении Эльзаса, Лотарингии, Бельгии. 1й батальон 33го полка 2й пехотной дивизии, в составе которой был де Голль, перешел бельгийскую границу и двинулся в район Намюра. Он оказался как раз на том участке фронта, на который обрушился главный удар немцев. Вступил в действие «план Шлиффена», разработанный еще в 1905 году и хорошо известный французскому командованию, которое самоуверенно игнорировало его. Германские армии вторглись в Бельгию, чтобы оттуда проникнуть во Францию на наиболее удобном и слабозащищенном участке границы. Развернулось так называемое «пограничное сражение».

Лейтенант де Голль еще не нюхал пороха. Ему предстояло впервые в жизни увидеть то, в чем он находил свое призвание, – настоящую войну. Сначала все происходило, как на маневрах. Потом картина резко изменилась. В книге «Франция и ее армия» де Голль так излагал впечатления от первого настоящего боя: «Внезапно огонь противника становится метким и концентрированным. Град пуль и гром пушечных залпов усиливаются с каждой секундой. Тот, кто еще уцелел, бросается вниз, прижимаясь к земле. Они лежат вперемешку со стонущими ранеными и безмолвными трупами. Напускное спокойствие офицеров, которые хотят умирать стоя, упорно не опускающиеся в отдельных местах штыки винтовок, трубы, издающие сигналы атаки, отдельные героические перебежки – все это не имеет здесь никакого значения. Иногда кажется, что вся доблесть мира бессильна против огня».

Де Голль держится под огнем уверенно, во всяком случае внешне. Но высокая фигура, столь эффектная в парадном строю, представляет собой очень удобную мишень. Он получает первую рану 15 августа 1914 года, когда вместе со своим батальоном защищает мост через реку Мезе у бельгийского городка Динана. Рана неопасна, но достаточно серьезна, чтобы его отправили в госпиталь в Аррас. Через город с севера на юг сплошным потоком двигаются беженцы и солдаты. Немцы успешно наступают, отбрасывая французские войска все дальше в глубь страны. События развиваются стремительно. фронт неумолимо приближается к Аррасу, лежащему на пути в Париж. Де Голль не хочет попасть в руки к немцам в первые же недели войны. Он уезжает из Арраса и один отправляется в Париж, а затем в Лион, чтобы там залечить свою рану.

А немцы уже подходят к пригородам Парижа. 2 сентября правительство бежит в Бордо. Неужели снова предстоит осада Парижа, как в 1870 году? Нетрудно представить себе настроение де Голля и других французов, которые месяц назад направлялись в поход на Берлин. Пресловутая французская военная доктрина и основанный на ней «план XVII» обанкротились в первые же недели войны. Ее применение стоило Франции дополнительно полмиллиона убитых. Спасло Францию только то, что военное командование оказалось вынужденным действовать в духе, совершенно противоположном его прежним замыслам. Организуется оборона, и после кровопролитного сражения на Марне немцы вынуждены отступить. Хотя некоторые генералы, вроде Галлиени, проявляли смелую инициативу, успех на Марне не был

закреплен. И все же эта грандиозная битва во многом предопределила исход войны. Франция смогла выдержать испытания первых недель потому, что немецкому командованию пришлось перебросить крупные силы с запада на восток для защиты Пруссии от наступавших русских войск. В 1944 году генерал де Голль скажет по этому поводу: «Когда в 1914 году Германия и АвстроВенгрия перешли в наступление, русское продвижение в Пруссии значительно способствовало нашему восстановлению на Марне»,

Первый боевой опыт не забывается никогда. За несколько недель де Голль увидел многое, что навсегда останется в его памяти. Между тем здоровье лейтенанта восстановилось, и через два месяца после первого ранения он возвратился в строй. Его полк в это время находился на фронте в Шампани. Теперь главные боевые действия переместились на восточный фронт, где русские с трудом сдерживали натиск германской армии. Французское командование использует затишье на Западном фронте в 1915 году, для того чтобы компенсировать свою неподготовленность к войне усиленным вооружением и разными организационными мерами. Война из маневренной превращается в позиционную, армии зарываются в землю. В основном проводятся лишь операции местного значения. Де Голль активно участвует в них. В январе 1915 года он упомянут в приказе по 2й дивизии, что по традиции считается во французской армии большим отличием. Де Голль был отмечен «за проведение в крайне опасных условиях ряда операций по разведке позиций противника и получение ценных сведений». Командовавший полком подполковник Кладель назначает серьезного и смелого молодого офицера своим помощником.

В начале марта военные действия в Шампани активизируются. Французы предпринимают несколько наступательных операций. 10 марта под МенильлезЮрль де Голль получает вторую рану. Только в июне 1915 года он смог вернуться в полк. 3 сентября ему присваивают звание капитана, а 30 октября назначают командиром 10й роты.

В начале 1916 года германское командование решило перенести центр боевых действий снова на Западный фронт и начать здесь мощное наступление на ключевой пункт французской обороны – Верден. Штурм, которым лично командовали кайзер Вильгельм II и кронпринц, начался 22 февраля артиллерийской подготовкой невиданной мощности. Это был ураган огня. Французские войска не выдержали и начали отступать. За пять дней ожесточенных боев немцы продвинулись на семь километров.

На помощь Вердену бросили 1й армейский корпус, в который входил 33й полк. Капитан де Голль прибыл ночью со своими солдатами на грузовиках к форту Дуомон, только что занятому немцами. Наступил как раз тот момент сражения, когда обе стороны хотели лишь перевести дух. Командир полка поручил де Голлю организовать замену солдат на передовой линии вновь прибывшими подкреплениями. Свою роту он разместил у самого форта. Утро следующего пасмурного дня, осветившее перепаханную снарядами землю, покрытую множеством неубранных трупов, вопреки ожиданию не привело к возобновлению боя. Передышка, во время которой капитан де Голль напряженно ждал атаки, продолжалась 48 часов. Внезапно относительная тишина сменилась адским грохотом. На французов обрушилась лавина огня и стали. Потери были ужасны, но не успели подсчитать их, как немцы пошли в атаку. Пулеметный огонь французов не мог остановить их. Положение становилось отчаянным. Вдруг раздалось: «Капитан, смотрите, к нам идут подкрепления!» Де Голль обернулся: то были немцы, сменившие свои остроконечные каски на плоские французские, снятые ими с убитых. Остатки 10й роты оказались в окружении. Де Голль попытался организовать круговую оборону, но кольцо сжималось все теснее. Тогда, собрав горстку оставшихся у него солдат, он повел их на прорыв в штыковую атаку. В момент яростной рукопашной схватки капитан внезапно почувствовал сильный удар и, теряя сознание, повалился на землю.

С французских линий видели уничтожение остатков 10й роты, видели падение ее командира. Полковник Будор сообщил обо всем семье де Голля. За свой подвиг капитан был

награжден орденом Почетного легиона. В приказе, подписанном генералом Петэном, который вместе с генералом Кастельяно руководил обороной Вердена, говорилось: «Капитан де Голль, командир роты, известный своими высокими интеллектуальными и моральными качествами, в момент, когда батальон подвергся ожесточенному обстрелу и нес большие потери, когда противник вел наступление на его роту со всех сторон, поднял своих людей и повел их в яростную атаку, завязав жестокий рукопашный бой. Это было единственное решение, соответствующее его понятию воинской чести. Он пал в схватке. Это был во всех отношениях несравненный офицер».

«Тот, кого сочли умершим, проживет дольше всех» – говорят французы. В самом деле, де Голль был тяжело ранен штыком в бедро и в бессознательном состоянии попал в плен. Когда он пришел в себя и открыл глаза, то увидел, как он рассказывал потом, среди окружавших его немцев тех, с кем он дрался в недавней яростной схватке.

Начался плен, который тянулся почти три года, точнее—32 месяца. За это время он побывал в тюрьмах и лагерях в Щецине, Розенбурге, Фридберге, Магдебурге, Людвигсхафене, Ингольштадте. С первого и до последнего дня плена его неотступно терзает мысль о побеге, о том, чтобы вернуться во Францию и продолжать сражаться. Он совершил пять попыток побега. Однажды, добыв форму немецкого солдата, он переоделся в нее и покинул лагерь. Но брюки едва покрывали колени, а рукава доходили только до локтей. Несмотря на трагизм ситуации, можно себе представить комизм этой картины; естественно, что все обращали на него внимание и беглец был быстро водворен обратно в лагерь. В другом случае ему удалось добраться до самой границы, но здесь его схватили; высокий рост снова подвел его. Но он упорно продолжал отыскивать новые способы побега. Вместе с де Голлем в плену был известный летчик Ролан Гарро, в 1913 году он первым перелетел Средиземное море. Вдвоем они решили вырыть подземный ход. Копали долго и упорно, но в конце концов наткнулись на скалу, к тому же немцы обнаружили подкоп. За это Шарль де Голль был переведен в лагерь для неисправимых и «рецидивистов», то есть для тех офицеров, которые совершили несколько попыток побега. Это был Форт IX в Ингольштадте, в Баварии.

Для человека активного нет ничего тяжелее отрыва от деятельности. Поэтому годы, проведенные в плену, – мрачные годы де Голля. Но в некоторых отношениях они оказались очень плодотворными. В лагерных условиях, впрочем не слишком суровых, он жил интенсивной духовной жизнью, много размышлял, читал все, что попадало под руку. Когда было нечего читать, он повторял в уме произведения классиков, древних и французских, которых хорошо знал. По немецким газетам он внимательно следил за ходом войны. Он часто делал какие-то записи. Впоследствии из них родилась его первая книга «Раздор в стане врага».

Пленники, как могли, разнообразили свою скучную жизнь не только игрой в карты, песнями, нескончаемыми беседами. Де Голль, например, регулярно делал доклады о ходе военных действий, благо эти действия становились все более успешными для Франции. Оказавшийся там же бывший профессор истории читал лекции. Пленные офицеры устраивали дискуссии о стратегии и тактике, об опыте войны и ее возможных последствиях.

Среди товарищей по плену оказалось немало таких, с кем де Голль еще встретится в будущем. Здесь, кроме французских, содержались также английские и русские офицеры. Среди всех пленников выделялся красивый, энергичный, дерзкий 23-летний русский офицер Тухачевский, мечтавший только о побеге и возвращении на родину. Де Голль нередко беседовал с ним, учил его французскому языку. Спустя много лет де Голль будет вспоминать о Тухачевском.

Что касается самого де Голля, то он производил сильное впечатление на товарищей по плену своей необычайной памятью, знанием военной истории, умом, страстью к чтению. Не укрылись от них, естественно, и особенности его характера, безапелляционный тон его высказываний, стремление всегда быть правым, его гордая отчужденность, а подчас и

заносчивость. Ему дали прозвище Коннетабль, то есть главнокомандующий короля. Странное дело, разные люди, в разное время и в разных обстоятельствах, независимо друг от друга называли его этим словом. Значит, было что-то в его облике такое, что ассоциировалось со старинным образом королевских военачальников.

Однажды, после очередной политической дискуссии, один из пленных французских офицеров, который до войны был преподавателем университета, обратился к де Голлю с таким вопросом: «Почему бы вам не заниматься политикой?» «Если бы я не был военным, возможно...» — ответил де Голль и добавил: — Единственное средство формирования политика — опыт». Характерно, что он не исключал для себя еще тогда возможности политической деятельности.

Впрочем, де Голль далеко не до конца исчерпал и карьеру военного. Он особенно остро почувствовал это в ноябре 1918 года, когда война закончилась поражением Германии и пленных отпустили домой. Де Голль возвратился во Францию, в Дордонь, в семейное владение ла Лижери. Весной 1919 года там собралась вся семья. Три брата де Голля тоже воевали, имели ранения, получили награды и все остались живы. Редкая, счастливая судьба для французской семьи!

Участие в войне Шарля де Голля отмечено орденом Почетного легиона, Военным крестом и тремя упоминаниями в приказе. Но он — всего лишь капитан без всякой должности, в то время как некоторые его сверстники достигли большего в войсках или особенно в штабах.

Разумеется, речь шла не о зависти. Де Голль никогда не сравнивал себя с другими. У него должна быть особая судьба. Но годы плена сделали его участие в войне каким-то неполноценным; он словно получил полуотставку. Поэтому капитан мрачен и замкнут более обычного, как будто в чем-то обделен судьбой.

Конечно, Франция благодаря помощи союзников и ценой огромных потерь все же одержала победу, она возвратила себе Эльзас и Лотарингию. Но в каком состоянии она оказалась сама? Он с грустью сравнивал атмосферу националистического подъема, предшествовавшего 1914 году, когда дух Пегги и Барреса опьянял сознание молодежи, с апатией и безразличием, царившими теперь. «Священный союз», который так радовал де Голля в августе 1914 года, оказался эфемерным. Все прежние конфликты, все «бессмысленные» распри возобновились уже в ходе войны в небывало резкой форме. Политические интриги, закулисные махинации, лицемерие и ложь политиканов, оргия наживы на войне — все это приобрело в мрачном свете военных бедствий особенно тягостный характер. Социальные противоречия в условиях войны еще больше усилились, вопреки заклинаниям националистов о единстве нации. В 1917 году бастовало 300 тысяч рабочих. Самым тревожным было то, что измученная войной армия оказалась на пороге революционного восстания. Дело дошло до применения артиллерии против восставших солдат.

Де Голль писал в своих мемуарах, что Франция, «обессиленная от потерь и разрушений, потрясенная до основания в своей социальной структуре и выведенная из морального равновесия, вновь пошла неуверенным шагом навстречу своей судьбе, в то время как ее режим, принимая свой прежний облик и отвергая Клемансо, отказывался от политики величия и возвращался к хаосу».

И в этом «хаосе» де Голль находил для себя лишь незаметное место пехотного офицера в каком-нибудь захолустном гарнизоне, в армии, обреченной на мир. «Война — это ужасно, — сказал как-то де Голль в частном разговоре, — но мир, надо прямо сказать, это так скучно». И здесь ему представилась неожиданная возможность продолжать войну, и притом войну против Германии. Дело в том, что польский генерал Юзеф Геллер вербовал среди французских офицеров добровольцев для борьбы в рядах польской армии против большевиков. Но какое это имело отношение к Германии? Ответ на этот вопрос можно найти, если представить ту слепую ярость, с какой французская буржуазия отнеслась к Великой Октябрьской револю-

ции. Разумеется, о главном, то есть об облигациях займов, размещенных царской Россией во Франции, об утраченных капиталовложениях, о потерянных русских рынках и т. п., предпочитали говорить меньше, а де Голль вообще с презрением относился к экономическим и социальным делам. Поэтому глубинная сущность явлений часто ускользала от него. Нация как некая мистическая общность традиций, психологии, мысли и чувства – вот что он принимает в расчет в первую и в последнюю очередь.

Негодование против большевиков как раз и облекалось в возвышенную форму заботы о французских национальных интересах. Ведь большевики толкнули Россию на заключение «сепаратного» мира и тем самым нанесли «удар» союзникам, и прежде всего Франции. Французский посол в России Нуланс заявил в январе 1919 года, что с помощью большевиков Россия стала добычей Германии, которую она неизбежно использует для подготовки новой войны против Франции.

В начале 1919 года, когда де Голль только что вернулся из плена, такие выступления сливались в сплошной хор. Французская буржуазия охотно развязала бы открытую войну против Советской России, если бы не сопротивление народа. Как раз в это время вспыхнуло восстание на французских военных кораблях в Одессе, и их пришлось оттуда увести. Но французские правящие круги стремились использовать все возможные средства косвенной интервенции. Поэтому, например, поощрялась вербовка офицеров в белопольскую армию. И лейтмотивом антибольшевистской истерии служил тезис о том, что большевики и Германия неразрывно связаны и, следовательно, борьба против большевиков является борьбой против Германии, борьбой за интересы Франции. Де Голль предпочел бы воевать непосредственно с немцами, но шансов на это в ближайшее время не было, а его неутоленная жажда военной деятельности была так велика, что он решил ехать на восток.

В мае 1919 года де Голль уже находится в СиллелеГийоме, маленьком городке департамента Сарт, где стояла 5я польская егерская дивизия. Он ведет занятия по тактике с польскими офицерами. Затем он отправляется на Вислу и там продолжает обучать польских офицеров. Ему присваивают звание майора польской армии.

Правда, во французской армии это звание недействительно, и после возвращения он снова капитан. Но в Польше он носит в качестве майора две звезды на кепи, как во Франции бригадный генерал. Де Голль участвует в боевых действиях против Красной Армии на Волыни и под Варшавой, командуя смешанным пехотнотанковым отрядом. За это он был отмечен в приказе главы французской военной миссии генерала Вейгана.

В феврале 1921 года де Голль завершает свою карьеру наемного солдата и возвращается во Францию с польским крестом Святого Венцлава на груди. Так заканчивается эта, по выражению нескольких биографов, «польская авантюра» Шарля де Голля. Сам он в «Военных мемуарах» посвящает пребыванию в Польше только пять слов.

Капитан

Шарлю де Голлю 30 лет. В этом возрасте мужчина должен обзавестись семьей. Так принято в кругу порядочных католиков, к которому по происхождению и воспитанию принадлежит капитан. Но у него нет никаких личных привязанностей. Да и могли ли они быть у человека столь строгой, даже пуританской добродетели, каким всегда был Шарль де Голль? Правда, в некоторых сочинениях о де Голле пишут, что во время пребывания в Польше у него были очень милые отношения с молодой и очаровательной полькой Четвертинской, с которой он якобы встречался в кафе Бликле, славившемся лучшими в Варшаве пирожными. Но это более чем сомнительная история. У де Голля вряд ли могли быть случайные истории такого рода. Не зря же он порицал даже столь уважаемого им тогда Филиппа Петэна за чрезмерную слабость к прекрасному полу.

Вопрос о личной судьбе Шарля де Голля уже не раз обсуждался его матерью и другом дома, крестницей отца Шарля, мадам Данкен. Она происходила из одного солидного семейства города Кале и знала в этом городе всех девушек на выданье, разумеется из определенного круга. Именно ей и пришла в голову мысль об Ивонне Вандру, дочери владельца кондитерских фабрик в Кале, а также в Дуэ и Дюнкерке. Со стороны отца семья происходила из Голландии, где ее предки Ван Дроог некогда занимались выращиванием и продажей табака. Обосновавшись во Франции, они завели фабрику по производству сигар, но после национализации табачной промышленности переключились на изготовление бисквитов. Один из предков Ивонны Вандру по матери был полковником, который участвовал в войне за независимость Соединенных Штатов вместе с Лафайетом. Семья Вандру владела в Арденнах замком Сетфонтэн. Словом, с происхождением предполагаемой невесты все обстояло в высшей степени благополучно.

Девушке только что исполнилось 20 лет, она хороша собой, скромна, из солидной семьи и прекрасно воспитана. Ивонна училась в женском коллеже Святой Агнессы, основанном монахами-доминиканцами. Там воспитывались дочери крупной буржуазии северных департаментов. Правда, девушка однажды заявила, что не выйдет замуж за военного. Но мадам Данкен была уверена, что стоит ей увидеть блестящего капитана, как она немедленно откажется от своего твердого решения.

«Случайная» встреча молодых людей состоялась в осеннем Салоне 1920 года. Они остановились у картины, изображавшей маленького сына Эдмона Ростана. Разумеется, капитан не ударил лицом в грязь; ведь он знал всего Ростана наизусть! В тот же день в час вечернего чая обе семьи под руководством мадам Данкен встретились в кондитерской на Елисейских Полях. Ивонну и Шарля, естественно, посадили рядом. Барышня была покорена серьезным, сдержанным, но исключительно любезным и образованным кавалером с двумя боевыми орденами на груди. Правда, вернувшись домой, она сказала: «Мама, я думаю, что он находит меня слишком маленькой для себя». Нет, он этого не находил, и события развивались форсированным темпом. На следующей неделе Ивонна и ее брат Жак были приглашены на большой бал Политехнической школы в Версаль. Там к ним сразу подошел Шарль де Голль и, приветствуя Жака Вандру, попросил разрешения пригласить его сестру на танец. До конца бала он ее уже не отпускал. После шестого вальса Ивонна сказала своему брату: «Капитан де Голль только что сделал мне предложение. Я согласилась». Через несколько дней было объявлено о помолвке. Все произошло очень быстро, без потери времени на ухаживание. Тем не менее, а быть может и поэтому, брак оказался удачным; Ивонна будет верной подругой Шарля де Голля до конца его дней, и между ними не будет размолвок.

Как и полагается, молодые обвенчались через полгода в старинной церкви Нотр-Дам-де-Кале, украшенной статуями Карла Великого и Святого Людовика. История непрерывно

смотрела на Шарля де Голля. В доме Вандру состоялся свадебный обед. Молодые супруги поселились в Париже на площади Сен-Франсуа-Ксавье, на левом берегу Сены, рядом с Дворцом инвалидов. Летние сезоны они проводили в замке родителей Ивонны в Арденнах, пока не обзавелись собственным домом в деревне Коломбэ-лез-Эглиз. Таким образом, личные связи Шарля де Голля с промышленной буржуазией севера еще более укрепились. Напомним, что его дед, а потом и отец женились на девушках, происходивших из этой же социальной и географической среды. Все в жизни де Голля связано с севером; сюда его всегда тянуло; ведь он сам выбрал местом службы Аррас. Это был край суровой жизни на фоне равнинных пейзажей. На протяжении всей жизни он будет отождествлять всю Францию с севером, невольно перенося особенности, нравы, традиции жителей этого пасмурного края на всех французов, хотя, например, марсельцы или гасконцы отличаются совсем иными качествами.

После окончательного возвращения из Польши де Голль был назначен 1 октября 1921 года заместителем профессора военной истории в Сен-Сире. Перед ним новое, по существу, поприще; ведь доклады перед пленными в Ингольштадте и даже занятия с польскими офицерами, проходившие с помощью переводчика, дали ему слишком специфический опыт. Свой предмет, то есть военную историю, он знает великолепно. Но этого мало, чтобы завоевать внимание и доверие учеников. Его огромная, несколько несуразная фигура, размашистые жесты, какой-то необычный гортанный голос – все это могло и затруднить контакт со слушателями. Ведь странное, непривычное во внешности, манерах преподавателя становится объектом насмешек учеников. Тем более что этот внешне хладнокровный человек свои лекции читал очень темпераментно. Он буквально впадал в экстаз, а это самое опасное для преподавателя, ибо малейшая потеря чувства меры вызывает немедленную ироническую реакцию. Высокую патетику может позволить себе только действительно очень хороший оратор. И Шарль де Голль оказался именно таким оратором.

Вот характерный момент одной из лекций капитана де Голля, как он был запечатлен в записях его ученика Лекока. Речь шла о злосчастной для Франции войне 1870 года, и в частности о сражении при Фрешвиллере. Изза бездарных генералов, которые запутались в передвижении своих войск, 35 тысяч французов сражались здесь против 135 тысяч немцев. Французские солдаты проявили стойкость и мужество, но были разгромлены. Де Голль так закончил рассказ об этом трагическом эпизоде французской военной истории: «И вот, господа, маршал Мак-Магон плача идет среди своих солдат. Вдруг один старый сержант-пехотинец обращается к нему с вопросом: господин маршал, неужели мы испугались смерти?»

В этот момент де Голль ударяет кулаком правой руки по кафедре и продолжает внезапно зазвеневшим голосом: «Нет, они не испугались смерти! Встаньте, господа, чтобы почтить память людей, удрученных несчастьем, но не потерявших ни достоинства, ни мужества!»

Его слушали, затаив дыхание, лица учеников то бледнели, то краснели, на глазах у некоторых выступали слезы. Необычайная суровая сентиментальность, даже напыщенность, казалась в его устах естественной и производила какое-то гипнотическое действие на слушателей. В данном случае, как, впрочем, и всегда, он придает истории больше возвышенного, чем его было на самом деле. Но, может быть, только в таком виде история и выполнит свою великую роль наставницы жизни?

Вообще восторженные панегирики в адрес французской армии не очень отвечали духу времени. Конечно, была одержана победа в великой войне, армия блистала на парадах, на многочисленных церемониях по поводу открытия памятников погибшим. 11 ноября 1920 года под Триумфальной аркой на площади Звезды были торжественно захоронены останки Неизвестного солдата, погибшего под Верденом, и зажжен Вечный огонь. Могила Неизвестного солдата стала как бы алтарем французского патриотизма. Многие не без основания думали, что вряд ли этот солдат принадлежал к кадровой армии, возглавляемой реакцион-

ной милитаристской кастой, позорно обанкротившейся в самом начале войны. Резервисты, то есть массы народа, влившиеся в армию в результате мобилизации, решили исход войны. «Гражданские люди выиграли войну», – говорил в палате один из депутатов. Вот почему кадровая армия, несмотря на недавнюю победу, пользовалась невысоким престижем. К тому же опасность войны на ближайшее время была устранена. Версальский договор строго, как казалось тогда, ограничивал численность и вооружение германской армии. Поэтому в 1922 году парламент проголосовал за сокращение срока военной службы с 3 лет до 18 месяцев. Казалось, все в армии приходило в упадок. Материальное положение офицеров резко пошатнулось. К 1925 году цены во Франции из-за инфляции выросли в 4,5 раза по сравнению с довоенными, а жалованье офицерам повысили незначительно.

И все же Шарль де Голль не мыслил для себя иной карьеры, кроме военной. Занимаясь преподаванием военной истории в СенСире, он одновременно готовится к конкурсным экзаменам в Высшую военную школу, учебное заведение, аналогичное академиям Генерального штаба в других странах. В ноябре 1922 года он начинает учебу в этой школе, продолжавшуюся два года.

Занятия здесь значительно отличались от того, что было в СенСире. В Высшей военной школе готовили потенциальных генералов, способных руководить штабами и командовать крупными соединениями войск. И хотя де Голль снова в положении ученика, это уже другой уровень. Да и сам он стал на десять лет старше; за плечами у него опыт войны, ранения, плен. Может быть, этот уже сложившийся человек, успевший обзавестись семьей, становится в проторенную колею армейской карьеры и оставляет мечты о подвиге во имя величия Франции, надежды на свою особую миссию? Напротив, он еще больше укрепился в сознании какого-то еще неясного, но несомненно необычного предназначения. Один из его товарищей по Высшей военной школе, будущий генерал Шовен, однажды сказал де Голлю: «Я чувствую, что вы предназначены для великой судьбы...»

Любой другой на месте де Голля ответил бы на такое заявление шуткой или смехом. Но он твердо и медленно произнес тоном непоколебимой уверенности: «Да, я тоже это чувствую...»

Интересный портрет де Голля тех времен нарисовал в своей книге «Пехотинец из Гаскони» другой его товарищ по учебе, в то время тоже капитан, а в будущем генерал Лафарг. Он пишет об отсутствии у де Голля уравновешенности, о пренебрежении к реальной обстановке, о его немыслимом упрямстве: «Он держался необыкновенно прямо и ходил, выдвигая грудь, словно он перемещал свою собственную статую».

Однако при необычности такого поведения он сохранял достоинство, чувство меры и такт, внушая уважение даже тем, кто его недолюбливал. Тот же Лафарг, высказав немало критики в адрес Шарля де Голля, признает: «Превосходя нас своим высоким ростом, он нисколько не казался высокомерным и склонным властвовать. Более молчаливый и менее экспансивный, конечно, чем большинство из нас, он всегда оставался общительным, умеющим сказать свое слово, часто с оригинальностью и юмором».

Однажды в Высшую военную школу приехало несколько офицеров из Испании. В их честь устроили вечер, в программе которого было и пародийношутливое изображение боя быков, этого национального увлечения испанцев. Учащиеся школы – французы в большом зале, где обычно служили мессы, изображали тореадоров, быков, лошадей и всадников. «Де Голль двигался посреди этой кутерьмы как большой молчаливый призрак, – пишет Лафарг, – не участвуя в разыгрывании корриды, но не теряя из виду ни одной детали. В один момент, галопируя и неся на спине товарища, я двигался вблизи де Голля и слышал, как он произнес своим гортанным голосом: «В любом объединении двух людей один всегда везет на себе другого». Своеобразная острая ирония де Голля, его юмор с оттенком презрения к людям всегда будут его отличительной чертой.

Разумеется, веселые сцены, подобные только что описанной «корриде», отнюдь не свидетельствовали о каком-либо духе демократизма в Высшей военной школе. Напротив, здесь царила реакционная, консервативная атмосфера кастовой преданности наиболее архаичным, во многом монархическим традициям французского офицерства. Изменение политического климата во Франции после войны, характерное резким усилением антимилитаризма, ростом влияния левых сил, совершенно не коснулось армии, во всяком случае ее кадрового офицерского состава. Поскольку побежденная Германия пока опасности не представляла, главным врагом в глазах реакционного офицерства стал враг внутренний в лице революционных сил Франции. В 1920 году происходит историческое событие – рождается Французская коммунистическая партия, постепенно превращающаяся во все более серьезный фактор политической жизни Франции. С подозрением, тревогой, неприязнью следили за этими событиями в таких учреждениях, как Высшая военная школа. В соответствующем духе воспитывались и учащиеся этой школы.

Для характеристики окружения де Голля в это время интересны фигуры трех его товарищей по школе, таких же, как и он, капитанов, которых он каждую неделю принимал у себя дома и вел с ними длительные беседы. Это были ЖоржПико, сын академика, Бридо, сын генерала, и ЛустаноЛако, занявший первое место в выпуске. Интересна их дальнейшая политическая судьба, в которой отразились их взгляды и настроения, сформировавшиеся в те далекие годы учебы. В 1940 году генерал ЖоржПико откажется присоединиться к де Голлю и предпочтет служить правительству Виши. Бридо будет военным министром этого «правительства» и получит за предательство смертный приговор в 1945 году, когда де Голль возглавит правительство. ЛустаноЛако будет тоже вишистом, хотя и не долгое время.

Но уж если речь зашла о Виши, то нельзя не сказать «о том, что в то время де Голль сохранял близкие отношения с маршалом Петэном. Маршал приглашал его помой и подолгу беседовал с офицером, на которого он возлагал большие надежды, считая его исключительно способным. В декабре 1921 года у Шарля де Голля родился сын, получивший в честь маршала имя Филипп. Петэн по этому случаю подарил де Голлю свой портрет с надписью, в которой он выражал пожелание, чтобы маленький Филипп унаследовал блестящие качества отца.

И все же, хотя в те годы Шарль де Голль говорил на одном языке с людьми вроде ЖоржаПико, Бридо или ЛустаноЛако, уже тогда его отделяла от них определенная грань, которая была, видимо, следствием не столько разницы убеждений, сколько различия характеров. Дело в том, что, будучи несомненно консервативным в своих политических взглядах, де Голль не был конформистом. Именно во время учебы в Высшей военной школе обнаружилось впервые совершенно явно это стремление говорить и действовать в соответствии со своими убеждениями. Пожалуй, это можно назвать принципиальностью, обходившейся де Голлю довольно дорого. Не случайно он будет на протяжении 12 лет оставаться в звании капитана.

В школе безраздельно господствовала тактическая доктрина, которую де Голль сразу расценил как догматическую. Руководитель кафедры тактики полковник Муаран, знающий, но крайне педантичный преподаватель, был главным выразителем этого господствующего и официального направления. Он рьяно отстаивал так называемую тактику *a priori* (заранее определенную). Она исходила из опыта войны 1914–1918 годов, интерпретированного таким образом, что оборонительная тактика является самой выгодной, что всякое движение, маневрирование крайне опасно, что все решает мощь огня. Согласно этим идеям, необходимо заранее выбрать поле боя, создать там превосходство огневой мощи и ждать, когда противник подставит себя под огонь. При этом заранее разработанные принципы действия не должны изменяться ни при каких обстоятельствах. Де Голль считал такой образ действий смертельно опасным и в противовес ему выдвигал тактическую теорию боевых действий в

зависимости от обстоятельств, которые заранее предвидеть невозможно. Он мыслил вполне в духе своего духовного наставника Анри Бергсона, конечно, так, как он его понимал.

На протяжении первого года учебы де Голль держался осторожно, хотя порой и ставил преподавателей в тупик неожиданными вопросами, которые сразу показывали их ограниченность. Но на официальную доктрину он открыто не нападал, чтобы, как он говорил смеясь, быть допущенным «к причастию». Но вот, наконец, этот момент наступил. Учеба завершалась тем, что учащиеся школы должны были на маневрах, командуя реальными соединениями, показать свою тактическую подготовку. 17 июня 1924 года на маневрах в Лотарингии, на подступах к ВарсюрОб ему было поручено командовать армейским корпусом «синих». Де Голль начал решительно действовать вопреки всем правилам полковника Муарана. Неожданными решениями, необычными маневрами он привел в ярость этого педанта, который тщетно пытался поставить на место самонадеянного капитана. Между ними, например, состоялся такой весьма типичный для де Голля диалог. Полковник Муаран внезапно спрашивает де Голля: «Где находятся обозы левого полка вашей правой дивизии?» Повернув голову к офицеру, исполнявшему роль начальника штаба, де Голль говорит: «Шатеньо, ответьте». Полковник взрывается: «Я вам задал этот вопрос, де Голль!» На это следует совершенно правильный по существу, но крайне дерзкий ответ: «Мой полковник, вы доверили мне ответственность за командование армейским корпусом. Если мне кроме этого надо брать на себя обязанности подчиненных, то моя голова будет слишком занята, чтобы выполнять свою миссию. «Претор не занимается мелочами». Шатеньо, ответьте же полковнику...»

Полковник Муаран, который считал, что лучше потерпеть поражение, чем нарушить правила, хватался за голову, видя неожиданные, оригинальные, смелые действия капитана, с презрением отбросившего все, чему он его учил. Муаран кричал о кощунстве! На это де Голль отвечал: «Но я же выиграл бой!»

Многие говорили, что лучше бы он его проиграл, ибо Муаран постарался испортить ему карьеру. Вот какую аттестацию он дал де Голлю: «Интеллигентный, образованный и серьезный офицер; показал блестящие способности и большие перспективы будущего роста. К несчастью, его бесспорные высокие качества снижаются его чрезмерной самоуверенностью, его нетерпимостью к мнениям других, его позой короля в изгнании...»

В результате де Голля назначили не в Генеральный штаб, что, как правило, ожидало лучших выпускников, а лишь в штаб Рейнской оккупационной армии в Майнце. Во время прощальной церемонии по случаю очередного выпуска школы де Голль был мрачен, думая о мелочности и мстительности Муарана и других корифеев этого учебного заведения. Его товарищ Шовен сказал по поводу характеристики, которую получил де Голль: «Вы воткнули им за два года столько бандериллий, чтобы заслужить этот смертный приговор...» Де Голль с бешенством ответил: «Я поступил в эту дыру не только для того, чтобы быть майором!»

Итак, он снова в Германии, на этот раз не в роли пленного, а в качестве офицера оккупационной армии. Но, как и в самом начале войны, ему опять довелось испытать чувство унижения за Францию и за ее армию, хотя на этот раз в мирных условиях. Дело в том, что в январе 1923 года правительство Пуанкаре изза задержки поставок репараций, которые должна была Германия Франции по Версальскому договору, ввело в Рурскую область пять французских дивизий вместе с двумя бельгийскими. Непосредственная цель этой сенсационной операции состояла в том, чтобы заставить Германию платить аккуратно. Но главное заключалось в том, что французский крупный капитал и его политические представители лелеяли заветную мечту взять под свой контроль шахты и заводы Рура, источник несметных доходов. В этой затее оказалось, однако, слишком много алчности и слишком мало политического реализма. Вчерашние союзники – США и Англия – поддержали не Францию, а Германию, ибо видели в ней главный оплот против большевизма. В конце концов Франция стала

получать репараций еще меньше, чем раньше, а свои войска обязалась увести. Унизительный финал рурской авантюры вызвал у де Голля самые горькие чувства. В связи с выводом французских войск он провел в Германии всего три месяца. Во всяком случае, ему вновь представилась возможность непосредственно увидеть Германию, в которой нельзя было не заметить роста шовинизма и почти явной подготовки реванша. Германия всегда вызывала у де Голля раздумья, сомнения и опасения. Как раз в 1924 году выходит в свет первая книга де Голля, посвященная именно Германии: «Раздор в стане врага».

Идея этой книги зародилась давно, когда он еще был в плену и там, за стенами крепости Ингольштадт, делал выписки из немецких газет. Все последующие годы он обдумывал и по частям писал эту книгу, а главным образом решал, целесообразно ли вообще выступать с этой книгой перед общественностью. Ведь это было явным нарушением традиций французской армии. Офицер, да еще младший, не может выносить на суд гражданских людей военные проблемы, в которых ведь те все равно ничего не понимают. Так считалось всегда, и в этом, в свою очередь, отражался дух кастовой замкнутости кадрового офицерства. Но как можно иначе выйти из безвестности при том весьма скромном и тягостном для него положении, которое занимал де Голль? Как он может иначе оказать свое личное воздействие на ход событий? Особых надежд на продвижение по служебной лестнице де Голль не питал. Оставалась, таким образом, журналистика, на которую в армии смотрели очень косо.

Выступление в печати содержало в себе явный риск с точки зрения нормальной, хорошей карьеры. Но де Голля совершенно не привлекала и никак не могла удовлетворить обычная ординарная карьера. Все или ничего – вот его принцип в отношении места в жизни. Поэтому он и идет на сознательный риск.

Говорят, что с помощью журналистики можно достичь многого, если ее вовремя бросить. Но это относится к профессиональной работе в печати. Другое дело, если это дополнительное средство для продвижения какой-либо идеи в жизнь. Здесь журналистика действительно может помочь сделать многое, если это дело не бросать и терпеливо добиваться распространения своих идей. Именно так и будет с де Голлем. Его литературная деятельность станет неотъемлемой и очень важной частью его карьеры, хотя в течение многих лет она останется незамеченной. В самом деле, долгое время диалог де Голля с общественностью больше походил на монолог, а вернее, на глас вопиющего в пустыне. Это в особенности относится к его первой книге, которая разошлась всего в тысяче экземпляров и не вызвала почти никаких откликов. Тем не менее это одна из самых любопытных его книг, особенно с точки зрения характеристики духовной эволюции де Голля.

В пяти главах книги «Раздор в стане врага» рассказывается о том, как недисциплинированность и самоуправство генерала фон Клюка, который командовал германскими войсками, подошедшими в августе 1914 года к Парижу, играли на руку французам, а затем и помогли их победе в сражении на Марне, как ожесточенная и успешная борьба адмирала Тирпица против канцлера БетманГольвега за объявление неограниченной подводной войны толкнула Соединенные Штаты к вступлению в войну на стороне Антанты. В книге рассказывается также о неспособности Германии создать единое командование армий всех своих союзников, несмотря на реальную возможность этого дела, о кризисе германского правительства в 1917 году, вызванного интригами Людендорфа, стремившегося установить свою диктатуру и сумевшего отстранить от власти БетманГольвега. Описывая деятельность военных руководителей Германии – Гинденбурга, Людендорфа и Тирпица, которые навязывали правительству свои решения в самые критические моменты войны, де Голль показывает, что именно в этом – важнейшая причина поражения Германии.

Однако книга «Раздор в стане врага» – не просто исторический труд. Тем более что в этом качестве она не выдерживает критики. Автор не касается важнейших процессов в общественном сознании немецкого народа, причин назревания революционного взрыва, порожд-

денного отнюдь не верхушечной борьбой за власть между военными и гражданскими, а самой войной, обострившей социальные противоречия. Его почти не интересует и такой фактор поражения Германии, как огромное превосходство над ней стран Антанты в материальных и людских ресурсах. Поэтому в смысле выяснения истории поражения Германии книга имеет ограниченное значение. Ее смысл в другом: исторические события в Германии были для де Голля лишь поводом для выдвижения некоторых идей и принципов, весьма крамольных с точки зрения руководящей французской военной верхушки. Если ее представители всегда восхищались организацией и деятельностью германского Генерального штаба, то де Голль совершенно развенчивает его, показывая пагубные последствия его действий для национальных интересов Германии. Важнейшая мысль книги состоит в том, что военные власти даже во время войны, и, пожалуй, особенно во время войны, должны подчиняться гражданской власти, государству, что только они, а не командование армии могут выражать и формулировать национальный интерес, военную политику и стратегию. Она показывает крайнюю опасность давления военных на государство, поскольку они все подчиняют оперативной необходимости, тогда как военные действия, их методы и цели должны исходить из более общих и широких взглядов политической власти.

Все эти мысли решительно противоречили взглядам и делам французских военных руководителей, которые на протяжении десятков лет ревностно боролись за превращение армии в нечто не подлежащее государственному контролю. Они отвергали все попытки республиканских властей оказывать влияние на армию. Более того, она стремилась стоять над государством. В начале войны так и получилось. Парламент, правительство, полиция, разведка, судебные учреждения – все оказалось подчиненным Генеральному штабу во главе с Жоффром. Только после ожесточенной борьбы и острого кризиса эта диктатура военных была свергнута в декабре 1916 года. Но и впоследствии военное командование постоянно боролось за свое преобладание, что выразилось, например, в столкновении между Фошем и Клемансо.

Правда, в книге де Голля речь шла о Германии. Но это был именно тот случай, когда, согласно немецкой поговорке, «бьют по мешку, имея в виду осла». Да и сам де Голль, обращаясь к французскому читателю, довольно прозрачно говорит о всеобщем значении выводов, которые он извлекает из немецкого опыта. Книга де Голля явилась началом его борьбы против взглядов официальной военной верхушки. Исходя из принципов, выраженных в этой книге, Шарль де Голль развернет впоследствии активную деятельность за реформу французской армии.

В книге отразились некоторые другие идеи де Голля, в частности те самые, которые послужили основой его разногласий с полковником Муараном. Он отрицает догматизм, косность, рутину в военной тактике, подчеркивая значение эмпиризма, интуиции, гибкости ума. Уже на ее первых страницах он заявляет: «За исключением нескольких основных принципов, для войны не существует универсальной системы: есть только обстоятельства и личности».

Все это совершенно не означает, что первая книга де Голля носит какой-то ниспровергательский или даже революционный характер. Нет, это абсолютно лояльная оппозиция, направленная на укрепление французского государства в целом. Де Голль лишь пытался преодолеть узость взглядов военной верхушки, ее кастовую ограниченность во имя более тонко понятых интересов буржуазного государства в целом.

Между тем в июле 1925 года де Голль был назначен в кабинет маршала Петэна, вице-председателя Высшего совета национальной обороны, фактического главы французской армии, поскольку председателем числился президент Республики. И вот де Голль обосновывается в доме 46 на бульваре Инвалидов. Отныне в окне комнаты, где он работает, свет гаснет только тогда, когда все здание уже погружается в темноту.

Маршал не забыл своего бывшего младшего лейтенанта, служившего у него в Аррасе. Петэн выражал удивление и возмущение по поводу того, что после окончания Высшей военной школы столь способный офицер получил незначительную должность. Он называл это чудовищной ошибкой и решил ее исправить, используя свое высокое положение. Он слышал и о споре между капитаном де Голлем и полковником Муараном. «Де Голль прав», – сказал тогда Петэн. Это как будто говорило о том, что перед де Голлем открывается, наконец, путь к блестящей карьере. Но все оказалось не такто просто. Осложнения начались сразу, когда де Голлю поручили подготовить доклад о роли крепостей и других оборонительных сооружений в защите границ Франции.

Задание входило в программу исследований, призванных обосновать строительство оборонительных сооружений на северной и восточной границах Франции. Этот план обсуждался в военных и правительственных кругах с 1920 года. Сторонники плана рассуждали таким образом: война показала выгоду оборонительной тактики, Франция, после возвращения Эльзаса и Лотарингии, не намерена добиваться расширения своей территории, ей необходимы лишь надежные средства защиты, поэтому и надо построить неприступную линию укреплений, которые навсегда гарантируют ее безопасность. При этом совершенно не думали о таких элементарных вещах, как стремительное развитие военной техники. Не учитывали также, что Франция, создавая оборонительную линию, заранее сообщает противнику о том, какими методами она будет действовать в будущей войне, давая ему возможность задолго подготовить контрмеры. Вся эта затея была плодом косности, рутины, дряхлости мысли военных кругов Франции. Как бы то ни было, после длительных дебатов в декабре 1929 года парламент принял закон о строительстве грандиозной системы оборонительных сооружений стоимостью в 3,5 миллиарда франков, которые вошли в историю под названием «линии Мажино». Она явилась, естественно, основой всей стратегии французского Генерального штаба. Нетрудно заметить, что идея «линии Мажино» полностью соответствует тактическим теориям полковника Муарана, против которых де Голль решительно выступал. Но вся сложность заключалась в том, что сторонником строительства линии оборонительных сооружений был сам маршал Петэн, покровитель де Голля! Капитан оказался в крайне неприятной ситуации, ибо ему предстояло доказывать правильность идей, которые он категорически отвергал.

Де Голль в течение месяца выполнил задание, и в декабре 1925 года в «Ревю милитер франсэз» появляется его статья: «Историческая роль французских укреплений». Начав свою статью с характеристики исторических и географических факторов вопроса, де Голль изложил свою точку зрения на проблему безопасности Франции, резко отличающуюся от благодушного тона, с каким официальные представители Франции говорили тогда о нерушимости мира, якобы обеспеченного Лигой Наций и политикой «примирения» с Германией, которое гарантировал сам германский канцлер Штреземан.

«В ходе недавней войны, – писал де Голль, – несмотря на исключительные военные приготовления Франции и беспримерное в истории национальное единение, ее слабые границы на севере и востоке оказались нарушенными. Французы слышали гром вражеских пушек под стенами своей столицы спустя восемь дней после первых сражений. Победа совершенно не в состоянии рассеять глухое беспокойство, которое внушает им будущее. Несмотря на ослабление в данный момент ее главного врага, временную защиту Рейна, возвращение Меца и Страсбурга, союз с Бельгией, добрую волю Люксембурга, а также основание и развитие международных институтов, Франция сохраняет слишком тяжелое и глубокое воспоминание о частых нашествиях, жертвой которых она была, чтобы забыть о невыгодности ее границ или пренебрегать этим обстоятельством. Пагубная слабость границ является, впрочем, особенностью нашей родины. Природа гораздо лучше защищает Англию, Германию, Италию, Испанию, Россию. Эта абсолютная и относительная уязви-

мость Франции во все времена вызывала тревогу ее правительств, которые пытались компенсировать ее в зависимости от времени, обстоятельств или доктрин расширением территории, союзами, международными соглашениями или строительством укреплений. После недавних испытаний Франция отказалась от территориального расширения, она заключила союзы и стремится к развитию некоторых международных институтов. Но должна ли она укреплять свои границы?»

Де Голль в соответствии с установкой своего начальства отвечает на этот вопрос утвердительно. Однако он сопровождает эту уступку такими оговорками, которые явно идут вразрез с официальной линией. Он утверждает, что нельзя строить всю французскую военную доктрину на использовании только линии сильных оборонительных сооружений, ибо это заранее обрекает армию на пассивность. Намечая линии фортификаций, он считает укрепленные пункты лишь базой для динамичных маневренных операций войск. Таким образом, де Голль пошел на компромисс, но отказался уступить в самом главном. В атмосфере угодничества, окружавшей персону маршала, довольно неортодоксальная статья де Голля вызвала немало разговоров. Де Голль понял, что он, возможно, поступил опрометчиво, связав вопрос об укрепленных линиях с общей военной доктриной. Ему становится ясно, что покровительство маршала имеет и отрицательные стороны, ибо ограничивает его самостоятельность. Действовать же в согласии с мнениями Петэна ему становится все труднее, ибо человек, некогда критиковавший косность официальных стратегических установок, теперь, в 70летнем возрасте, сам превращается в оплот отсталых представлений о характере будущей войны. Позднее де Голль скажет, что маршал был «мертв уже в 1925 году».

Тем не менее внешне между де Голлем и Петэном сохраняются прежние отношения и маршал пока продолжает ему покровительствовать. Де Голль воздерживается от какихлибо демонстративных выступлений с изложением своих особых взглядов по вопросам стратегии и тактики, этому способствовало и то, что де Голль с головой погрузился в работу. По совету Петэна он начал писать историческое исследование о французской армии. В конце 1926 года наконецто он дождался повышения: его включают в список офицеров, выдвигаемых на должность командира батальона и к присвоению звания майора. Майор Люсьен Нашен, который в эти годы становится постоянным собеседником де Голля, поздравляет его. В ответ де Голль пишет: «Продвижение приятно, но вопрос в том, даст ли это возможность отличиться?»

Вскоре благодаря маршалу Петэну такая возможность неожиданно представилась. Петэн поручил ему прочитать три лекции в Высшей военной школе о роли и качествах военного руководителя. Тщеславный старик надеялся, что его подчиненный нарисует образ самого маршала, «победителя под Верденом». Частично так и получилось, хотя де Голль не унился до прямого восхваления. Выступление в Высшей школе, где еще недавно полковник Муаран испортил ему карьеру, могло быть своеобразным реваншем. На лекции собрали учащиеся двух выпусков, весь преподавательский состав. Более того, Петэн лично представил де Голля слушателям в выражениях, которые многих повергли в изумление: «Послушайте, господа, капитана де Голля... Слушайте его внимательно, ибо настанет день, когда признательная Франция обратится к нему...»

Но эффект лекций оказался весьма сомнительным. Патетический, напыщенный тон, непривычный, даже неожиданный для аудитории, настроил ее враждебно к лектору. Это настроение усилилось еще больше ревнивым недоброжелательством, вызванным демонстративным покровительством маршала Петэна, первого лица в армии, этому безвестному, но крайне самоуверенному капитану. Правда, когда де Голль вскоре повторил свои лекции в Сорбонне для гражданской и более интеллигентной аудитории, то результат оказался иным. Здесь публика тепло отнеслась к оратору, который произвел впечатление своей культурой, оригинальностью, смелостью мыслей и темпераментной формой их изложения. Во всяком

случае, эти лекции сыграли свою роль; они оказались толчком, побудившим де Голля затем написать книгу, вышедшую спустя несколько лет под интригующим названием: «На острие шпаги».

В 1927 году де Голль получает свою четвертую нашивку, теперь он майор. Его назначают командиром 19го мотопехотного батальона, входящего в состав французских войск, оккупирующих в Германии Рейнскую область. Батальон стоит в древнем городе Трире, который некогда служил центром военных операций римлян на Рейне. Поскольку иностранцам (а тем более немцам) всегда показывают лучшие войска, то и батальон де Голля принадлежит к отборным подразделениям французской армии.

Майор де Голль, познакомившись с батальоном, нашел, что это «отличное подразделение». Ему понравились молодые офицеры, получившие военное образование уже после войны и поэтому не зараженные ненавистью к войне, характерной для многих, испытавших ее на своем опыте. Ему, правда, не пришлось по вкусу некоторые слишком культурные офицеры. Характерно, что, будучи сам офицероминтеллигентом, он предпочитал иметь среди подчиненных людей, не предающихся абстрактным размышлениям, образованность которых, по его мнению, выражалась в претенциозной беспомощности. Он пишет по этому поводу Люсьену Нашену: «Марс не отличался большим умом, но зато был сильным, красивым и смелым».

Де Голль суров, иногда даже жесток по отношению к самому себе, и поэтому он считает себя вправе быть требовательным к другим. Этот пунктуальный, энергичный командир, занимаясь всецело своим батальоном, хочет довести его до полного совершенства. Но он и заботится о своих людях. В 1927 году на Мозеле выдалась суровая зима; от морозов пострадали знаменитые виноградники, а во французских войсках вспыхнула эпидемия гриппа. В Трире умерло больше 30 солдат. Сведения об этом дошли до Парижа, кто-то из недовольных напряженным ритмом боевой подготовки в 19м батальоне послал жалобу в парламент. В результате в Трир прибыла высокая парламентская комиссия, в которой оказалось немало видных политиков (члены комиссии – Эррио, Даладье, Гуэн, Рамадье в разное время возглавляли правительства). Комиссия смогла убедиться, что в 19м батальоне дело поставлено образцово, и об этом доложили палате депутатов. Докладчик сообщил о любопытном эпизоде. В разгар эпидемии умер солдат Гуро, у которого не осталось никаких родственников, ни матери, ни отца. Тогда командир батальона майор де Голль решил сам носить знак траура по умершему.

Палата депутатов, выслушав рассказ об этом, разразилась бурными аплодисментами, а сидевший на правительственной скамье премьерминистр Пуанкарэ откликнулся весьма одобрительной репликой. Кстати, де Голль в своей жизни непосредственно общался с народом только в армии. Народ всегда предстал перед ним в облике солдата, призванного к безусловному повиновению и поэтому заслуживающего внимания и уважения. Такую психологическую позицию, приобретенную жизненным опытом, навсегда сохранит де Голль по отношению уже не к солдатам, а ко всем французам.

Энтузиазма, вызванного новым назначением, хватило у де Голля ненадолго. Разве могла удовлетворить его деятельность в масштабе батальона, пусть даже самого образцового? Его духовный горизонт охватывает по крайней мере всю Францию. Казалось, можно не волноваться за ее судьбу, ибо, за редкими исключениями, у французских политиков во все эти годы на языке только «божественный цветок – мир» (слова Эдуарда Эррио). Но вскоре, после того как прозвучали столь прекрасные слова, президентом Германии стал фельдмаршал Гинденбург, человек вовсе не склонный довольствоваться ароматом «божественного цветка».

В октябре 1925 года подписаны соглашения в Локарно, гарантирующие западные границы Германии, но одновременно ликвидирующие разницу между победителями и побеж-

денными. Красноречивого министра иностранных дел Франции Аристида Бриана провозглашают «отцом мира». Начальник его кабинета Леже говорит: «Франция добила наконец обеспечения своей безопасности на Рейне... Войны больше не будет». Но вскоре статс-секретарь Вильгельмштрассе фон Шуберт заявляет: «Как только Германия сможет, она постарается отвоевать Эльзас и Лотарингию».

В сентябре 1926 года Германию принимают в Лигу Наций. Бриан охвачен энтузиазмом. А Штресеман в это же время говорит: «Реабилитация Германии является фактом... Союзники ответственны за войну». В эти же дни Бриан тайно встречается в Туари со Штресеманом и за обедом договаривается о полном франкогерманском примирении и об окончательной дружбе двух стран. Ну а Германия требует эвакуации французских войск из Рейнской области.

27 августа 1928 года подписан пакт Бриана – Келлога. Война объявлена вне закона. Бриан ликует. Газеты сообщают о церемонии подписания: «Празднование духовной свадьбы Бриана и мира». Спустя год Бриан выдвигает план панЕвропы якобы в качестве верного средства абсолютно исключить возможность войны. А в Германии уже маршируют отряды штурмовиков со свастикой на рукавах. Молодой Гитлер уверенно рвется к власти. Хозяева Рура как раз ищут «сильного человека»; тайное перевооружение уже не удовлетворяет их. Де Голль своими глазами видит, как бурно усиливается в Германии шовинизм и реваншизм. Поэтому он вполне согласен с мнением Андре Тардьё, заявившего в палате депутатов: «Ваша политика, господин Бриан, – это политика дохлой собаки, которую несет по течению».

Де Голль совершенно не разделяет розовых надежд тех, кто был убаюкан сладкоречивыми разговорами Бриана о вечном мире. Блаженный оптимизм в отношении согласия и примирения с Германией раздражает и возмущает его. Будущее представляется ему в мрачном свете. В 1928 году он пишет в одном из писем Люсьену Нашену:

«Ход событий силой обстоятельств разрушит все существующие в Европе, согласованные и столь дорогие барьеры. Нельзя не видеть того, что аншлюс близок, затем Германия силой или другим способом вернет все, что было вырвано у нее в пользу Польши. После этого от нас потребуют Эльзас. Мне кажется это ясным как божий день».

С растущим негодованием наблюдает он за тем, как высшие военные руководители, самодовольно считавшие себя творцами победы 1918 года, ревниво оберегают свой опыт, свои методы, препятствуя осуществлению любой новой мысли. Они надеются, что французская армия в будущей войне сможет отсидеться за укреплениями, на строительство которых идут огромные средства, в то время как на техническое оснащение армии остаются крохи. Правда, спустя много лет де Голль напишет в своих мемуарах об этом времени: «Военная служба давала огромное удовлетворение моему сердцу и уму. В армии, пребывавшей в состоянии бездействия, я видел силу, предназначенную для великих свершений в ближайшем будущем».

Видимо, время стерло в его памяти многое, ибо никакого «удовлетворения» не чувствуется, например, в его Письме Люсьену Нашену от 20 июня 1929 года: «Ах, как тягостно тащить на себе этот хомут. Однако это необходимо. Чтобы спасти родину, через несколько лет за наши фалды будут цепляться... и прежде всего этот сброд»¹.

В это же время на Шарля де Голля обрушилось личное несчастье. 1 января 1928 года у него родилась вторая дочь, которую назвали Анна. Вскоре выяснилось, что ребенок страдает врожденным заболеванием, проявляющимся в глубокой интеллектуальной недоразвитости. Но из своих троих детей именно Анну, прожившую всего 20 лет, де Голль особенно и мучи-

¹ В большинстве книг о де Голле, где приводится текст этого письма, сказано «за мои фалды». Однако Лакутюр, тщательно анализируя размашистый беглый почерк де Голля и некоторые другие обстоятельства, приходит к заключению, что надо читать «наши». Иначе, пишет он, можно сделать «весьма пессимистический вывод в отношении умственного состояния майора де Голля».

тельно любил. Ивонна де Голль писала одной своей подруге: «Шарль и я отдали бы все, все, здоровье, состояние, успех, карьеру, лишь бы Анна была такой же девочкой, как и другие.» Де Голль скрывал свое горе под ледяной маской хладнокровия...

В конце 1929 года де Голль по его просьбе был направлен в штаб французских войск в Сирии и Ливане. После распада Османской империи Франция в 1920 году получила мандат Лиги Наций на управление этими странами. Численность французских войск в районе Ближнего Востока была огромна. Ведь здесь был один из главных очагов национальноосвободительного движения народов французской колониальной империи. За два года до приезда де Голля в Бейрут французам с большим трудом удалось подавить национальное восстание сирийского народа. Здесь де Голль впервые увидел в действии методы французской колониальной политики, сочетавшей беспощадные репрессии с вынужденными политическими уступками. Во время пребывания на Востоке в жизни де Голля не произошло значительных событий. Но он смог многое увидеть и приобрести знания, которые в будущем ему придутся весьма кстати. Де Голль побывал в Каире, Багдаде, Дамаске, Алеппо, Иерусалиме. Везде он с любопытством всматривался в экзотическую обстановку Востока и сумел быстро понять, насколько нереальны надежды на сохранение здесь французского господства. Через полгода пребывания в Леванте он писал Люсьену Нашену: «Вот уже десять лет мы находимся в этих странах. У меня такое впечатление, что мы не очень укоренились здесь и что попрежнему наши люди остаются иностранцами для местных жителей, как и они для нас. Ради пребывания здесь мы поддерживали в этой стране худшую систему, восстанавливая этих людей против себя... Мы никогда ничего не создали для них, ни каналов Нила, ни акведуков Пальмиры, ни римских дорог, ни оливковых рощ... Думаю, что наша судьба в том, чтобы уйти отсюда...»

Нельзя не заметить, что Шарль де Голль весьма трезво и проницательно оценивает шансы Франции на Ближнем Востоке. Еще бы, жизнь уже многому его научила. Последнее десятилетие его жизни, если не считать удачной женитьбы и повышения, впрочем запоздalogо, в чине, было для него тяжелым. Мечты и замыслы де Голля остались неосуществленными. Попытки обратить внимание на свои идеи не имели успеха. Конечно, итогом этих десяти лет был приобретенный им опыт. Но он ничем не обнадеживает его.

Шпага

«Все хорошо, прекрасная маркиза!» – песенка с таким рефреном стала самой популярной во Франции в те годы, когда Шарль де Голль в мрачном одиночестве взирал на мир, видя везде «печать упадка». В своем пессимизме он оказался действительно одиноким, ибо для буржуазии Франции в 1926–1930 годы наступило время эйфории – радостного, повышенного настроения. В самом деле, после многих лет катастрофической инфляции благодаря реформам Пуанкарэ франк стал одной из самых прочных валют. На смену господству старого ростовщического капитала, изрядно потрепанного в катаклизмах мировой войны, поднимался новый промышленный капитал. Производство во Франции с 1920 по 1929 год возросло на 31 процент, тогда как по всей Европе оно увеличилось только на 18 процентов.

Непоколебимой казалась гегемония Франции в Европе, обеспеченная Версальским договором. Бриан навевал пацифистские золотые сны, обещал эру бесконечного мира. Правда, в хор беззаботных голосов иногда врывался грозный рев подымавшегося в Германии фашизма. Но ведь Германия пойдет воевать на восток против большевиков! Разве не заключен Локарнский договор, гарантирующий только западные границы Германии? В кабачках на Монмартре распевали такую песенку: «Локарно... Локарно... Все прекрасно!» Когда один шансонье изменил последние слова и пропел: «Все напрасно!», его освистали. О какой войне может идти речь, если даже металлургические фирмы разных стран объединяются? В 1926 году возник Стальной картель Франции, Германии, Бельгии и Люксембурга, символизирующий, казалось, начало конца международной экономической конкуренции. А «панЕвропа», которая превратит европейский конгломерат народов в дружную семью, как уверял Бриан?

Нет, все хорошо, очень хорошо, прекрасная маркиза! Жюль Ромэн выпустил новый роман «Люди доброй воли», где нарисовал безмятежно оптимистическую картину тогдашнего буржуазного общества. А живопись! Стоило посетить Салон, чтобы тревожные предчувствия рассеялись. Матисс в серии «Одалисок» и портретов создавал изумительный светлый колорит, свою знаменитую гармонию цветов, сводя рисунок к нескольким простым линиям и заливая полотно ярким светом. Все тона радовались и у Брака. Марке утверждал простую и непосредственную поэзию жизни.

Нет, все прекрасно, раз «весь Париж» каждый вечер безмятежно предается удовольствиям. Ресторанное дело процветало. Буржуазная молодежь увлекалась нахлынувшими из США новыми танцами под звуки возбуждавшего кровь заокеанского джаза, совершавшего триумфальное шествие по Европе. Не многие догадывались, что пляшут на вулкане, грозные силы которого все чаще давали о себе знать. Ведь «процветание» выросло на почве небывало интенсивной эксплуатации рабочего класса, который теперь все яснее сознавал смысл своего положения, ибо активно действовала молодая Французская коммунистическая партия. На парламентских выборах в апреле 1928 года коммунисты получили свыше миллиона голосов, на 200 тысяч больше, чем на предыдущих выборах!

А потом как гром среди ясного неба осенью 1929 года прозвучало сообщение о «черной» пятнице на Уоллстрите. Начинался великий мировой экономический кризис капитализма. Но Франция больше года чувствовала себя «счастливым островом». Благодаря широкому внутреннему рынку и стабилизации франка, облегчившей экспорт, она держалась дольше всех. Увы, весной 1930 года настала и ее очередь. Французское производство упало за год на 33 процента, возникла массовая безработица. Всего в «процветавшем» капиталистическом мире без работы оказалось 30 миллионов человек, а производство сократилось на 40 процентов. Это была небывалая катастрофа, тем более драматическая для буржуазии, что она наступила в разгар пресловутой эйфории.

Де Голль с мрачным удовлетворением наблюдал, как сбываются его пророчества о неустойчивости современного мира. Он, естественно, игнорировал вопрос о том, что кризис всей своей силой подтвердил истину марксизма о неискоренимых противоречиях капитализма, и подходил к кризису, как всегда, со своей исходной позиции, состоящей в том, что в истории доминирует национальный элемент, предопределяющий органическую неизбежность вечного противостояния наций и периодических кровавых столкновений между ними. Он считал, что все государства, охваченные кризисом, будут искать решения своих трудностей во внешней экспансии за счет других стран. Они возведут протекционистские крепостные стены экономического национализма и превратят рынки в поле экономического боя. Более сильные попытаются переложить тяготы на слабых. Кризис – это лишь очередная фаза борьбы всех против всех, в которой выживут сильные и беспощадные. А экономический национализм является всего лишь прелюдией к национализму политическому, ведущему только к войне!

А о ней де Голль думал всегда. В те тоскливые годы неудач, окруженный стеной непонимания, он как бы вел и вторую жизнь, находя средство самовыражения в размышлениях о войне и в литературном творчестве. Правда, его первую книгу «Раздор в стане врага» сразу забыли, а десяток его статей не вызвал почти никакого отклика. Но горькие неудачи не обескураживали де Голля. Характер сильного, уверенного в себе человека помогал ему упорно продолжать свое дело, даже не встречая никаких признаков поощрительного внимания общества, не желавшего нарушить свой покой мрачными, угрожающими пророчествами о неотвратимой войне.

В 1932 году БержеЛевро, товарищ де Голля по плену в Ингольштадте, который стал издателем военной литературы, выпустил его новую книгу «На острие шпаги». Содержание этой книги о войне довольно неопределенно, как и ее эффектное название. Стиль очень претенциозный, а смысл сводится к своеобразной компиляции идей, подчас весьма старых. Поскольку, как известно, все новое есть основательно забытое старое, то нетрудно найти много источников вдохновения де Голля. Разумеется, неизменным остается влияние его юношеских оракулов, хотя Пеги погиб на фронте еще в 1914 году, а Баррес умер в 1923 году. На Бергсона же де Голль прямо ссылается и цитирует его. Многие места наводят на мысль о влиянии Морраса, и не только в отношении стиля, но и суждений де Голля о роли выдающейся личности. Ведь мысль Морраса о том, что «народ нуждается в вожде так же, как человек нуждается в хлебе», всегда будет близка и понятна де Голлю.

В книге «На острие шпаги» явно ощущается терпкий привкус откровенно реалистических, если не циничных, политических принципов Макиавелли. Что касается Ницше, на которого де Голль обрушился в книге «Раздор в стане врага» за то, что тот оказал пагубное воздействие на германских военных руководителей, то его влияние невозможно не заметить в рассуждениях де Голля об отношениях вождя и массы. Он откровенно исходит также из идей Клаузевица о полководце. Многие указывают на явную близость де Голля к идеям французского военного теоретика прошлого века Ардана дю Пика, писавшего о роли «моральных сил» в войне. Находит отклик, конечно, и романтик печального и почетного солдатского ремесла Альфред де Виньи.

Перечисление всех этих идейных предшественников де Голля отнюдь не лишает книгу оригинальности, если иметь в виду постановку вопроса о войне, армии и полководце в конкретный момент и в специфической форме. Вообще же о серьезном научном ее значении по существу трактуемых в ней вопросов говорить особенно не стоит, поскольку, например, коренную причину войн де Голль видит в природе человека. Найти в книге большую научную ценность можно было бы при условии ее издания по крайней мере лет на двести раньше.

И все же книга «На острие шпаги» имеет совершенно исключительное значение в главном для нас вопросе об эволюции личности Шарля де Голля. Это поразительный автобиогра-

фический документ, хотя автор, видимо, совершенно не рассматривал ее в качестве такового. Мало кто заметил выход этой книги. Но спустя много лет, в свете последующей грандиозной карьеры ее автора, она приобрела совсем иное звучание.

Книга де Голля – это не какойто случайный отклик на злобу дня. Она выражает его мысли, накопленные за много лет. Об этом говорит сама ее структура. Первые три главы: «О военной деятельности», «О характере», «О престиже», представляют собой обработанные тексты лекций, прочитанных де Голлем в 1927 году в Высшей военной школе и в Сорбонне. В основу главы «О доктрине» легла статья, опубликованная им еще в 1925 году подзаголовком: «Доктрина а ргіогі, или Доктрина обстоятельств». Специально для книги, совершенно заново де Голль написал введение и последнюю, пятую главу «О политике».

Хотя книга звучала резким диссонансом на фоне основных направлений буржуазной политической мысли эпохи «процветания» и эйфории, это не значит, что де Голль игнорировал действительность. Напротив, он все время имеет ее в виду и откровенно изливает чувство горечи, в котором отражается его личная неудовлетворенность своей судьбой и сознание несправедливости приниженного положения французской армии вообще в эру бриановского пацифизма. При этом он анонимно полемизирует с апологетами тогдашней международной «стабильности».

«Неустойчивость, – пишет он, – характерна для нашей эпохи. Сколько правил, предсказаний, доктрин опровергнуто, сколько испытаний, потерь, разочарований, а также сколько взрывов, ударов, неожиданностей, поколебавших установленный порядок. Преобразившим мир армиям остается лишь страдать и оплакивать свои утраченные надежды. Можно считать эту меланхолию военных в периоды мира, несомненно, классическим явлением. Но военные люди не могут без боли воспринимать контраст между фиктивной деятельностью армии в мирное время и ее скрытой мощью».

Де Голль считает понятным, что военные и их заботы отодвинуты на второй план в условиях всеобщего стремления народов к миру. В свою очередь, это стремление он находит вполне естественным результатом тяжких испытаний недавней войны. Но надежду на то, что войны не будет только потому, что она ужасна, он считает беспочвенной иллюзией. Де Голль с сарказмом пишет о появлении какойто мистической веры в невозможность войны, объяснимой исключительно страстным желанием избежать ее. По его мнению, эта мистическая вера совершенно лишена логических и вообще любых реальных оснований. Таким образом, он как бы выражает понимание чувства наивной уверенности в невозможности войны, но лишь для того, чтобы показать его беспочвенность. «Вид больного, – пишет он, – который грозит кулаком смерти, не может никого оставить бесчувственным».

Войну нельзя окончательно предотвратить потому, что она служит проявлением фактора силы, являющейся главным содержанием жизни, природы, самого человека. Но это неизбежное явление не только пагубно, но и благотворно одновременно. Де Голль считает, что говорить об этом надо откровенно, прямо и резко, ибо речь идет о самом ужасном в жизни человечества – о войне как следствии объективно необходимого содержания жизни, невысказанной без насилия.

«Можно ли представить себе жизнь без фактора силы? – пишет де Голль. – Пусть помешают рождению нового, обесплодят умы, заморозят души, усыпят нужды; вот тогда, несомненно, сила исчезнет из застывшего в неподвижности мира. Иначе никто не может сделать невысказанным существование силы. Сила – средство мысли, инструмент действия, условие движения; эта акушерка необходима, чтобы добиться хотя бы одного дня прогресса. Сила – это щит мудрецов, оплот тронов, таран революций; порядок и свобода, в свою очередь, обязаны ей своим существованием. Сила – колыбель городов, скипетр империй, могильщик пришедшего в упадок; она дает законы народам и определяет их судьбу».

Эта апология силы понадобилась де Голлю для того, чтобы, показав неизбежность войны и ее благотворность, доказать необходимость существования армий. Более того, он стремится убедить читателя в том, что, поскольку без фактора силы немыслима жизнь в любой форме, без армий невозможен прогресс человеческого общества. Он знает и учитывает антимилитаристские настроения, обвинительные аргументы против армий. И чтобы опровергнуть их и доказать не только необходимость военного ремесла, но его прогрессивное значение, он хочет выглядеть объективным. Он даже как будто соглашается со всеми обвинениями по адресу вооруженных сил; он сам повторяет их. Но де Голль делает это только для того, чтобы показать их беспредметность. Из неизбежного зла армии превращаются у него в решающую силу развития мировой цивилизации. Очевидно, что де Голль таким образом обосновывает правомерность милитаризма.

«Армии, – пишет он, – во все времена были инструментом варварства... Из глубин сердец армии поднимают грязь низменных инстинктов. Они превозносят убийство, питают ненависть, возбуждают алчность. Они подавляли слабых, возносили недостойных, поддерживали тиранию. Их слепая ярость губила лучшие замыслы, подавляла самые благородные движения. Непрерывно они разрушают порядок, уничтожают надежды, предают смерти пророков. Однако если такое применение находит им Люцифер, то они бывают и в руках Архангела. Какими добродетелями обогатили они моральный капитал людей! Благодаря их существованию, мужеству, преданности величие души достигло вершин... Распространяя идеи, проводя реформы, прокладывая пути религиям, армии разносили по вселенной все, что ее обновило, улучшило или утешило. Только благодаря их кровавым усилиям в мире появились эллинизм, римский порядок, христианство, права человека и современная цивилизация».

За широкими абстракциями отступает все – разница между войнами справедливыми и несправедливыми, между армиями революционными и армиями реставрации, между армиями агрессии и обороны. Армия превращается в некий символ, в чистую идею, с помощью которой, естественно, реабилитируется любой милитаризм, ибо ответственность за его преступления падает на все человечество, поскольку оно существует. «Позорная и величественная история армий есть история людей», – пишет де Голль.

Итак, де Голль показал роль и место армий в истории, поднял их значение до уровня ее главной движущей силы, заключив утверждением, что «меч – это ось мира». Сравнив затем свой идеал с реальным положением армии во Франции, де Голль призывает добиваться возвращения армии достойного ее миссии места. Для этого, по его мнению, надо, чтобы элита армии, кадровые офицеры требовали такого места и чтобы, осознав свою роль, они гордились принадлежностью к армии – защитнице национального величия и безопасности родины.

«Воинский дух, – пишет де Голль, – искусство солдата, его достоинства являются неотъемлемой частью человеческих ценностей. Настало время, когда военная элита должна вновь проникнуться сознанием своей первостепенной роли и сконцентрироваться на своей цели, которая состоит в войне. Военная элита должна поднять голову и устремить взгляд к вершинам. Чтобы придать острие шпаге, настало время восстановить философию, присущую положению военной элиты».

Для выработки этой философии необходимо прежде всего понимать сущность войны и принципы ее ведения. По мнению де Голля, в этом деле не может быть каких-то раз и навсегда установленных рецептов и закономерностей, ибо на войне, как и в жизни, может случиться все. И здесь он вновь развивает свою военную доктрину «обстоятельств», которую он еще и раньше противопоставлял официальным военным теориям. Действия армии должны направляться такими руководителями, которые готовы ко всему и способны правильно действовать даже в совершенно немыслимой ситуации, где непригодны никакие военные док-

трины и где выручить может только интуиция. И вот здесь де Голль обращается к Бергсону, возводя военное дело в ранг высокой философии и искусства.

«Бергсон показал, — пишет де Голль, — что для установления прямого контакта с действительностью человеческий разум должен обрести интуицию, сочетая интеллект с разумом... Инстинкт является способностью, скорее всего связывающей нас с природой. Благодаря ему мы постигаем глубочайший смысл явлений и открываем их скрытую гармонию... С военным руководителем происходит нечто аналогичное тому, что отличает деятельность артиста. Он не пренебрегает разумом. С его помощью он опирается на науку, навыки, знания. Но творчество как таковое возможно только путем применения способности инстинкта, вдохновения, без которого невозможен прямой контакт с природой. О военном искусстве можно сказать то, что Бэкон говорил о других искусствах: это человек в соединении с природой».

В рассуждениях о первостепенном значении для военного, офицера или полководца интуиции, инстинкта, вдохновения, чутья, таланта, гениальности и т. п. нет ничего особенно нового. Еще Наполеон говорил, что военное искусство — это «дитя смертного и богини». Де Голль лишь связывает эту идею с философией Бергсона, в своем понимании, естественно. Таким путем он подводит читателя к главной проблеме книги: роль полководца и необходимые ему качества. Совершенно очевидно, что раз речь идет об интуиции как важнейшем качестве военного руководителя, то им должен быть человек необыкновенный, одаренный самой природой чудесным даром все постигающего инстинкта, способный действовать в самых грозных обстоятельствах войны. Каким же он должен быть, этот человек действия? И здесь де Голль начинает рисовать портрет, который невозможно не узнать, ведь это его собственная персона! «Сильные личности, — пишет он, — созданные для борьбы, испытаний, великих событий, не всегда воплощают простое превосходство, ту поверхностную привлекательность, приятную в повседневной жизни. Выдающиеся характеры обычно суровы, неуживчивы, иногда жестоки. Если даже стоящая внизу масса признает их превосходство и невольно воздает им должное, то очень редко случается, чтобы их любили и им покровительствовали. При решении вопроса о продвижении выбор охотнее останавливают на тех, кто нравится, а не на тех, кто этого заслуживает».

Возмущение офицера, которого 12 лет держали в чине капитана из-за его слишком самостоятельного характера и образа мыслей, явно слышится в этих словах. Но он не обескуражен, как об этом свидетельствует само появление его книги. Он тщательно описывает образ человека действия, тот самый образ, в который он всю жизнь будет стремиться воплотить самого себя. Впрочем, многими чертами, личными качествами он уже соответствует своему идеалу. Словом, в книге «На острие шпаги» де Голль лепит собственную статую.

Вот как он описывает этого человека действия, вождя, который рассчитывает только на самого себя и на ход событий: «Далекий от того, чтобы укрываться под покровом иерархии, скрываться в бумагах, прятаться за отчетами... он решительно становится хозяином действий, ибо, если он вмешивается в них, они подчиняются ему. Если он находится на высоте положения, то добивается успеха, если даже ему не удастся выиграть, он берет на себя все тяготы, перенося их не без некоторого горького удовлетворения. Короче говоря, это борец, который находит в самом себе источник своей энергии и свою точку опоры, игрок, который больше стремится к успеху, чем к выигрышу, и платит свой долг собственными деньгами. Человек характера придает действию благородство: без него — тягостная участь раба; благодаря ему — божественная игра героя...»

Человек действия не только не боится трудностей; они привлекают его, «ибо, борясь с ними, он добивается самовыражения. Только от него самого зависит, выйдет ли он победителем или потерпит поражение... Что бы ни произошло, только на его долю выпадает суровая радость ответственности».

Де Голль неоднократно возвращается к мысли, что сильная личность неизбежно имеет качества, которые в повседневной жизни вызывают недовольство и непонимание. Вышестоящих раздражает его надменность, подчиненных – педантичная требовательность. «Но лишь только события приобретают грозный характер, – продолжает де Голль, – опасность приближается и дело общего спасения требует немедленной инициативы, готовности к риску, твердости; все меняется, и справедливость вступает в свои права. Какая-то могучая волна выталкивает на передний край человека характера. Его советами пользуются, его таланты хвалят, и он обретает всю свою ценность. Естественно, ему поручается труднейшая задача, главная роль, решающая миссия. Рассматривается все, что он предлагает, принимается все, что он требует. Впрочем, с момента, когда его призвали, он не злоупотребляет доверием и проявляет себя добрым гением. Спаситель не догадывается о своем реванше, ибо действие поглощает его целиком».

В главе «О престиже» де Голль дает сводку конкретных рецептов поведения великого человека. Они станут для него железными правилами, и он будет стремиться никогда не отступать от них. Главное из этих правил сводится к поддержанию престижа всеми средствами, вплоть до публичного актерства и комедиантства.

«Престиж не может сохраняться без таинственности, ибо то, что слишком хорошо известно, не побуждает к преклонению. Необходимо, чтобы в замыслах, манерах, в проявлениях ума содержалось нечто непонятное для других. То, что интригует, волнует, держит в напряжении. Подобная сдержанность души обычно невозможна без сдержанности в жестах и словах. Возможно, это лишь видимость, но именно на основании этой видимости множество людей составляют свое мнение... Среди тех, кто командует, люди незначительные держатся просто и откровенно перед войсками, тогда как действительно великие тщательно заботятся о своих выступлениях. Они делают из этого искусство, которое Флобер очень хорошо определил, когда он в «Саламбо» нарисовал эффект, произведенный на колеблющихся солдат рассчитанным появлением Гамилькара. Каждая страница «Комментариев» Цезаря показывает нам, каким образом он продумывал свои публичные жесты. Известно, как заботился Наполеон о том, чтобы всегда показываться, поражая воображение...

Сдержанность, характер, величие – эти условия престижа необходимы для осуществления усилий, которые не очень нравятся большинству. Самыми тайными фибрами души сильная личность чувствует непрерывное напряжение, постоянный риск. В результате такого состояния человек, принуждающий себя к этому напряжению, испытывает внутреннюю борьбу, в зависимости от темперамента более или менее острую, которая не перестает ни на мгновение терзать ему душу подобно тому, как власяница раздирает при каждом шаге тело кающегося грешника. Этим объясняется причина непонятных отставок; люди, преуспевшие во всем, пользующиеся доверием, часто сбрасывают с себя тяжелую ношу. Кроме того, находясь на расстоянии от других, вождь лишается возможности непринужденных отношений с людьми, он отказывается даже от сладостной дружбы. Он обрекает себя на чувство одиночества, которое, по выражению Фагэ, «является нищетой великих людей». Состояние удовлетворения, внутреннего мира, размеренной радости, то есть всего того, что соответствует понятию счастья, исключено для вождя... Меланхолия неотделима от всего величественного, будь то люди или вещи. Перед древним и благородным памятником кто-то сказал Бонапарту: «Это печально!» – и он ответил: «Да, это печально, как величие!».

Некоторые суждения де Голля о нормах поведения человека действия, вождя вызывают удивление и наводят на мысль о цинизме. Так, он пишет, что «человек действия почти не мыслит себя без некоторой дозы эгоизма, надменности, сомнения, хитрости». В другом случае он говорит, что «политический деятель пускает в ход все свое мастерство, для того чтобы соблазнить толпу, скрывая до времени свои истинные цели и обнаруживая их лишь в подходящий момент. Чтобы стать господином, он прикидывается слугой».

В книге «На острие шпаги» де Голль рассматривает много других вопросов, таких как подготовка вооруженных сил и их использование государством, проблема взаимоотношений между правительством и командованием, различные аспекты «философии действия» и т. п. Во всем этом много милитаризма, национализма, своеобразного культа личности. В книге нет и следа демократизма, ибо народ в ней фигурирует лишь в роли пассивной толпы, нуждающейся в руководстве со стороны сильного человека. Во всяком случае, содержание книги продиктовано самыми лучшими намерениями, тревогой за судьбу Франции в будущей войне, заботой о ее безопасности. Книга пронизана от начала до конца легко читаемыми между строк честолюбивыми притязаниями автора на нечто еще ему самому не ясное, но обязательно великое, исключительное. Характерен подбор эпиграфов, которыми де Голль украсил как свое произведение в целом, так и каждую главу в отдельности. Книге предпосланы слова шекспировского Гамлета: «Быть великим – значит вести великую битву». Предоставлено место и Фаусту Гёте: «Сначала было слово? Нет, сначала было дело!» А главу «О престиже» украшает девиз из Вилье де ЛильАдана: «В своей груди нести собственную славу».

Де Голль явно преисполнен решимости вступить в великую битву, делать великое дело и добывать великую славу, тем более что теперь у него в руках созданное им пособие, ясно указывающее, как надо действовать, чтобы стать де Голлем...

Вот отзыв известного английского историка и журналиста Александра Верта об этой книге: «Очерк «На острие шпаги» ясно обнаруживает огромную эрудицию де Голля, его редкий классический литературный стиль и высокий ум. Но этот очерк также отражает твердое сознание собственного превосходства де Голля и его незыблемую веру в себя как в человека, ниспосланного судьбой. И всем весьма ясно объяснено за восемь лет до того, как это случилось, почему де Голль «взбунтовался» в 1940 году. Сильный характер, авторитет и вера являются, по мнению де Голля, тремя главными элементами, создающими великого полководца и вождя. Во всех трех главах мы находим места, раскрывающие перед нами работу «таинственного» ума де Голля.

Вернемся, однако, к конкретным обстоятельствам его жизни, от которой нас несколько отвлекла (а быть может, и приблизила к ее пониманию) книга «На острие шпаги». В 1932 году де Голля переводят из штаба в Бейруте снова в Париж. В отличие от Бонапарта, который, вернувшись некогда из этих же мест, совершил переворот 18 брюмера, де Голль занял скромное место секретаря Высшего совета национальной обороны – постоянного органа при премьер-министре, занимавшегося подготовкой государства к войне. Но это все же повышение, новый шаг в карьере де Голля, тем более что вскоре, в 1933 году, он получил чин подполковника.

Теперь де Голль по своему положению оказался гораздо ближе к людям и учреждениям, решавшим судьбу Франции. Он получает возможность судить о государственных мероприятиях по обороне страны не только на основании газетных сведений или разговоров с коллегами; теперь ему доступны важнейшие секретные документы, планы, решения. Все это представляло для него огромный интерес, и он полностью отдается новому делу. В Высшем совете национальной обороны он работает с 1932 по 1937 год, за исключением непродолжительного периода пребывания в Центре высших военных исследований, который в армии называли «школой маршалов».

Де Голль занимается изучением различных политических, технических и административных проблем обороны страны. Ему поручают разработку мероприятий по мобилизации администрации, промышленности, коммунальных служб на случай войны. Он даже участвовал в разработке планов разоружения и безопасности, которые Франция вносила в Лигу Наций. Известно, с каким скептицизмом, если не презрением, относился он к этим планам. Особенно много времени и сил у него ушло на проект закона об организации государства

во время войны. Ему пришлось переделывать этот проект десятки раз. «Выполнение этих обязанностей, — вспоминал де Голль, — участие в совещаниях, общение с различными политическими деятелями позволили мне убедиться в огромных возможностях нашей страны, но в то же время и в немощи ее государственного аппарата».

История подготовки закона об организации страны во время войны особенно многому научила де Голля; он занимался этим делом больше шести лет. А впервые проект этого закона был составлен еще в 1923 году. В марте 1927 года палата депутатов одобрила его, но сенат внес поправки. Закон вернулся опять в палату, где получил одобрение, и вновь сенат внес поправки. Проект был похоронен. И вот де Голлю предложили обновить проект, что он и сделал. Однако в разгар экономического кризиса никто не хотел им заниматься. Тогда де Голль решил прибегнуть к своему обычному способу и привлечь внимание общественности. В январе 1934 года он опубликовал в журнале «Ревю милитер франсэз» статью «Экономическая мобилизация за границей». Но понадобилось еще полтора года всевозможных согласований, чтобы можно было внести проект в парламент, который после долгих проволочек одобрил его только в 1938 году, всего лишь за 18 месяцев до начала войны...

Но это был еще исключительно удачный исход дела по сравнению с полной безрезультатностью всех попыток подготовить французскую армию к той войне, которую, как становилось все очевиднее, ей неизбежно придется вести. Теперь, когда де Голль мог с близкого расстояния наблюдать действие (вернее, бездействие) французского военного аппарата, он с горечью убеждался, что Франция снова отстает на одну войну. Военные руководители мыслили исключительно понятиями войны 1914–1918 годов, тем более что они носили с гордостью лавры победителей. Состав французского Генерального штаба оставался стабильным с 1919 года. Во главе армии все еще находились дряхлые полководцы прошлой войны. Маршал Петэн был вице-председателем Высшего военного совета до 1931 года, потом его сменил Вейган, а после него вплоть до разгрома 1940 года этот пост занимал Гамелен. Живя только воспоминаниями о прошлой войне, они совершенно произвольно формулировали ее уроки. Тщательно скрывалась цена, в которую обошлась Франции победа; книги о войне подвергались особой цензуре. Например, мало кому было известно, что французская пехота потеряла убитыми и ранеными 70 процентов своего состава, тогда как германская — 40 процентов. Простую войну французская армия встретила с лозунгом «наступление любой ценой». Теперь она готовилась к «обороне любой ценой». Внешне все выглядело усвоением уроков прошлой войны. Но это была фикция, ибо условия резко изменились. И та и другая тактика оказалась губительной для Франции. Де Голль справедливо полагал, что нет ничего более опасного для нации, чем боязнь свободного обсуждения итогов последней войны.

С 1921 года Петэн упорно и успешно добивался строительства линий укреплений вдоль северо-восточной границы Франции. Но границу с Бельгией не укрепляли. Когда в 1934 году Петэн стал военным министром в правительстве Думерга, он немедленно приказал прекратить работы по строительству некоторых укреплений на франкобельгийской границе. Арденны непроходимы, уверял старый маршал.

Любое предложение оснастить армию новейшей техникой отвергалось. Даже простая моторизация объявлялась вредной. Генеральный инспектор кавалерии и член Высшего военного совета генерал Брекар назвал план механизации двух дивизий «опаснейшей утопией». Авиация создавалась в расчете на оборону. Почти не строили бомбардировщиков, а о штурмовиках и не думали. Танки считали пригодными только для поддержки пехоты. Они были распылены по разным частям, тихоходны и вооружены слишком легкими пушками. Артиллерия могла действовать лишь с заранее подготовленных позиций и не годилась для маневренных и наступательных действий. Не заботились о самом элементарном. В начале войны обнаружилась нехватка револьверов, обуви, одеял. Армия могла быть готова к войне только в 1942 году.

Поскольку до 1939 года Франция не выходила из жестокого финансового кризиса, все правительства одобряли бездействие генералов: ведь так армия требовала меньше денег. Да и те средства, которые отпускались, расходовали самым непостижимым образом. 66 процентов шло на жалованье офицерам, 10 процентов – на содержание солдат и только 24 процента использовалось на обеспечение армии вооружением и прочим.

Петэн, Вейган и другие обшитые золотыми галунами старцы представляли себе будущую войну в виде спокойного выжидания неминуемого краха Германии от блокады и истощения. Французской армии, укрывшейся за бетоном «линии Мажино», придется лишь выдержать неприятную скуку терпеливого наблюдения за развалом Германии. Главное – драться как можно меньше.

Такая военная доктрина обрекала на пассивность и изоляцию дипломатию Франции. Ее союзники на востоке – Польша, Чехословакия, Югославия и другие, – как становилось все яснее, обречены были стать первой жертвой Германии. Но поскольку Франция заявляла, что не собирается выводить свои войска в будущей войне за пределы собственных границ, то на какую помощь со стороны Франции могли они рассчитывать? «Малая Антанта» рушилась. Стратегия политической и военной пассивности содержала в себе еще одну, особенно роковую для Франции ошибку, которую сразу почувствовал де Голль. «Мне казалось, – вспоминал он позже, – что тем самым мы отдаляем Россию от союза с нами...»

Работа в качестве секретаря Высшего совета национальной обороны позволяла де Голлю все это увидеть и понять. Но что касается возможностей действовать, то при скромном служебном положении подполковника они были очень ограничены. Разумеется, удавалось немного улучшить тот или иной проект, несколько ускорить его продвижение, как это было с законом об организации государства во время войны. Но подобные мелкие успехи, не касавшиеся главного, что волновало де Голля, не могли удовлетворить его. Он мечтал о делах совсем иного размаха. Ясно, что надо было действовать. Ведь до сих пор в своих статьях, книгах он лишь выдвигал идеи, притом самого общего характера, шла ли речь о французской военной доктрине или о сущности и роли войны, армии, полководца, как в книге «На острие шпаги». Даже если бы к де Голлю прислушивались внимательнее, немедленных реальных последствий этих довольно абстрактных замыслов ожидать было трудно. Де Голль сознавал неотложную необходимость выдвижения иных, более конкретных практических предложений. Но каких? Ответ на этот вопрос невозможно было получить от людей, окружавших его на службе. Вокруг маршала Петэна и ему подобных царил атмосфера угодничества. Их взглядами, которые де Голль совершенно не разделял, полагалось только восхищаться.

Но с 1932 года, когда де Голль вернулся в Париж, он получил возможность общаться с людьми иного круга. Подполковник Люсьен Нашен, симпатию и доверие которого он уже приобрел давно, познакомил его с одним странным, но очень интересным человеком. Это был 80летний отставной офицер Эмиль Мейер. Когдато он учился в одном лицее с Жоффром, а его товарищем по Политехнической школе был Фош. Но если они стали маршалами и попали в разряд великих полководцев, то Мейер остался до конца дней скромным подполковником. Это было вполне закономерно, ибо Мейер отличался оригинальностью взглядов, необычайной образованностью и честностью. Свою карьеру он начал «портить» еще в 1895 году, когда открыто заявил, что не верит в виновность Дрейфуса. А вскоре этот офицер опубликовал брошюру «Довольно армий, довольно войн!» Нетрудно представить, как отнеслось начальство к его выходкам. В 1917 году он попытался выручить своего друга Люсьена Нашена, попавшего в плен к немцам, и написал письмо начальству немецких лагерей для военнопленных, в котором просил освободить Нашена. Чтобы польстить немцам, он в своем письме превозносил «величие души немецкого народа». Французская военная цензура, конечно, письмо задержала, и Мейер снова имел неприятности. Вот так он «делал» свою военную карьеру. Но этот человек жил в сфере духовных интересов. В молодости его

другом был один из видных представителей французской буржуазной мысли XIX века – Ипполит Тэн. Он поддерживал близкие отношения с крупнейшими писателями, политическими деятелями. С ним переписывался, например, Роже Мартен дю Гар, лауреат Нобелевской премии по литературе.

Человек необычайной интеллектуальной любознательности, он стал военным теоретиком и журналистом. Множество статей вышло изпод его пера, и некоторые из них отличались поразительной прозорливостью. В 1903 году, когда официальная французская военная мысль вынашивала планы наступления любой ценой, он предсказал, что война будет позиционной и мощь огня сделает очень трудными активные наступательные операции. Не от него ли Петэн и заимствовал свое преклонение перед превосходством артиллерии? В свое время именно благодаря таким взглядам будущий маршал внушил уважение молодому де Голлю.

Де Голль произвел на Мейера сильное впечатление своим твердым характером, непоколебимостью убеждений, принципиальностью и стремлением к действию. Старик сразу привязался к этому необычному офицеру, резко выделявшемуся из военной среды независимостью суждений и поведения. Люсьен Нашен познакомил де Голля и с другими интеллигентами, военными и гражданскими. Образовался кружок, душой которого был Эмиль Мейер, а его центром постепенно становился де Голль. Вот так появились, можно сказать, первые голлисты.

Вся эта компания собиралась каждый понедельник в кафе Дюмениль, напротив вокзала Монпарнас. Де Голль часто приглашал их к себе на улицу Сен-Франсуа-Ксавье. Долгие беседы велись в салоне зятя Мейера Гринбаум-Баллена в его квартире на бульваре Босежур. Это общество на протяжении шести лет будет своеобразным духовным убежищем де Голля. Здесь он проверял верность своих мыслей, делая их предметом обсуждения, узнавал много нового. Особенно большое значение для него имело его общение с Эмилем Мейером, который, по мнению Жана Лакутюра, явился, «быть может, единственным, кроме Андре Мальро, кто оказал прямое влияние на сознание и жизнь Шарля де Голля». Лакутюр утверждает также, что именно в беседах Мейера и де Голля родилась идея создания профессиональных бронетанковых вооруженных сил, идея, которая станет вскоре боевой программой де Голля.

Вообще-то мысль об этом носилась в воздухе. Оснащение армий новой техникой и в связи с этим революционные изменения в тактике, оперативном искусстве и в самой стратегии были неизбежным следствием промышленного развития и новых технических достижений. Де Голль хорошо знал военную историю и мог назвать множество сражений далекого прошлого, в которых рыцарская конница творила чудеса. Высокая степень неуязвимости делала ее всесокрушающим тараном. Теперь вместо лошади есть мотор, а вместо лат и шлемов – броня. Танки – вот оружие, призванное сыграть решающую роль. Именно они спасут Францию.

Де Голль давно понял, что Франция не сможет соперничать с будущим противником, то есть с Германией, количеством войск, поскольку ее население значительно меньше. Более того, именно в 30х годах Франция переживала невиданный демографический упадок. Перед Первой мировой войной рождалось 830 тысяч человек в год, а в 30х годах – 620 тысяч. Умирать стало больше людей, чем рождалось. Если век назад французы составляли одну шестую населения Европы, то теперь – одну шестнадцатую. Необходимо компенсировать этот трагический упадок французских людских ресурсов. Словом, какие бы стороны проблемы безопасности Франции ни обсуждали де Голль и Эмиль Мейер, они неизменно приходили к выводу о необходимости создания мощной, подвижной, ударной, но немногочисленной армии. Все подводило к мысли о танках.

Де Голль внимательно следил за военной литературой, за практикой разных армий. И всюду он находил подтверждение правильности своей гипотезы. Еще в Первой мировой войне англичане успешно использовали отдельный танковый корпус. Английский генерал Фуллер и военный теоретик Лиддел Гарт уже в те годы активно выступили за самостоятельное использование крупных бронетанковых соединений.

Попытки такого же рода предпринимались и во Франции, несмотря на пренебрежительное отношение к танкам со стороны военного руководства. Генерал Этьен 17 апреля 1917 года направил впереди пехотных батальонов специально созданное им танковое соединение. После войны в 1920 году генерал Этьен предложил создать армию в 100 тысяч человек, способную проходить 80 километров за одну ночь. Ударной силой этой армии должен был служить корпус в составе 4 тысяч танков и 20 тысяч человек. Генерала Этьена называли в армии «отцом танков». В 1928 году генерал Думенк предложил высшему командованию проект создания бронетанковой дивизии. Он не был принят. Правда, в 1933 году в лагере Сюип собрали из разных частей ядро легкой танковой дивизии. Но она была предназначена лишь для разведки и охранения.

Однако о широком и самостоятельном использовании танковых соединений французское верховное командование не хотело и слышать. Составленная в 1921 году под руководством Петэна «Временная инструкция по тактическому использованию крупных соединений» действовала до сих пор. В этом боевом наставлении говорилось, что пехота является главной ударной силой, что ее наступлению должен «предшествовать, поддерживать его и сопровождать огонь артиллерии при возможной помощи со стороны танков и авиации». Категорически приказывалось рассматривать танки лишь в качестве силы, поддерживающей пехоту. Это была тактика войны 1914–1918 годов.

Между тем в Германии подходили к делу совершенно иначе. Германские боевые уставы предусматривали самостоятельные действия танковых соединений, которые должны полностью использовать свое преимущество в скорости передвижения и в огневой мощи.

Де Голль считал, что медлить с проведением в жизнь его новых идей недопустимо, ибо он с каждым днем все больше убеждался в близости войны. И он энергично берется за разработку своих замыслов. Понимая, что предлагать их в рамках военной иерархии было бы наивно, он решил открыто выступить перед общественностью. В своих «Военных мемуарах» он пишет: «В январе 1933 года Гитлер стал полновластным хозяином Германии. С этого момента события неизбежно должны были развиваться в стремительном темпе. Так как не нашлось никого, кто бы предложил что-либо, отвечающее сложившейся обстановке, то я счел своим долгом обратиться к общественному мнению и изложить свой собственный план. Но поскольку это могло повлечь за собой определенные последствия, надо было ожидать, что наступит день, когда на меня будет обращено внимание общественного мнения. Не без колебаний я решил выступить после двадцати пяти лет подчинения официальной военной доктрине».

Заметим, что это «подчинение» он уже давно переносил скрепя сердце. Ну, а его «колебания» были очень недолгими. Ведь он питал надежду, что на него, наконец, будет «обращено внимание»...

Танки

Шарль де Голль вступает в свое первое настоящее сражение. Некоторые участники встреч в кафе «Дюмениль» предупреждают, что он должен выбирать между карьерой и своей «миссией». «Коннетабль» предпочел быть человеком идей, а не золотых галунов. Не колеблясь, в одиночку он повел наступление. Его противники – Гитлер и... французский Генеральный штаб!

Де Голль садится за новую книгу, в которой он намерен изложить свой план и свои идеи. Но время не ждет, и он сначала публикует 10 мая 1933 года статью, причем на этот раз не в военном официальном журнале, а в «Ревю политик э парлемантэр».

Жизнь развивается стремительно, пишет он, сейчас преступно растрачивать время на пребывание людей в казармах. Современная техника возвращает качеству прежнее превосходство над количеством. Отныне и на земле, так же как на море и в воздухе, отборный персонал, извлекающий из могучего оружия максимум возможного, может уже в самом начале войны добиться превосходства над врагом. Он подчеркивает, что выделение лучших, ударных войск – давняя традиция французской армии со времен великого короля Филиппа Августа. Суть своего замысла де Голль выражает словами поэта Поля Валери: «Специально отобранные люди, действуя группами в неожиданном месте в неожиданный момент, в кратчайший срок произведут сокрушающий эффект».

Де Голль заканчивает такими словами: «Прогресс и традиция требуют от Франции ради общего блага воссоздать элиту. Подобное усилие обойдется, конечно, не дешево, ибо этот корпус должен всегда отвечать требованиям изменений в технике. Однако его обновленная мощь, его юный престиж щедро компенсируют затраты. Ведь столетнему дереву терпкий сок несет не только обещания, но и тревогу. Увы, разве можно достичь обновления без самоотречения? В бессмертной музыке Грига мы слышим глухую меланхолию, прорывающуюся в фанфарах радости чудесного весеннего пения».

Все, что выходит изпод пера де Голля, обязательно носит отпечаток личных эмоций. И здесь требование «самоотречения» явно адресовано им прежде всего самому себе...

Ровно через год, в мае 1934 года, Берже-Левро выпускает в свет книгу де Голля «За профессиональную армию». Посвященная вопросам стратегии и тактики, многочисленным техническим деталям формирования танковой профессиональной армии, книга тем не менее написана с обычным для ее автора литературным блеском. Хорошо зная цену художественного слова, де Голль предпочитает приводить в тексте или в эпиграфах не скучные формулы военных теоретиков, а слова поэтов, писателей, философов. Среди них литераторы Анатоль Франс, Морис Метерлинк, Жан Ришпен, Альбер Самэн, Жорж Дюамель; мыслители Блез Паскаль, Франсуа Ларошфуко, Георг Гегель. Но это не только не заслоняет сурового, даже грозного смысла книги, но усиливает ее своеобразный драматизм.

В первой главе «Заслон» де Голль, ссылаясь на мысль Наполеона о том, что «политика государства заключается в его географии», прежде всего характеризует географическое положение Франции. «Грозная брешь» на ее северо-восточной границе открывает удобные пути вторжения, на которых отсутствуют какие-либо географические препятствия. Де Голль предсказывает, что в предстоящей войне территория Бельгии будет использована для вражеского нашествия. Затем он сравнивает национальную психологию и традиции «двух рас»: галлов и германцев, показывая причины неудержимой экспансии Германии и обычной неподготовленности Франции, которую война всегда застает врасплох. Он считает, что в будущей войне судьба Франции может решиться одним трагическим для нее ударом. Из всего этого де Голль делает следующий вывод: «Настало время, когда наряду с армией, комплектуемой за счет массы резервистов и призывников, составляющей основной элемент

национальной обороны, но требующей много времени для сосредоточения и введения в действие, необходимо иметь сплоченную, хорошо обученную маневренную армию, способную действовать без промедления, то есть армию, находящуюся в постоянной боевой готовности».

Во второй главе «Техника» де Голль описывает закономерность и необходимость механизации армии. Ее эффективное использование требует профессиональной подготовки солдат, аналогичной подготовке инженеров и техников в передовых отраслях промышленности. Однако такая подготовка невозможна в условиях существовавшего тогда во Франции одногодичного срока военной службы. К тому же, как с горечью замечает де Голль, «уже говорят о сроке службы в восемь месяцев, ожидая в дальнейшем его сокращения до шести или четырех». Он делает вывод, что при существующей системе невозможно научить солдата владеть новейшей техникой. Он характеризует далее боевые возможности техники, особенно восторженно отзываясь о танках. Эта глава, включающая основные положения опубликованной им ранее статьи, показывает, что эффективность техники требует высокой квалификации тех, кто ею управляет, а следовательно, их многолетней службы в армии.

Третья глава «Политика» раскрывает неразрывную связь между внешней политикой и военной организацией. Хотя Франция не намерена добиваться территориальных приобретений, защиту ее национальных интересов нельзя обеспечить только оборонительной техникой. Армия должна быть способна оказывать поддержку союзникам в любой части Европы. «Сколько крови и слез, – пишет де Голль, – стоила нам ошибка Второй империи, допустившей разгром Австрии при Садовой и не двинувшей свою армию на Рейн!.. Следовательно, мы должны быть готовы действовать за пределами нашей страны и в любых обстоятельствах. Создание профессиональной армии, предназначенной для превентивных и репрессивных действий, – необходимое условие проведения успешной внешней политики, торжества принципов коллективной безопасности, которая может быть обеспечена только при опоре на силу».

Сравнивая затем экономический и промышленный потенциал Франции и Германии, он показывает превосходство последней. Точно так же обстоит дело и с людскими ресурсами. «На одного француза в возрасте от 20 до 40 лет приходится два немца, два итальянца, пять русских... Предстоящие французские победы еще долго не будут победами больших батальонов». Следовательно, необходимо компенсировать относительную слабость Франции специальной организацией ее армии.

Четвертая глава «Состав» содержит детальную конкретизацию идеи профессиональной армии. Эта армия численностью в сто тысяч человек состоит из семи дивизий, до предела оснащенных техникой, особенно танками. Де Голль подробно разработал структуру армии, распределение ее личного состава, организацию различных вспомогательных служб. Армия должна быть укомплектована добровольцами, срок службы которых составил бы шесть лет. В дальнейшем эти отборные кадры могут быть использованы в качестве младших офицеров в основной части армии, состоящей из призывников.

В пятой главе «Использование» де Голль излагает свои планы практических действий его идеальной армии для прорыва прочной обороны противника. Он рисует картину стремительной переброски в течение одной ночи больших танковых соединений, одновременное наступление 3000 танков на фронте шириной в 50 километров, взаимодействие ударных сил с вспомогательными частями мотопехоты, с авиацией и артиллерией. Темп наступления—50 километров за день боя. После прорыва обороны, пишет де Голль, «откроется путь к великим победам, которые по своим далеко идущим последствиям сразу же приведут к полному разгрому противника... Таким образом тактика перерастает в стратегию, что некогда являлось конечной целью военного искусства и верхом его совершенства...»

В последней, шестой главе «Командование» де Голль анализирует изменения в управлении войной в связи с созданием профессиональной ударной армии. Личность командира приобретает теперь несравненно большую роль. Если раньше он мог руководить боем, находясь в надежно укрытом командном пункте, то теперь он должен быть впереди, в гуще борьбы. Только так он может руководить боем, темпы которого приобретают небывало стремительный характер. Здесь встречаются положения о роли личности, перекликающиеся с мыслями, высказанными де Голлем в книге «На острие шпаги». Вообще книгу в целом отличает ее преемственность с идеями, которые и раньше выдвигал де Голль.

Но кто же должен осуществить предложенную реформу? Де Голль ясно дает понять, что он не возлагает никаких надежд на руководство самой армии в связи с его косностью, отсталостью, с его глубокой враждебностью ко всему смелому и новому. Де Голль категорически заявляет, что преобразование армии – задача государства. И вот здесь начинается неопределенность. Если в отношении организации будущей профессиональной армии он рассчитал все, вплоть до роли каждого батальона, то в вопросе реализации его проекта много неясного. В самом деле, он не обращается ни к одной из существовавших тогда во Франции многочисленных политических партий, ни к одному из видных политических деятелей. Он надеется на государство вообще. Между тем именно государство де Голль считал тогда ответственным за упадок армии, за ее неподготовленность к войне. В своих «Военных мемуарах» он пишет, что «командные кадры, лишенные систематического и планомерного руководства, оказались во власти рутины». Резко критикуя тогдашнюю военную доктрину пассивности, он подчеркивает, что она «соответствовала самому духу режима». Как же можно было надеяться, что этот режим, который де Голль считал глубоко порочным, сможет провести столь серьезную реформу? Де Голль, правда, добавляет, что для этого понадобился бы еще и человек, подобный Лувуа или Карно.

Лувуа, министр Людовика XIV, вошел в историю как организатор коренной военной реформы, создатель регулярной армии, которую он снабдил новейшим оружием. Он, в частности, сформировал отборные ударные полки, вооруженные вместо старых мушкетов более скорострельными ружьями. Его имя связано также с «драгонами», с расправами над протестантами. Лазарь Карно – необыкновенно талантливый и энергичный организатор, полководец и ученый времен Великой французской революции и Наполеона. В годы революции его легендарная деятельность принесла ему почетную репутацию «организатора победы».

Причем успех деятельности Лувуа обеспечивала абсолютная власть Людовика XIV. Карно же опирался на могучие народные силы, пробужденные революцией. Во Франции середины 30х годов нашего века ничего подобного не было. К тому же нет никаких признаков того, чтобы де Голль считал кого-либо из современных ему политических или военных деятелей способным сравниться по своим личным качествам с Лувуа или Карно. Пожалуй, допустимо предположение, что де Голль намекал на самого себя.

Наконец, в книге «За профессиональную армию» содержалось нечто такое, что выходило далеко за пределы разбираемого в ней конкретного вопроса, что может рассматриваться в качестве первого откровенного и ясного намерения де Голля добиваться не только реформы армии, но и преобразования всего французского государства. Он заявлял, что военная реформа – лишь часть, элемент перестройки политической системы страны. «Вполне естественно, – писал он, – что национальное обновление следовало начать с реорганизации армии. В упорных усилиях по обновлению Франции ее армия служила бы ей подспорьем и примером. Ибо меч – это ось мира, и величие страны неотделимо от величия ее армии».

Неопределенные фразы об «обновлении» государства выглядели довольно загадочно. Дело в том, что третья книга де Голля вышла в момент общего авторитарного поветрия и возникновения фашистского движения во Франции. Тяготы экономического кризиса породили массовое недовольство городской и сельской мелкой буржуазии. На этой социальной

почве ожили старые и расплодился новые организации фашистского типа, вдохновлявшиеся успехами аналогичных движений в Германии и Италии. Среди многочисленных профашистских групп, лиг, организаций, союзов и т. п. наибольшим влиянием пользовались «Боевые кресты» полковника де ла Рока, старая «Аксьон франсэз» Шарля Морраса, а также движение бывших фронтовиков.

6 февраля 1934 года они пытались захватить Бурбонский дворец, где заседала палата депутатов. Произошли кровавые столкновения между фашистами и полицией. Но главной силой, остановившей фашизм, был рабочий класс во главе с компартией. Фашистская опасность толкнула социалистов к сотрудничеству с коммунистами. Острейшая борьба между фашистами и левыми продолжалась вплоть до войны, воплотившись затем в дуэль между Виши и Сопротивлением.

Распространяются идеология яростного антипарламентаризма, стремление «обновить» государство и трескучий шовинизм. Эти идеи в определенные моменты звучали явно в унисон с настроениями де Голля, отразившимися в его последней книге. Собственно, еще предыдущая работа «На острие шпаги» вызвала положительные отклики со стороны деятелей «Аксьон франсэз», этих поборников «интегрального национализма», так напоминавшего национализм де Голля. Однако некоторое сближение с организацией Шарля Морраса оказалось значительно слабее его недоверия к ее громогласному «патриотизму». К тому же де Голль стремился к политической независимости и не хотел связываться с какойлибо партией или группировкой.

Это не значит, что он предпочитал все более влиятельные левые партии. Коммунисты, социалисты, радикалы, составившие коалицию Народного фронта, на парламентских выборах 1936 года получили абсолютное большинство депутатских мандатов. К власти пришло правительство Народного фронта во главе с Леоном Блюмом. Трудящиеся добились серьезных социальных уступок, таких, например, как 40часовая рабочая неделя и оплаченный отпуск. Буржуазия, естественно, реагировала на это крайне нервно. Что касается де Голля, то он тоже отрицательно отнесся к Народному фронту. Интересно, что в своих мемуарах он не высказывает ни слова осуждения фашистских групп типа «Боевых крестов». Однако Народный фронт он с неприязнью именует «комбинацией». Де Голль считал, что социальные реформы замедлят военное производство, ослабят усилия по подготовке к войне, усилят раскол, противоречия внутри нации. Консервативный социальный инстинкт всегда будет сказываться в его поведении не менее сильно, чем убежденность в доминирующем значении национального фактора.

Итак, политическая линия де Голля в момент острейшего внутривнутриполитического кризиса оказалась несомненно правой, хотя и независимой от какихлибо определенных партий и группировок. В очень общей форме она отразилась в книге «За профессиональную армию», где невозможно обнаружить какиелибо демократические тенденции. Словом, не принимая идей какойлибо политической партии, де Голль в политике постепенно вырабатывал взгляды, которые в будущем получат название голлизма. Во всяком случае, он отрицательно относился к фашизму, крайности которого его шокировали. Тем более что нацизм в облике Германии ассоциировался тогда с угрозой безопасности Франции, что для него важнее всего. В конечном итоге он не считал важным, какая партия, какие деятели будут проводить в жизнь план создания профессиональной бронетанковой армии.

Пока план существует на бумаге, правда уже в виде небольшой книги, напечатанной в нескольких тысячах экземпляров. Продано было только 750. «Моя книга «За профессиональную армию», — пишет де Голль, — вызвала некоторый интерес, но не породила ни малейшего энтузиазма». Да, во Франции случилось именно так. По злой иронии судьбы книга, однако, имела успех там, где де Голль добивался его меньше всего, — в Германии. Там книгу быстро перевели, и она нашла гораздо больше читателей, чем на родине автора. Советники

Гитлера доложили ему о книге, и он ознакомился с ней. Книгу с большим вниманием прочитали и извлекли из нее практические выводы германские генералы Кейтель, Браухич и особенно генерал Гейнц Гудериан, самый активный поборник массового применения танков, автор известной книги «Внимание, танки!». Правда, нельзя сказать, что книга де Голля оказалась для немцев неожиданным открытием. Ее основные идеи высказывались разными людьми и раньше. Де Голль лишь систематизировал их в применении к конкретным условиям и изложил в очень впечатляющей форме. В это время вышла книга австрийского генерала фон Эймансбергера «Война бронированных машин», которая во многом перекликалась с книгой де Голля и также привлекла внимание в гитлеровской Германии. Немцы собирались воевать всерьез и энергично готовились к этому, не пренебрегая ничем. Кстати, забегаю вперед, следует отметить, что разработанная де Голлем организация танковой дивизии в основном совпадает с методами комплектования типичных танковых соединений времен Второй мировой войны.

Филипп Баррес (сын писателя Мориса Барреса, о котором речь уже шла) в книге о де Голле, рассказывая о своей беседе с Риббентропом в конце 1934 года, приводит такой диалог: «Что касается «линии Мажино», – откровенничал гитлеровский дипломат, – то мы прорвем ее с помощью танков... Наш специалист генерал Гудериан подтверждает это. Я знаю, что такого же мнения придерживается ваш лучший технический специалист». «А кто наш лучший специалист?» – спросил Баррес и услышал в ответ: «Голль, полковник де Голль. Это верно, что он так мало известен у вас?»

Действительно, нет пророка в своем отечестве! Если книга де Голля и была здесь замечена, то сразу же и отвергнута. Через месяц после ее выхода в свет, 15 июня 1934 года, в палате депутатов в связи с утверждением военных ассигнований выступил Эдуард Даладье, который был военным министром в четырех кабинетах. Влиятельный лидер партии радикалов имел репутацию крупного знатока военных вопросов. Не называя прямо де Голля и его книгу, он явно полемизировал с ней. Указав на опыт 1914 года, он решительно отверг идею каких-либо наступательных действий и превозносил достоинства оборонительной тактики, опирающейся на «линию Мажино». «Наш выбор, – говорил Даладье, – сделан давно, и он состоит в том, что мы предпочитаем организовать оборону в бетоне, с мощной системой автоматического оружия, грозную эффективность которого для атакующих войск показала война».

Затем на страницах журнала «Ревю де де монд» против де Голля выступил и генерал Вейган, занимавший до января 1935 года пост начальника Генерального штаба. Считая, что план де Голля ведет к разделению армии на две части, он заявил: «Две армии? – Ни в коем случае!» По его мнению, уже существующие средства армии достаточны: «Мы имеем механизированный, моторизованный и кавалерийский резерв. Заново создавать нечего, ибо все уже имеется». Фактически Франция имела тогда только одну легкую моторизованную дивизию в Реймсе.

Позднее, выступая на конных состязаниях в Лилле, генерал Вейган говорил: «Я думаю, что французская армия обладает сейчас такими замечательными качествами, каких она никогда не имела в своей истории: она владеет оружием высшего качества, первоклассными укреплениями, великолепным моральным духом и замечательным высшим командованием... Если от нас потребуют добиться новой победы, мы ее добьемся...»

В свою очередь, генерал Гамелен, сменивший Вейгана на посту начальника Генерального штаба, утверждал: «Я не верю в теории полковника де Голля. Эти теории не отличаются мудростью. Они не реалистичны... Они подобны мгновенной вспышке сухой соломы».

В момент выхода новой книги де Голля военным министром в правительстве Думерга был его давний покровитель маршал Петэн. Как же он отнесся к плану создания ударной бронетанковой армии? Ведь его позиция могла иметь решающее значение для успеха или

неудачи де Голля. Но за годы, прошедшие с тех пор, когда младший лейтенант восхищался самостоятельностью взглядов своего начальника, многое изменилось. Стал другим Петэн. Видимо, не зря в его личной карточке в отделе учета кадров еще до 1914 года была сделана такая запись: «Не продвигать выше бригадного генерала».

Уже в начале 20х годов де Голль убедился в ограниченности и косности маршала. Правда, хорошие отношения между ними пока сохранялись, хотя они становились все менее доверительными и сердечными. После 1927 года де Голль перестал бывать в доме Петэна. Однако его назначение в 1932 году в Высший совет национальной безопасности не обошлось без протекции Петэна.

Выход в свет книги «За профессиональную армию» возмутил Петэна, и именно он инспирировал выступления видных военных против теорий де Голля. Правда, подполковника еще приглашали на обеды, которые маршал устраивал в «Кафе де Пари». Причем они все больше отдалялись друг от друга не только из-за расхождений по чисто военным вопросам. Маршал на старости лет ударился в политиканство самого дурного пошиба. Он заигрывает с французскими фашистами, встречается с полковником де ла Роком, который одно время служил под его началом. Фашисты открыто называют Петэна своим кандидатом в диктаторы. Кроме того, используя разные официальные церемонии, он устанавливает связи с видными гитлеровцами, явно выражает симпатии фашистским диктаторам. Что касается де Голля, то патриотические настроения побуждают его, вопреки его консервативным взглядам, сближаться с антифашистами.

Окончательный разрыв с Петэном произошел из-за истории с новой книгой де Голля «Франция и ее армия», вышедшей в 1938 году. Книга, отразившая специфическое понимание де Голлем истории и роли армии, показывала, что армия на протяжении веков воплощала душу Франции и ее будущее. «Это было, – пишет де Голль в мемуарах, – моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы». Основой книги послужили материалы по истории французской армии, подготовленные де Голлем еще в 1925 году по указанию Петэна. Получив предложение издательства опубликовать работу, де Голль написал Петэну, спрашивая его разрешения на публикацию труда, написанного некогда под эгидой маршала. Тщеславный старик соглашался на это только при условии, если он будет фигурировать либо соавтором, либо главным вдохновителем книги. Это вполне соответствовало давней традиции, существующей не только во Франции, по которой высокое начальство считает естественным присваивать себе литературные лавры за произведения, вышедшие изпод пера подчиненного. Но в данном случае коса нашла на камень, которым оказался характер Шарля де Голля. Существует несколько версий этого конфликта. Например, ла Горе, один из самых авторитетных биографов де Голля, пишет: «Петэн потребовал права подписать книгу в качестве ее автора. Де Голль, написавший ее один, не согласился с этим и отказался от посвящения, в котором он хотел благодарить Петэна, позволившего ему предпринять этот труд. Специальная комиссия исторической службы армии рассматривала спор и признала правым де Голля».

Маршал Петэн с бешенством говорил о «неблагодарности», «бессердечии» де Голля, демонстративно отказываясь с ним разговаривать во время разных официальных встреч. Впрочем, де Голль не оставался в долгу. В это время как раз шли разговоры о формировании нового правительства, в котором военным министром намечался Петэн. Де Голлю предлагали место статссекретаря в этом же министерстве. Резко отклонив предложение, он сказал о Петэне: «Не доверяйте ему, этот двуличный человек опасен...»

С 1934 года и вплоть до войны маршал Петэн резко возражал против предложений де Голля. В предисловии к книге генерала Шовена «Возможно ли еще вторжение?» он объявлял вражеское вторжение невозможным: «Укрепленный фронт по «линии Мажино» делает более прочным европейское равновесие». Что касается бронетанковых сил, то Петэн писал: «Что

могло бы произойти в случае продвижения большой массы танков в парижский район?.. Войск, переброшенных на грузовиках, и нескольких танков будет достаточно для предотвращения возможного вторжения германских бронированных соединений». Он утверждал также, что «прямое участие вражеских воздушных сил в сражениях является иллюзией».

Де Голль отчетливо понимал, что подобное ослепление высшего военного руководства грозит Франции страшной катастрофой. Поэтому он с таким упорством и вел свой крестовый поход за создание ударной танковой армии. Де Голль уже давно испытывал презрение к таким институтам французской политической жизни, как парламент и депутаты, правительство и министры и, конечно, пресса и журналисты. И вот теперь он обивает пороги у этой публики. Огромная фигура «Коннетабля» маячит в грязных коридорах редакций, он терпеливо ждет приема у редакторов, приглашает журналистов на завтраки и обеды, просит посмотреть его рукописи и даже молча выслушивает высокомерные поучения. Не раз он наталкивался на грубые отказы, подвергался унижениям, особенно болезненным для такого человека, как он. Но ради своей цели он шел на все, лишь бы Франция была спасена!

В конце концов де Голлю удалось заинтересовать своими идеями нескольких журналистов, которые начали активно пропагандировать его планы. Так, Андре Пиронно, редактор «Эко де Пари», опубликовал 40 редакционных статей, разъяснявших идеи де Голля. В газете «Тан» их активно защищал его бывший товарищ по плену в Ингольштадте Реми Рур. Статьи в поддержку создания бронетанковой армии появились в «Журналь де деба», «Ордр», «Об» и в других газетах. Разумеется, верные единомышленники Люсьен Нашен и Эмиль Мейер тоже не жалели своих сил и напечатали немало статей в разных журналах. Де Голлю удалось добиться поддержки даже со стороны некоторых генералов, таких как Баратье, Кюньяк, Дюваль, также выступивших в печати.

Но поклонники «линии Мажино» отнюдь не складывали оружия. Контрнаступление проводилось гораздо более широким фронтом, поскольку оно опиралось на официальную поддержку. «Фигаро» печатала, например, такие статьи: «Танки не являются непобедимыми», «Слабость танков». «Меркюр де Франс» писал: «Немцы с присущим им наступательным духом, естественно, должны иметь танковые дивизии. Но миролюбивая Франция, перед которой стоят оборонительные задачи, не может быть сторонницей моторизации». Некоторые газеты и журналы превратили де Голля в мишень для насмешек и издевательств. Его сравнивали с королем Юбю, персонажем сатирической комедии, олицетворявшим эгоизм и тупость. Вот как это выглядело на страницах одного солидного журнала: «Стремясь оставаться в рамках учтивости, весьма затруднительно оценить идеи, которые граничат с безумием. Скажем прямо, господин де Голль с его современными идеями имеет предшественника в лице короля Юбю, который, также будучи великим стратегом, уже давнымдавно предвосхитил его мысль. «Когда мы вернемся из Польши, – говорил он, – мы благодаря нашим познаниям в области физики изобретем ветряную машину, способную перевозить всю нашу армию».

План де Голля подвергся нападкам не только со стороны слепых защитников официальной военной доктрины. Его резко критиковали и в лагере левой оппозиции. Заявление де Голля в книге «За профессиональную армию» о том, что армия должна стать орудием обновления государства, а также неопределенность названия книги давали некоторое основание для подозрений. Широко распространилось мнение, что план де Голля может привести к созданию своего рода преторианской гвардии, способной превратиться в орудие реакции, мечтающей о фашистской диктатуре. Многие истолковывали его план в том смысле, что речь идет о ликвидации массовой армии из представителей народа и замене ее кастой наемников, хотя де Голль имел в виду сохранить обычную массовую армию из призывников, лишь усилив ее отборным ударным корпусом в 100 тысяч военных, получивших профессиональную подготовку. Лидер социалистической партии Леон Блюм в конце 1934 года опубли-

ликовал в газете «Попюлер» серию статей, проникнутых подозрениями и тревогой. Среди них фигурировали статьи: «Нужна ли нам профессиональная армия?», «Долой профессиональную армию!».

Однако газетная полемика практически ничего не давала, поэтому де Голль мечтал приобрести поддержку в парламентских кругах. Но как проникнуть в этот совершенно чуждый для него мир, скрытый за колоннами Бурбонского дворца? Такие возможности все же представились благодаря тому же Эмилю Мейеру. В июне 1934 года на квартире у его зятя ГринбаумБаллена де Голль познакомился с молодым человеком по имени Жан Обюртен, который был сыном одного из многочисленных друзей хозяина дома и имел связи в политических кругах. Уже в первой беседе де Голль сумел убедить Обюртена в преимуществах своего плана. Собеседники пришли к заключению, что в этом же надо убедить когонибудь из известных политических деятелей. Решили, что таким деятелем может быть Поль Рейно. Обюртен взялся вручить ему экземпляр книги «За профессиональную армию» с дарственной надписью автора и договориться о том, чтобы он принял подполковника де Голля.

Поль Рейно, способный адвокат, выходец из богатой семьи, видный член парламента, сидевший на правых скамьях «умеренных», считался специалистом по финансам. Он был уже членом нескольких кабинетов и показал себя энергичным и способным политиком, часто выступавшим сторонником активной внешней политики, направленной на укрепление позиций Франции. Правда, ему не хватало решительности, последовательности и самостоятельности. Он никогда не мог противостоять, например, влиянию своей любовницы графини ла Порт, энергичной дамы со связями, простиравшимися от финансовых кругов до сторонников фашизма. Во всяком случае де Голлю Поль Рейно казался политиком с большим будущим. Этот юркий человек с лицом восточного типа, известный под кличками «Мышонок Микки», «Комар» и т. п., восполнял свой маленький рост огромным политическим честолюбием. Де Голль произвел на него впечатление, и он сразу обещал ему свою поддержку. В книге «Военная проблема Франции» Рейно пишет о де Голле: «Когда он пришел ко мне в 1935 году и изложил свой проект бронетанкового корпуса, я почувствовал вдруг зарождение надежды на спасение Франции». Все заставляет предполагать, что чувства Рейно носили несколько более практический характер; проект де Голля можно было эффектно использовать для своей политической карьеры. А де Голля интересовал лишь вопрос о судьбе его плана, и он охотно взял на себя труд написать для Рейно текст его речи в парламенте.

15 марта 1935 года во время дебатов по вопросу об увеличении срока военной службы до двух лет Поль Рейно выступил в палате депутатов с изложением проекта де Голля. Его речь была пересказом основных идей и аргументов, содержащихся в книге «За профессиональную армию». «Французская проблема, – говорил опытный оратор, – заключается в том, чтобы создать специализированный корпус, способный дать сокрушительный отпор всякому нападению. У нас есть политика; мы должны иметь армию для этой политики. А эта политика выражается во взаимопомощи и международном сотрудничестве. Уж не думают ли, что взаимопомощь может ограничиться пассивной обороной нашей территории, в то время когда господин Гитлер будет прогуливаться вдоль и поперек Европы?»

Речь имела успех, и вскоре Рейно внес проект закона о «Немедленном создании специальной армии в составе шести линейных и одной моторизованной дивизии, резервов общего подчинения и служб». Эта армия должна комплектоваться за счет личного состава, поступающего на службу по контракту, и должна быть полностью приведена в готовность не позднее 15 апреля 1940 года.

Законопроект передали, как полагается, в комиссию палаты депутатов по вопросам вооруженных сил. Эта комиссия, после обычных проволочек, естественно, захотела узнать мнение компетентных и ответственных военных органов. Вследствие этого в докладе по внесенному законопроекту появилось сокрушающее утверждение, что реформа армии «беспо-

лезна, нежелательна и противоречит логике и истории». Законопроект был похоронен. Такой исход дела нетрудно было предвидеть, ибо еще 15 марта 1935 года, когда Поль Рейно поставил в палате вопрос о создании ударной бронетанковой армии, военный министр Морэн в ответ на это заявил: «Как можно думать о наступательной тактике, если мы израсходовали миллионы на строительство укрепленного барьера? Надо быть сумасшедшим, чтобы выйти за пределы этого барьера и ввязаться в немыслимую авантюру».

Собственно, в высших военных кругах на де Голля и смотрели как на сумасшедшего, если не хуже. Маршал Петэн, генералы Вейган, Морэн, а также генералы Жорж, Претела, Дюфью, то есть все высшее руководство армии, относились к нему с откровенной педантичной злобой. Их раздражала его начинавшаяся известность, его независимость. «Журналист», «политикан», «интриган» – говорили по его адресу. Однажды на заседании Высшего совета национальной безопасности генерал Морэн заявил: «Прощайте, де Голль! Там, где нахожусь я, вам больше не место!» Морэн собирался отправить де Голля служить на остров Корсику. Однако, как вспоминает де Голль, «генерал Морэн лишь пугал меня громом; у него хватило великодушия не поражать меня ударами молний».

Но де Голлю от этого «великодушия» было не легче, ибо его план формирования ударной армии нисколько не приблизился к осуществлению. Это казалось ему тем более возмутительным, что события с роковой методичностью подтверждали его наихудшие опасения.

Не прошло и года со дня захвата власти Гитлером, как его агрессивная программа, откровенно изложенная в «Майн кампф», начинает осуществляться. В октябре 1933 года Германия демонстративно уходит из Лиги Наций.

В 1934 году начинается подготовка к захвату Австрии. В июле фашистами убит канцлер Дольфус. В октябре в Марселе под пулями фашистского убийцы пали французский министр иностранных дел Барту, пытавшийся оживить планы коллективной безопасности, и югославский король Александр. Заменивший Барту Лаваль начинает открыто помогать фашистским лидерам Германии и Италии готовить мировую войну. В январе 1935 года он способствует передаче Гитлеру Саарской промышленной области, находившейся по Версальскому договору под французским контролем. Власть Гитлера внутри Германии и его международные позиции укрепляются. В марте 1935 года он восстанавливает всеобщую воинскую повинность. В октябре Муссолини, заручившись согласием Лавалья, нападает на Эфиопию. В марте 1936 года германские войска занимают Рейнскую демилитаризованную зону силами всего лишь нескольких батальонов. Стоило Франции, на что она имела полное право, послать хотя бы одну дивизию, и гитлеровская авантюра кончилась бы крахом, в результате которого Гитлер вряд ли удержался бы у власти. Но Франция не пошевелила пальцем, ограничившись печально знаменитым заявлением Альбера Сарро: «Мы не оставим Страсбург под прицелом германских пушек». Был упущен благоприятный момент предотвратить новую войну. Де Голль считал, что будь у Франции танковые дивизии, то одного лязга их гусениц и гула моторов было бы достаточно, чтобы поставить крест на этой и всех будущих авантюрах Гитлера.

Но грозные события следуют одно за другим нарастающей лавиной. Мятеж Франко в Испании ставит под угрозу тыл Франции. В ущерб своим очевидным национальным интересам Франция предает Испанию и позволяет Франко с помощью Гитлера и Муссолини уничтожить Испанскую республику. В 1938 году следует аншлюс Австрии, затем Мюнхен и выдача Гитлеру на растерзание союзника Франции – Чехословакии. Не оказывая никакого противодействия агрессорам, Франция приближалась к катастрофе.

А де Голль находится в положении пророка, которому откликнулись события, тогда как люди остались глухими. Но он упорно продолжает свой крестовый поход за танки, как ни ничтожны его шансы на успех. Он все время старается подталкивать Поля Рейно, для которого идеи де Голля стали важным средством усиления политического влияния. Из дру-

гих правых депутатов его план активно защищает ле Кур Гранмезон, член парламентской комиссии национальной обороны. Известные политики Александр Мильеран, Жозеф Поль-Бонкур, Камил Шотан склоняются к поддержке плана де Голля.

Вопреки своим консервативным политическим симпатиям де Голль ищет поддержки левых, правда отнюдь не самых левых, деятелей. Он хотел, чтобы мелодия звучала «на разные голоса», лишь бы они были погромче. Левый католик, антифашист, сторонник Народного фронта Филипп Серр произносит в парламенте пламенные речи в защиту профессиональной армии. Социалист Лео Лагранж также становится ее сторонником. Де Голль особенно рассчитывал на способности бывшего социалиста Марселя Деа. Но он превратился вскоре в самого отъявленного гитлеровца.

Правда, сторонники военной реформы подчас связывали с ней идеи, абсолютно чуждые де Голлю. Филипп Серр вдохновенно говорил о создании одновременно «армии Жореса и армии Лувуа». Лувуа, да, но при чем здесь Жорес, мечтавший о народной армии социалистической Франции? Все же де Голль идет на сближение с антифашистскими силами. Патриотизм объединяет его с ними. Незадолго до войны он становится членом кружка «Друзья «Тан презан», левого католического издания антифашистского направления. Разумеется, это отнюдь не означает, что он усваивает гуманистические и пацифистские элементы идеологии своих союзников слева. Поставив перед собой задачу спасения Франции, он считает возможным использовать для ее достижения любые средства. Во всяком случае, связи де Голля с его политическими союзниками, их выбор вызывают резкую критику со стороны многих его военных коллег, находившихся под влиянием «Аксьон франсэз».

Де Голль со скептической неприязнью отнесся к социальному и политическому подъему, выдвинувшему Народный фронт. Но он заметил и оценил его динамизм и антифашистскую природу. «В этой обстановке, – вспоминал де Голль, – наличествовал, как мне казалось, определенный психологический элемент, позволявший покончить с пассивностью. Вполне естественно было предположение, что в условиях торжества националсоциализма в Берлине, господства фашизма в Риме, наступления фалангизма на Мадрид Французская республика пожелает перестроить как свою социальную структуру, так и свою военную организацию».

Сторонники де Голля, прежде всего Эмиль Мейер, сумели устроить так, что в октябре 1936 года его пригласил Леон Блюм, лидер социалистов и глава правительства Народного фронта.

В этот день де Голль испытывал чувство горького удовлетворения: случилось еще одно из его мрачных пророчеств. Бельгийский король, поняв, что надеяться на Францию нельзя, объявил о разрыве союза с нею. А ведь Петэн, уповая на этот союз и бельгийские укрепления, не допустил продления до моря «линии Мажино». Правда, Гитлер дал королю новую «гарантию» неприкосновенности его границ, которая, по выражению одного французского депутата, больше всего «походила на смертный приговор».

И вот де Голль входит в кабинет премьера. Навстречу ему поднимается, вздрагивая обвисшими седыми моржовыми усами, высокий (правда, не такой, как сам де Голль), тощий старик в очках. Что касается впечатления Блюма о де Голле, то он описывал его так: «Я вижу человека, входящего со спокойной непринужденностью, даже невозмутимостью, рост, фигура, широкие плечи которого выражали что-то гигантское. Манера, с которой он представился и пристально рассматривал меня в упор, его медленный и размеренный голос – все говорило о том, что он мог быть охвачен только одной идеей, одной верой, поглощавшей его до конца так, что все остальное уже не принималось в расчет... Клемансо является крайним выражением темперамента этого типа; мизантропия не мешала ему думать о полезных результатах какойлибо деятельности, от которой ничто не может его отвратить, поскольку она жизненно необходима для него...»

Блюм своим тонким, какимто детским голосом сразу стал уверять де Голля, с каким большим интересом он относится к его планам. «Однако, – резко ответил де Голль, – вы против них боролись». «Когда становишься главой правительства, – объяснил Блюм, – взгляд на вещи меняется». Затем речь зашла о том, что будет делать Франция, когда Гитлер двинется в Австрию, Чехословакию, Польшу. «Очень просто, – с сарказмом говорил де Голль, – в зависимости от обстоятельств, мы призовем людей либо из резерва первой очереди, либо из запаса. А затем, глядя сквозь амбразуры укреплений, будем безучастно созерцать, как поражают Европу».

«Как! – с испугом воскликнул Блюм. – Разве вы сторонник того, чтобы мы направили экспедиционный корпус в Австрию, в Бельгию, в Польшу?»

«Нет! – отвечал де Голль. – Но если вермахт будет наступать вдоль Дуная или Эльбы, почему бы нам не выдвинуться на Рейн? Почему бы нам не войти в Рур, если немцы пойдут на Вислу? Ведь если бы мы были в состоянии принять такие контрмеры, то, несомненно, одного этого было бы достаточно, чтобы не допустить агрессии. Но при нашей нынешней системе мы не в состоянии двинуться с места. И наоборот, наличие танковой армии побуждало бы нас к действию. Разве правительство не чувствовало бы себя увереннее, если бы заранее было к этому готово?»

Социалистический лидер, известный своей «стратегией синтеза», то есть примирения непримиримого, любезно соглашался: «Было бы, конечно, прискорбно, если бы нашим друзьям в Центральной и Восточной Европе пришлось стать жертвами вторжения. Однако в конечном счете Гитлер ничего не добьется, до тех пор пока не нанесет поражения нам. А как он может это сделать? Вы согласитесь с тем, что наша система, мало пригодная для наступательных действий, блестяще приспособлена для обороны... Во всяком случае, наша оборонительная линия и фортификационные сооружения смогут обеспечить безопасность нашей территории».

«Нет ничего более сомнительного, – отвечал де Голль. – Уже в 1918 году не существовало непреодолимой обороны. А ведь какой прогресс достигнут с тех пор в развитии танков и авиации! В будущем массированное использование достаточного количества боевых машин позволит прорвать на избранном участке любой оборонительный барьер. А как только брешь будет проделана, немцы смогут при поддержке авиации двинуть в наш глубокий тыл массу своих быстроходных танков. Если мы будем располагать танками в равном количестве, все можно исправить, если же нет – все будет проиграно».

Леон Блюм заявил де Голлю, что приняты решительные меры и на создание самолетов и танков отпущены дополнительно большие средства. Де Голль объяснил Блюму, что танки предназначены для сопровождения пехоты и таким образом огромные средства не дают главного – самостоятельной отборной танковой армии. Поэтому деньги летят на ветер. «Как используются кредиты, ассигнованные военному министерству, – заявил премьер-министр, – это дело Даладье и генерала Гамелена». «Несомненно, – отвечал де Голль. – Однако я позволю себе заметить, что за состояние национальной обороны отвечает правительство».

Хотя во время беседы де Голль только и делал, что опровергал мнение премьера, Блюм все же любезно сообщил ему, что был бы рад видеть его в ближайшем окружении военного министра. Блюм не успел уточнить свое предложение, как де Голль резко отверг его, сославшись на то, что он уже назначен в Центр высших военных исследований и что в течение срока его стажировки там он не может принять другого назначения. Видимо, перспектива служить под непосредственным началом Даладье, этого ярого противника военной доктрины де Голля, совсем ему не улыбалась.

Беседа сурового подполковника и премьер-министра продолжалась долго. Одновременно Блюм то и дело хватал трубку и отвечал на телефонные звонки. Раз десять его отрывали для решения какихто мелких парламентских и административных дел. Прощаясь с де

Голлем, Блюм безнадежно махнул рукой и устало сказал: «Судите сами, легко ли главе правительства придерживаться вашего плана, если он и пяти минут не может сосредоточиться на одном и том же!»

Глава правительства показался де Голлю беспомощным, задержанным человеком, не способным на решительные действия, что, в сущности, было абсолютно верно. Ведь хотя Блюм на этот раз и выразил сочувственное отношение к планам де Голля, он ровно ничего не смог сделать, чтобы преодолеть сопротивление противников этих планов. Де Голль давно разочаровался в тех, кто возглавлял военную иерархию, поняв непреодолимость их тупого упорства в защите своих устаревших представлений. Теперь, познакомившись с миром высокой политики, он не перестал презирать профессиональных политических деятелей с их нерешительностью, страхом за карьеру, безответственностью и беспринципной изворотливостью. Однако среди них попадались люди, сумевшие понять обоснованность его планов и даже готовые поддержать их, в то время как французская армия в лице ее прославленных полководцев отвергала е порога явно целесообразные с военной точки зрения предложения. Интересно, что Блюм, попав в фашистскую тюрьму после разгрома Франции, написал мемуары, в которых он признал своей большой ошибкой то, что он не поддержал в свое время де Голля. «Возможно, – писал он, видимо, переоценивая и его план, и свою ошибку, – войны удалось бы избежать, если бы была осуществлена система де Голля».

Она не была осуществлена. Де Голль ничего не добился. Упрекать его самого за провал плана бронетанковой ударной армии нельзя; он делал все, что можно, и даже многое из того, что в его положении согласно обычному представлению делать нельзя. Когда, по всеобщему мнению, у него уже не оставалось никаких шансов на успех, он все же продолжал борьбу с упорством и верой Дон Кихота. Видно, не зря карикатуристы изображали его верхом на Россинанте. Своей высокой тощей фигурой де Голль внешне действительно напоминал традиционный образ знаменитого рыцаря. Но только ли внешне? С одной стороны, он нашел во многом очень верное средство укрепления безопасности Франции, он ясно предвидел ход событий, проявив при этом исключительную трезвость, глубину мысли и чувство реализма. Но его прозорливость в военных делах, в оценке внешнеполитических перспектив Франции сочеталась с удивительной на первый взгляд слепотой в понимании характера и смысла того официального военнополитического курса, который служил препятствием на пути создания бронетанковой ударной армии.

Он объяснял этот курс «слепотой политического режима, занятого всякими пустяками», «обстановкой невероятной апатии» и «глубочайшим национальным самоотречением». В действительности «слепота», «апатия», «самоотречение» были лишь внешним покровом глубоко классового характера буржуазной политики. Петэн, Вейган и другие люди устарелых военных взглядов гораздо лучше выражали эту политику, чем самоуверенный малоизвестный подполковник с его новыми и смелыми идеями. Поэтому он совершенно закономерно оказался изолированным от родственной ему социальной среды, в которой националистический дух начала века окончательно уступил место классовому страху, затемнявшему разум. Может быть, де Голлю следовало энергичнее добиваться поддержки в другом лагере, среди левых, выражавших теперь патриотические и антифашистские настроения народа? Но в тех условиях это оказалось невозможным для человека столь консервативного склада. Только какие-то совершенно исключительные обстоятельства могли заполнить пропасть, отделявшую его от народа. А для этого время еще не наступило.

В безуспешной борьбе де Голля за военную реформу впервые обнаружился смысл драмы его жизни. Он часто будет одиноким, изолированным даже от тех, кому он не только не изменял, но, напротив, служил необычайно верно. Пока это приносило ему лишь разочарование и горечь поражений. Другой повернул бы к конформизму, сулившему успешную карьеру, но, конечно, исключавшему особую судьбу, без которой де Голль не видел для себя

смысла в жизни. Вот почему неудача в борьбе за танки не поколебала его решимости оставаться самим собой.

Разгром

Еще в 1934 году во время поездки в один из пограничных восточных гарнизонов де Голль остановился на полпути от Парижа, недалеко от Шомона, в деревне Коломбэ-лез-Эглиз, расположенной среди равнин и невысоких холмов, покрытых перелесками. Его внимание привлек довольно простой двухэтажный дом, окруженный небольшим парком. Дом и участок земли принадлежали одной американской семье, которая хотела продать это небольшое поместье. Мадам де Голль давно мечтала о загородном доме в тихом сельском месте. К тому же мягкий, прохладный климат департамента Верхняя Марна, по мнению врачей, был бы очень полезен для больной Анны. Де Голль покупает «Буассери», как называется дом с парком, который будет его любимой резиденцией до конца дней. Семья поселяется здесь, и он при малейшей возможности уезжает в Коломбэ. В сельской глуши, созерцая широкие пустынные горизонты, он отдыхал от парижской напряженной жизни, размышлял, как всегда, много читал и писал.

Пятое десятилетие в жизни де Голля не было для него ни легким, ни приятным, ни успешным в карьере. Напротив, окружающая обстановка не радует его. В 1932 году он похоронил своего отца. В 1937 году, за правкой рукописи книги де Голля «Франция и ее армия», скончался Эмиль Мейер. Незаживающей раной оставалась болезнь дочери Анны. Атмосфера на службе осложнялась по мере того, как де Голль все решительнее критиковал официальную военную политику. Хотя борьба против нее принесла ему некоторую известность и давала сознание мрачной удовлетворенности тем, что он вопреки всему выполняет свой долг, она обходилась ему недешево. В 1936 году его вычеркнули из списка офицеров, представляемых к присвоению звания полковника. Только после пребывания в Центре высших военных исследований в конце 1937 года ему присваивают чин полковника, да и то благодаря хлопотам Поля Рейно, просившего об этом военного министра Даладье. А между тем Жуэн вместе с ним окончивший СенСир, в 1938 году уже получает генеральские дубовые листья.

Профессиональная бронетанковая ударная армия оставалась мечтой, а война неотвратимо надвигалась. Де Голль возмущается «глупостью ротозеев, приветствовавших мюнхенскую капитуляцию». Он был одним из немногих, кто сознавал близость войны. Ну что же, надо к ней готовиться! Тем более что в июле 1937 года полковник де Голль назначен командиром 507го танкового полка в Меце. Он снова становится требовательным и пунктуальным командиром, доводящим до совершенства подготовку своей воинской части. В тужурке и шлеме танкиста полковник, несмотря на свой огромный рост, умудряется влезать в тесный танк. Водители, механики, стрелки, радисты изнемогают от напряженных усилий, но зато 507й полк становится образцовым, а де Голль получает прозвище «полковник Мотор». На параде 14 июля 1938 года командуя корпусом генерал Жиро поздравляет полковника де Голля. Впрочем, генерал Жиро, типичный армейский служака, мыслящий положениями Уставов, не жалуется де Голлю, ибо знает о его расхождении с высоким начальством. Однажды на маневрах дивизии де Голль предлагает бросить его танковый полк в самостоятельную атаку, что решительно противоречит инструкциям. Генерал Жиро резко обрывает его: «Пока я жив, милейший де Голль, вам не удастся навязать здесь свои теории...»

Между тем в сентябре 1939 года начинается война, и германские танковые дивизии за две недели разгромили Польшу, действуя именно в духе подобных теорий. Франция же, как и предвидел де Голль, безучастно наблюдает за крахом союзника, не высовывая носа за «линию Мажино». Говорили, что Франция уподобилась старой черепахе, втянувшей голову в свой панцирь. В дополнение к этому панцирь оказался не прочнее яичной скорлупы. А между тем немцы оставили на своей западной границе лишь слабый заслон, который нетрудно было бы прорвать, если бы Франция имела ударную бронетанковую армию.

За день до начала войны де Голль назначен командующим танковыми войсками 5й армии в Эльзасе, в Вангенбурге. Это повышение не доставило де Голлю большого удовольствия. «На мою долю выпало, – говорил он, – играть роль в ужасной мистификации... Несколько десятков легких танков, которыми я командую, – это всего лишь пылинки... Мы проиграем войну самым жалким образом, если не будем действовать».

Но действовать никто не собирался. Французская армия, совершенно не подготовленная к современной войне, оставалась все в том же состоянии. Официальные лица произносили успокаивающие речи на тему о несокрушимой оборонительной мощи «линии Мажино». Это была так называемая «странная война», во время которой французское военное командование питало фантастическую надежду на то, что до настоящей войны дело вообще не дойдет.

В январе 1940 года де Голль был в Париже. Поль Рейно, в то время министр иностранных дел, пригласил его на завтрак. Здесь был также и Леон Блюм, который спросил де Голля, как он представляет себе развитие событий. «Весь вопрос теперь в том, – отвечал де Голль, – нанесут ли немцы удар на западе, чтобы захватить Париж, или на востоке, чтобы выйти к Москве». Такое заявление де Голля очень удивило Блюма: «Вы так думаете? Немцы ударят на восток? Но какой же им смысл увязать в бескрайних русских просторах? Вы считаете, что они бросятся на запад? Но ведь они бессильны против «линии Мажино»!»

Что касается Поля Рейно, то он слушал де Голля, не произнося ни слова, и одобрительно кивал головой. Полковник и Леон Блюм вместе молча вышли из здания министерства финансов, где происходила встреча. У выхода на площадь Курсель де Голль остановил Блюма такими словами: «Если вы в состоянии действовать вместе с Полем Рейно, то действуйте, я вас заклинаю...»

Де Голль понял, что в Париже очень смутно представляют себе военную и политическую обстановку. Такое же впечатление произвела на него беседа с президентом Лебреном, посетившим 5ю армию и осмотревшим с уверенным видом устаревшие танки, которыми командовал де Голль. Лебрен тоже не ожидал со стороны немцев какихлибо сюрпризов.

Еще в ноябре де Голль направил в Генеральный штаб записку об уроках, которые следует извлечь из операций вермахта в Польше. Он подчеркнул высокую эффективность бронетанковых и моторизованных сил и крайнюю неустойчивость оборонительных линий поляков. Записка не имела никаких последствий. Генерал Дюфьё ограничился пренебрежительным замечанием: «Эти выводы при нынешнем состоянии вопроса должны быть отклонены».

В случае войны французские танковые соединения попрежнему обязаны были действовать в соответствии с «генеральной инструкцией» от 12 августа 1936 года. Генерал Эймансбергер в немецком журнале «Милитервохенблатт» в мае 1937 года писал о ней: «Предлагаемое в этой инструкции тактическое применение танков свидетельствует о потрясающем незнании действительности».

Де Голль предпринял еще один, совершенно беспрецедентный для армейского полковника шаг. 21 января 1940 года он направил 80 наиболее крупным военным и политическим деятелям меморандум, в котором вновь писал о крайне опасном положении Франции и о необходимости немедленных энергичных мер. Де Голль предупреждал о неизбежности большого наступления немцев с применением огромных бронетанковых и механизированных сил при поддержке авиации. Он предсказывал, что французский фронт может быть в любой момент прорван и тогда разгром неминуем. Он требовал немедленно свести в один кулак все распыленные по разным соединениям танки. Де Голль ясно видел будущее. Ссылаясь на опыт боевых операций в Польше, де Голль писал: «Быть инертным в нынешнем конфликте, значит оказаться побежденным... Французский народ ни в коем случае не должен питать иллюзий, будто бы нынешний отказ наших вооруженных сил от наступательной док-

трины соответствует характеру начавшейся войны. Как раз наоборот. Мотор придает современным средствам уничтожения такую мощь, такую скорость, такой радиус действия, что уже начавшаяся война рано или поздно по размаху и стремительности маневра, внезапности атак, по масштабам вторжения и преследования намного превзойдет все, что было наиболее замечательного с этой точки зрения в прошлом... Не следует заблуждаться! Начавшаяся война может превратиться в самую распространенную, самую сложную, самую жестокую из войн, которые когда-либо опустошали землю. Породивший ее политический, экономический, социальный и моральный кризис носит столь глубокий и всеобъемлющий характер, что он неизбежно приведет к коренному перевороту в положении народов и в структуре государств. В силу непостижимой гармонии вещей орудием этого переворота, вполне соответствующим его гигантским масштабам, становится армия моторов. Уже давно пора Франции сделать из этого вывод».

Гласом вопиющего в пустыне остался и этот крик души полковника де Голля. В Париже же происходило нечто невероятное. О войне против Германии как будто забыли, хотя германского вторжения можно было ожидать в любой момент. Коечто, правда, делали. В начале 1940 года наконецто сформировали одну танковую дивизию, оснастив ее устаревшими машинами образца 1925 года. Дивизия получила 120 таких танков, тогда как, по расчетам де Голля, полностью оправдавшимся практикой войны, их должно было быть 500.

Зато лихорадочная деятельность развернулась в другом направлении. В это время шла война между Финляндией и СССР. Решено было ввязаться в эту войну на стороне Финляндии. Началась бешеная подготовка так называемой «белой Марны», как, по безумной аналогии с боями на Марне в 1914 году, называли авантюристический план антисоветской войны. Хотя французская армия, против которой стояли готовые к бою огромные силы гитлеровцев, крайне нуждалась в самом необходимом, в Финляндию срочно направили 175 самолетов, 500 орудий, 5000 пулеметов и автоматов и другое снаряжение. 8 января Даладье отдал приказ о формировании специальной альпийской бригады для отправки в Финляндию. Приказ был выполнен за 20 дней. 19 января последовало указание подготовить план операции по уничтожению нефтяных промыслов в Баку. На Ближний Восток направили для подготовки наступления на Кавказ генерала Вейгана. Только окончание в марте 1940 года советско-финской войны предотвратило осуществление этих грандиозных по своей нелепости замыслов. Генерал де Голль так описывает в своих «Военных мемуарах» тогдашнюю обстановку во Франции: «Надо сказать, что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России – оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией... Что касается совершенно дезориентированной массы, чувствовавшей, что ничто и никто во главе государства не в состоянии руководить событиями, то она находилась в состоянии сомнения и неуверенности. Ясно было, что серьезное испытание вызовет в стране волну отчаяния и ужаса, которая может погубить все».

20 марта 1940 года разразился правительственный кризис, кабинет Даладье ушел в отставку. После прорыва «линии Маннергейма» Красной Армией и заключения перемирия обнаружилась бессмыслица планов антисоветской войны, которую Даладье превратил в главную задачу своего правительства. Формирование нового кабинета поручили Полю Рейно, зарекомендовавшему себя в качестве сторонника ведения серьезной войны против Германии или, как говорили тогда, «французского Черчилля». Не последнюю роль в приобретении такой репутации играло то, что Рейно ловко использовал с 1935 года идеи де Голля, которые он громко провозглашал.

Рейно немедленно вызвал в Париж де Голля и поручил ему написать правительственную декларацию. Полковник быстро составил яркий и краткий текст, целиком одобренный новым премьером. Де Голль впервые становится непосредственным свидетелем процедуры

формирования кабинета и видит этот клубок интриг, сделок, взаимный обман и жонглирование парламентской арифметикой. Он видит игру интересов, тщеславия, корыстных расчетов. Казалось, все забыли, что идет война, что над Францией нависла смертельная опасность. На де Голля все это производит впечатление чудовищного фарса.

Распределяя должности министров, Рейно учитывал не способности того или иного человека, а то, сколько это даст голосов депутатов. Так, он поручил важный пост военного министра Эдуарду Даладье, бывшему премьеру, с которым у него были самые плохие отношения. Все знали, что нормально работать вместе они не смогут. Но Рейно нужны были голоса радикалов. Новый премьер назначил министрами 11 представителей этой партии, а при голосовании из 116 депутатов-радикалов он получил от них только 33 голоса. Чтобы заручиться поддержкой крайне правых, открыто требовавших скорейшего мира с Гитлером, он назначил на ответственный пост генерального директора Индокитайского банка Поля Бодуэна, друга Лаваля и отнюдь не противника фашизма. Иначе говоря, чтобы вести войну с Гитлером, Рейно сделал министром прогитлеровца. Впрочем, в кулуарах палаты говорили, что на этом назначении настояла графиня ля Порт, любовница Рейно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.